

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССХХ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. ВАЛАНШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскихъ и Маринскихъ мостовъ, д. № 90—1.

1889.

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Топографія средневѣковой Константинополь Г. Дестуниса.

Историко-географическія извѣстія Герберштейна Е. Замыслоноваго.

Греческое и русское право въ договорахъ съ Греціей X вѣка В. Сергѣевича.

Громовникъ по повѣрьямъ и сказаніямъ племенъ южной Сибири и сѣверной Монголіи Г. Потанина.

Замѣтки о древне-русской одеждѣ и вооруженіи В. Стасова.

Критика и библиографія:

Труды третьяго международнаго съѣзда ориенталистовъ въ С.-Петербургѣ. 1876. Томъ первый, подъ редакціей В. В. Григорьева. Съ картою восемью таблицами рисунковъ. Томъ второй, подъ редакціей барона В. Р. Розена. Съ приложеніемъ пяти литографированныхъ снимковъ Н. Веселовскаго.

Замѣтки о методѣ и приѣмахъ преподаванія русскаго языка въ учительскихъ семинаріяхъ К. Грузинцева.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

(См. на 3-й стр. обертки).

ГРОМОВНИКЪ ПО ПОВѢРЬЯМЪ И СКАЗАНІЯМЪ ПЛЕМЕНЪ ЮЖНОЙ СИБИРИ И СѢВЕРНОЙ МОНГОЛІИ.

I.

Выдающееся мѣсто между явленіями природы, наводившими ужасъ на нервобитнаго человѣка и потому послужившими основой для образованія мифовъ, занимаетъ грозовое явленіе, реализацію котораго въ мифѣ у насъ принято называть „Громовникомъ“. О томъ, какъ отразились представленія о грозовомъ явленіи въ мифахъ сѣверной Азии, намъ мало извѣстно за исключеніемъ того, что сказано объ этомъ Кастреномъ въ его „Финской мифологіи“. Вкладъ, сдѣланный Кастреномъ въ науку, отнесется преимущественно къ Финнамъ Финляндіи; шаманскаго же міра Сибири Кастренъ касается въ своей книгѣ только мимоходомъ, при случаѣ, когда ему пужно освѣтить темныя мѣста въ вѣрованіяхъ Прибалтійскихъ Финновъ. Мы попытаемся пополнить свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, сдѣлавъ сводъ представленій о Громовникѣ преимущественно по сказаніямъ и повѣрьямъ южной Сибири и сѣверной Монголіи.

Что громъ Монголы приписываютъ „Лу“, то-есть, дракону, — это извѣстно изъ многихъ путешествій по Монголіи. По болѣе подробному повѣрью, Лу есть только подсѣдельное животное, на которомъ разъѣзжаетъ Тэнгри-ханъ или просто Тэнгри. На вопросъ: что производитъ громъ? Монголы отвѣчаютъ различно; кто скажетъ, что это Лу, кто — что это Тэнгри. О самомъ Лу представленія также различны; самое распространенное, конечно, поддерживаемое рисунками на китайскихъ впамякахъ, есть то, что это — змѣя; по слову одного Халхасца мнѣ довелось услышать, что есть и такое миф-

ніе, будто это—шаманъ, а также другое, что это—верблюдъ, на которомъ сидитъ человѣкъ, бьющій въ бубенъ. Урянхайцы вмѣсто Лу говорятъ Улы и вмѣсто Тэнгри-ханъ — Теръ-ханъ; послѣднее имя вполне соответствуетъ монгольскому, потому что Урянхайцы, вмѣсто монгольскаго тэнгри, небо, произносятъ теръ. Монголы въ имени Тэнгри прибавляютъ иногда Хурмусту; они говорятъ, что во время грозы на Лу ѣздитъ Тэнгри-Хурмусту-ханъ. Что Хурмусту было именемъ Громовника, показываютъ нѣкоторыя мѣста въ сказкахъ и былинахъ; въ напечатанной мною сказкѣ о Бородай-Ху ¹⁾ Гурбустэнъ-ханъ (который, вѣроятно, есть то же, что Хурмусту-ханъ) замѣняетъ Громъ-батюку русскихъ сказокъ, представляющихся вариантами Бородай-Ху; въ концѣ сказки Гурбустэнъ-ханъ убиваетъ молніей темную свлу Мангыса. Въ дюрбютской былинѣ о богатырѣ Ирнѣ-Сайнѣ Гучинѣ-Гурба-Гурбустэнъ-ханъ также является нечущинъ молнію съ неба ²⁾. Алтайцы приписываютъ громъ и Улы, и Кайракану. Во время грома Алтайцы произносятъ: „Кайраканъ!“ въ родѣ того, какъ у насъ простой народъ говоритъ въ это время „Святъ, святъ, Господь Саваоѣ“. Подъ Улы Алтайцы, подобно Урянхайцамъ и Монголамъ—на сколько могу судить изъ своихъ скудныхъ разпросовъ, — разумѣютъ змѣя.

Къ этимъ именамъ ны въ правѣ присоединить монгольское „Хайрханъ“, хотя и не имѣемъ прямого указанія, чтобъ этимъ именемъ назывался громъ. Это причисленіе хайрхана къ именамъ Громовника ны основываемъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: Впервыхъ, хайрханъ фонетически вполне соответствуетъ алтайскому кайраканъ; татарскій звукъ к въ монгольскомъ постоянно переходитъ въ х, какъ напримѣръ, кара—черный въ монгольскомъ хара, ку лебедь въ монгольскомъ ховгъ и т. д. Вторыхъ, выраженіе: „э, хайрханъ!“ существуетъ и у Монголовъ, хотя я слышалъ его употребляемымъ только для показанія своего удивленія, напримѣръ, при разказѣ о чемъ-нибудь необыкновенномъ. Третьихъ, хайрханами въ Монголіи часто называются горы или небольшія, но уединенно стоящія посреди равнины, или хотя в стоящія въ ряду другихъ, но выдающіяся значительно своею высотой. Иногда такія высоты бываютъ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ. Въ сѣверо-западной Монголіи есть нѣсколько такихъ уединенныхъ бѣлковъ, какъ напримѣръ, Харкиринскій бѣлокъ къ востоку отъ озера

¹⁾ См. моя Очерки сѣверо-западной Монголіи, II, 171.

²⁾ Изв. Геогр. Общ. 1880 г., стр. 175.

Убса, Виту-Ерикъ и Алтынъ Чучей—на правомъ берегу рѣки Кобдо, Терективскій бѣлокъ — на правомъ берегу рѣки Вуянту къ востоку отъ города Кобдо, Отхавъ-Хаирханъ—къ сѣверу отъ города Уласутая и т. д. Такія высокія горы, покрыты ли онѣ вѣчнымъ снѣгомъ, или нѣтъ, имѣютъ свойство притягивать къ себѣ грозовыя облака. Часто на равнинѣ въ теченіе цѣлаго мѣсяца стоятъ ясная погода, а на сосѣдномъ бѣлкѣ, верстахъ въ тридцати или сорока, чуть не черезъ день разряжается гроза, гремитъ громъ, идетъ дождь или градъ. Мы сами были часто свидѣтелями подобныхъ картинъ, когда жили въ монастырѣ Улавгомѣ. Такія горы пользуются особымъ уваженіемъ не только у шаманистовъ, но и у буддистовъ. Окрестное населеніе избираетъ какую-нибудь возвышенность по близости высокой горы, насыпаетъ здѣсь „обо“, то-есть, кучу камней, и собирается около нея въ извѣстные дни года, при чемъ ламанты читаютъ молитвы, а шаманисты приносятъ жертвы. Шаманисты — на сколько я понимаю ихъ мысль—признаютъ самый бѣлокъ за источникъ грозоваго явленія; для нихъ бѣлокъ также гремитъ, проливаетъ дождь и сыплетъ градъ; какъ для насъ по крайней мѣрѣ гранатически волканъ бросаетъ золу и бомбы, изливаетъ лаву и производитъ гулъ и землетрясеніе. Шаманисты отождествляютъ высокую гору или бѣлокъ съ самимъ громовникомъ: Для отличія одного хайрхана отъ другаго, къ нарицательному „хайрханъ“ прибавляется собственное имя; такимъ образомъ въ сѣверо-западной Монголіи находятъ горы подъ названіемъ Дзунъ-Хайрханъ, Ватиръ-Хайрханъ, Отхапъ-Хайрханъ, Хотунъ-Хайрханъ, Буръ-Хайрханъ, Вуренъ-Хайрханъ, Овго-Хайрханъ, Тельгиръ-Хайрханъ, Тосъ-Хайрханъ, Ванъ-Хайрханъ, Цаганъ-Хайрханъ, Куренъ-Хайрханъ и многія другія. Небольшія горы съ названіемъ хайрханъ также встрѣчаются, но рѣже; мы знаемъ, на примѣръ, Табынъ-Хайрханъ, Талэнъ-Хайрханъ; нельзя не замѣтить, что эти низкіе хайрханы носятъ эпитеты вродѣ: Табынъ-Хайрханъ въ переводѣ означаетъ „пять хайрхановъ“ (тутъ дѣйствительно нѣтъ отдѣльныхъ высотъ), Талвиъ-Хайрханъ — „равнинный хайрханъ“; у высокихъ же хайрхановъ эпитеты, по видимому, старинныя, неологическія, утратившія смыслъ, а если послѣдній иногда и замѣчается въ нихъ, то долженъ быть объясняемъ позднѣйшимъ домысленіемъ народа. Поэтому переносъ имени хайрханъ на невысокія горы, вѣроятно, есть явленіе исключительное; главнымъ же образомъ подъ хайрханами разумѣлись высокія, тученосныя горы. Хайрханъ, какъ названіе для горъ, встрѣчается, кажется, только въ западной Монголіи, въ Хапгаѣ

и Алтаѣ; въ Тянь-Шанѣ мы это имя совсѣмъ не слышали; на сѣверѣ границей распространенія этого названія служатъ Танну-Ола; въ этомъ хребтѣ я знаю только два хайрхана; въ долинѣ Улу-Хэма стоитъ отдѣльная каменная гора Кайраканъ, но это уже собственное имя, и никакого эпитета къ слову кайраканъ не приставляется. Другой Кайраканъ въ Танну-Олѣ стоитъ въ вершинахъ рѣки Самгал-тая ¹⁾. У Урянхайцевъ и Алтайцевъ для высокихъ горъ, которымъ дѣлается поклоненіе, существуютъ уже другія имена; Урянхайцы называютъ ихъ адикту, Алтайцы—джанету или івкту, но объ этихъ словахъ мы скажемъ особо. На востокѣ въ хребтѣ Алтая хайрхапы встрѣчаются довольно далеко; такъ, гора Того-Хайрханъ упоминается между хребтами Гурбань-сайхапъ и Муни-ула (подъ 44° с. ш.). И такъ, на первый разъ мы имѣемъ для бога-громовника имена: 1) Тэнгри-ханъ, въ урянхайскомъ произношеніи Тэръ-ханъ, 2) Хайрханъ, въ алтайской и урянхайской передачѣ Кайраканъ; 3) Хурмусту или Гурбустанъ-ханъ и 4) Лу, въ алтайской и урянхайской передачѣ Улу.

Остановимся сначала на имени Тэнгри-ханъ. Слово тэнгри, произносимое также тэнгиръ, по монгольски означаетъ небо, такъ что Тэнгри-ханъ можетъ быть переведено: небо-царь (или небесный царь). Это слово производитъ рядъ діалектическихъ видовзмѣненій, обусловленныхъ или переходомъ гласныхъ, или свойствомъ турко-монгольскихъ языковъ измѣнять носовой звукъ *и* въ *э*, *и* или въ *й*, и наконецъ, совсѣмъ опускать его; приводимъ здѣсь списокъ этихъ видовзмѣненій: тамара — небо и богъ по якутски; темира — небо, каан темира — царь—небо по алтайски; тэмри-тагалъ — богъ, обитающій въ небѣ, у Казанскихъ Татаръ. Тегри—небо у Кондомскихъ Черневыхъ Татаръ; (Тигри-тужи — зубы побя, названіе горъ въ вершинахъ р. Томи); Тегеръ-куль — (ниродческое имя Божьяго озера въ Томской губерніи); теръ—небо по урянхайски; торум—небо и Богъ по остякамъ; тора—высшее божество по чувашски. У простыхъ неграмотныхъ Кыргызовъ встрѣчаются выраженія тайръ джарылгасунъ! да возблагодарить тебя небо! ой тайрай, восклицаніе при удивленіи чему-нибудь; вѣроятно, первоначально было: ай тангри (о, небо!). Можно полагать, что названіе тэмри сначала обозначало не одо небо, но небо и громъ вмѣстѣ, и есть слово звукоподражательное;

¹⁾ На картѣ г. Орлова, сопутествовавшего намъ въ сѣверо-западную Монголію въ 1879 г., названы горы Хайрханъ на правомъ берегу Ха-кена, противъ устья въ Седзева и Джибек.

первобытный человекъ едва ли былъ въ состояніи при первоначальной бѣдности языковъ дифференцировать понятіе о громѣ отъ понятія о громѣ.

Въ подтвержденіе мысли, что это слово звукоподражательное, привожу факты, свидѣтельствующіе, что тотъ же корень распространенъ во многихъ словахъ туранскихъ языковъ, которыя должны обозначать громъ, трескъ или вообще звукъ.

Въ алтайскомъ языкѣ есть нѣсколько глаголовъ этого корня, которые для нагляднаго представленія ихъ параллелизма я располагаю въ видѣ слѣдующей таблицы:

камрадънъ јат	шамрадънъ јат	
кумрадънъ јат	шумрадънъ јат	тумредънъ јат
кункэльдэдънъ јат	кыкылдадънъ јат	тункелдадънъ јат

Всѣ эти глаголы передаютъ различные звуки, громы и трески. „Камрадънъ“ говорятъ о громѣ, о колоколѣ, „кумрадънъ“ о большомъ колоколѣ, шумрадънъ јат говорятъ тогда, когда хотятъ сказать, что звенитъ колокольчикъ подъ дугой, кункэльдэдънъ говорится о громѣ пустой бочки, которую везутъ въ телегѣ или о самой телегѣ, когда ѣдутъ по замерзшей землѣ; тункэльдэдънъ говорятъ о звукахъ бубна; подобныя же отгѣнки, которые я, къ сожалѣнію, не занисалъ, передаются и формами тумредънъ, шамрадънъ и шанкылдадънъ (отъ послѣдней черезъ опускъ носоваго и образованъ глаголъ шакылдадънъ, чакать).

Въ языкѣ Казанскихъ Татаръ также есть слово этого же корня амираша; говорится о ревѣ медвѣдя. У Котоновъ на озерѣ Убса глаголъ чингыр звать, кричать; у Койболовъ: кѣгагагбен, кѣигагербен, звать; кѣигалгбен, кыигалгбен кричать, кѣига — крикъ ¹⁾); у Карагасовъ: кѣгагагмен, звать, кейшкерармен, кричать. У Алтайцевъ кричать—кыгыр, кыгыра, о птицахъ—пойыра, во время охоты на еврей—агыр ²⁾); звать—кычыръ; о реющемъ медвѣдѣ Алтайцы говорятъ багра. У Киргизовъ звать—чакыр, кричать качыръ. У Якутовъ ыгыр, звать; самар—звать, кричать; возвышать голосъ ³⁾); у Урянхайцевъ: ыт ыгырер — собака лаетъ (на языкѣ черевскихъ Татаръ ыгыр — колокольчикъ ⁴⁾); у Алтайцевъ чингыр сморкаться; у Чувашей шыгыр—

¹⁾ *Kastren*, Versuch ein. Koib. und Karag. Sprachlehre, 155—157.

²⁾ Грамм. алт. языка, стр. 45, 34.

³⁾ *Böblingk*, Jacut. Wörterb. 29, 152.

⁴⁾ *Золотницкій*, Чук. слов., 15.

сморкаться ¹⁾, отсюда чынгыр, алтайское сопля; по чувашски манга; по татарски мамка сопли; мангыль чув. сопливыл; у Тавовскихъ Самоѣдовъ ламурум, ламурм, у Енисейскихъ Остяковъ leungago, leungado—кричать, у Юраковъ handau (handau), у Енисейскихъ Остяковъ каниабо, leungago звать. ²⁾).

Къ этимъ глаголамъ можно присоединить звукоподражательныя междоетія: монгольское хангыр-чангыр въ родѣ нашего тринь, тринь!; алтайск. шамыр-шумур звопъ; нигыр-чынгыр—скрипъ ³⁾; манджурск. кунгур-вангар гропъ, трескъ отъ пустыхъ экипажей или отъ небеснаго грома ⁴⁾; казанск.-татарск. шингыр — шамыр ⁵⁾, чувашск.—чангыр-чангыр звопъ мѣди; (ср. якутск. лымкыр звопъ) ⁶⁾.

Понятіе о небесномъ громѣ передается такъ: у Алтайцевъ: кузуре, кугуре, громъ гремитъ; кузурт, кугурт, громъ ⁷⁾; у Койбаловъ күгүрт — громъ, күсүргөбөт гремѣть (о громѣ); у Соѣотовъ тумурун, громъ; у Карагасовъ діг ⁸⁾; у Киргизовъ кунь кумрѣды, кунь куркрѣды гропъ гремитъ; у Хамидцевъ и у крымскихъ татаръ кунь кургульдейды громъ гремитъ ⁹⁾; у Чувашей кундурдэдэт ¹⁰⁾; у крещенныхъ Татаръ тѣмре бабай куврѣтѣ, небо дѣдъ гремитъ; у горныхъ Черемисъ кудурча, гропъ гремитъ; у Вотиковъ: гудыры, гропъ. Тотъ же корень встрѣчается во многихъ существительныхъ именахъ для предметовъ, имѣющихъ какое-нибудь отношеніе къ звуку: комзру, комзору, по алтайск. колокольчикъ ¹¹⁾; кызрау по татар. id, кызрав по чуваш. id. ¹²⁾; хонгро по монгольски, погременшн на бубиѣ, кунгуру тѣ же погременшн

¹⁾ Золотн., стр. 109.

²⁾ *Castren, Worterverz. d. Samoied. Spr.*, стр. 265, 276.

³⁾ Грамматика алтайскаго языка, стр. 34 и 289.

⁴⁾ Словарь Захарова, стр. 289.

⁵⁾ Золотницкій, Кор. Чува. словарь, стр. 15, 80, 100.

⁶⁾ *Böhtlingk, Jacut. Wörterbuch*, 151.

⁷⁾ Грамматика алтайскаго языка, стр. 20.

⁸⁾ *Castren, Verz. v. Kolb. u. Karag. Spr.*, 99, 138.

⁹⁾ Сравн. названіе штыцъ кургуадай—ромезъ по киргизски; алтын гургуадай *Eshberina aureola* монгольск. и бурят. (*Radde, Reise nach Ost-Sibirien*, II, 157); хоргоа, хоргоадай оазанъ по калхаски, алтын хоргоадай, золотой оазанъ; очевидно, подъ этою оорной алтам хоргоадай, алтам гургуадай, когда она встрѣчается въ иѣменахъ, иногда можетъ подразумеваться громовникъ.

¹⁰⁾ Золотницкій, Чува. словарь, 200.

¹¹⁾ Синонимъ кондрачан (id.) по названію носорога можно приравнять къ чувашск. кундурдэдэтъ, громъ гремитъ. Грамматика алтайскаго языка, стр. 136.

¹²⁾ Золотницкій, Чув. словарь, стр. 109.

по урянхайски; кунгуру па языкѣ Хамійцевъ кустарникъ семейства бобовыхъ, у котораго стручки должны гремѣть, судя по аналогіи съ другими видами того же семейства; хэпгрпкъ, хэпгрке — бубенъ по монгольски, вапгиря—музыкальный инструментъ у Манджуровъ ¹⁾, сяхпъ и кангири—побрякушки, пластинки пѣть муравленой черепицы навѣшанныя на птву нодъ кроалею у Манджуровъ ²⁾; коюра колоколь, но сойотски, копкпор id по койбадски ³⁾; коюро у камасицевъ ⁴⁾, конгорок на языкѣ египейскихъ Остяковъ, коюрош, копворош по хотовски ⁵⁾—колоколь; шангырь трехструнная балалайка у вогулческаго шамана, сппкэръ — погремушки на бубенной колотушкѣ у Телеутовъ; дьнгуръ бубенъ по урянхайски, тумзырь бубенъ по алтайски, тумур по сойотски и карагасски ⁶⁾, тиг по койбальски. Донкур—дятель на языкѣ Соёновъ изъ вершинъ р. Кобдо (у такъ — называемыхъ по монгольски Кочулутуповъ), топгуртка—дятель по алтайски, (тонгсогой по якутски); тэнгэри — трехструнная балалайка, употребляемая шаманами и простопародьемъ въ Манджуріи ⁷⁾. Къ этому перечню можно еще прибавить слова шанг колоколь по алтайски чаг по татарски, шпг по кирг., сав по койбальски ⁸⁾, конхо по монгольски, цанга у горныхъ Черемисовъ, чап у Чувашъ и луговыхъ Черемисовъ ⁹⁾, јонко колоколь по юлагирски ¹⁰⁾; сеамя, сіепга, щема, сакку, сегга по самоѣдски ¹¹⁾.

Кромѣ имени дятла, крикъ по видимому подалъ поводъ отъ того же корня заимствовать названія и другихъ птицъ; для красной утки (*Vulpanser rutila*) монгольское имя агирь, алтайское амыр ¹²⁾. По

¹⁾ *Zacharov*, 252.

²⁾ *Zacharov*, стр. 537.

³⁾ *Castren*, Vers. e. Koib. und Karag. Spr., стр. 144.

⁴⁾ *Castren*, Wörterverz. d. Samoied., Spr. 181.

⁵⁾ *Castren*, Vers. ein. Eniss.-ostj. und kott. Spr., 240.

⁶⁾ *Castren*, Vers. e. Koib. und Karag. Sprachlehre, стр. 161.

⁷⁾ Словарь *Zacharova*, 720.

⁸⁾ *Castren*, Vers. e. Koib. und Kar. Spr., 144.

⁹⁾ *Золотниковъ*, Чув. слов.

¹⁰⁾ *Mélanges russes*, t. IV, p. 604.

¹¹⁾ *Castren*, Wörterverz. d. Samoied. Spr., стр. 229.

¹²⁾ Нельзя ли турецкое агыр жеребецъ считать произошедшимъ отъ агыр въ родѣ того, какъ кыгыръ причать произошло отъ чыгыръ? Наименованіе того же животнаго на другихъ языкахъ—чувашскомъ: мгыр, якутскомъ: атыр, монгольскомъ: адсырга—представляютъ по видимому только видоизмѣненія этого корня.

якутски хонгоръ—родъ дикаго гуся ¹⁾; ангыр же у Якутовъ Rohg-domhei; шнигырчъ—сворецъ по чувашски ²⁾; нмырба—дикая пчела по якут. Названія журавля представляютъ опускъ носоваго н: тогра, тогура по калхаски, тохурюн по бурятски ³⁾. На многихъ татарскихъ нарѣчїяхъ голубь называется ёгбръшиъ, что можно сравнивать съ вугурт, громъ. Изъ растеній, кромѣ кунгуру, сюда можетъ быть, относятся чипгиль, киргизское названіе стручковаго кустарника съ гре- нящими плодами, принадлежащее къ одному роду съ ханійскимъ кун- гуру; окончаніе этого имени находится въ связи съ глагольной фор- мой кунжель ⁴⁾. Тунгусское названіе можжевельника (Juniperus) хонкіра ⁵⁾, дапо кустарнику по по звукоподражанію, а по какой-то другой связи съ этниъ корнемъ; растеніе это встрѣчается въ шаманскихъ леген- дахъ и употребляется при куренїяхъ во промя шаманскихъ мистерїй; растеть онъ на высокихъ горахъ, поднимающихся выше предѣльной линїи лѣсовъ, гдѣ ходять горовныя тучи.

Сравнивая слова этого списка между собою, мы замѣчаемъ здѣсь тѣ же переходы звуковъ, какіе выше были уже указаны по новоду ва- ріацій слова „тэнгря“, небо, то-есть, или изъ носоваго звука выпа- даетъ н (агыръ, нгыр, чакыр въ алтайскомъ, якутскомъ и киргизскомъ кричатъ, звать, вмѣсто чингыр, какъ у Хамїйцевъ ⁶⁾), или замѣчается

¹⁾ *Böhltingk*, Jacut. Wörterbuch, 85.

²⁾ *Золотницкій*, Чув. словарь, стр. 109.

³⁾ Другаго журавля *Grus Virgo* Монголы зовутъ харкира; это названіе также изъ связи съ глаголомъ кричатъ; по урянхайски кричатъ, гремѣть (о громѣ) *харкира*; этниъ можно объяснить названію бѣлка Харкира, лежащаго въ дурб- хошунѣ у монастыря Улангона. Къ тохурюн близокъ по звуку нашъ Тугаринъ Зябелачъ. Имя Дегуренгъ встрѣчается въ одной сказкѣ объ отииваеи жевы у мужа, включенной въ Алтанъ-Тобчи (стр. 40), только въ монгольскомъ сла- ваніи не Догуренгъ у хапа, а ханъ у Дегуренга отпиваетъ жену. По тунгуски журавль *tokogol* (орави сойотское тунгуруц, громъ).

⁴⁾ Ср. Шыгыл (звукоподражательное) званъ колокольчииа (*Золотницкій*, Чув. словарь, стр. 15). На языкѣ Елисейскихъ Остянковъ: монгелак, колокольчииъ (*Castrer*, *Verg. v. Episs.—ostj. und Kot. Sprl.* 270). По чувашски шыгылчии растеніа колокольчииа (*сапрапала*).

⁵⁾ *Mélanges asiatiques, tirés du Bull. de l'Ac. de Sc. de St. Pétersb.* 1 VIII, 378.

⁶⁾ Можетъ быть, алтайское сагыр, санствъ (ср. алтайск. сыгырчии сверт- чокъ (Гр. алт. яз., 259); сыгырман, пищука, *Lagomys alpinus*) было первоначально сыгырчъ. Огъ важныи : на ѣ изъ сыгырчии образовалось татар. шныгырчии, свертчокъ. Алтайское и киргизское сыгыр, короа, шѣветъ предшествующую форму въ остяцкомъ сыгыр, короа, и въ чувашск. вугур, мугур, быкъ; монголь-

полное выпаденіе носоваго *z*, какъ въ карагасскомъ *dîg*, громъ, и въ койбальскомъ *tûg*, бубень; эта послѣдняя форма тождественна съ терь, небо, по урянхайски и указываетъ на неотдѣлимость представленій о громѣ и небѣ у первобытныхъ жителей южной Сибири. Кроме того, замѣчаются еще слѣдующія измѣненія: носовой звукъ замѣщается 1) *й* въ киргиз. кыйгыра, кричать, вмѣсто котонскаго чингыр, 2) *нд* кундурдэдэт—громъ гремитъ въ чувашск; 3) *д* кудурча—громъ по черемисски, и 4) *й* пойыра. алт. кричать, *копког* въ карагасскомъ колоколь вмѣсто *копкіног*, какъ въ койбальскомъ (подобно тому, какъ монгольское тангри перешло въ киргизское тагъръ ¹⁾).

Алтайскія формы пойыра, кричать (о птицахъ), багра, ревѣть (о медвѣдѣ) предполагаютъ измѣненія корня конгро въ бапгра—паягра; на то же указываетъ и остяцкое *пѣмэр*, бубень ²⁾ и чувашское мугурь, ревѣть, мычать; съ такимъ же измѣненіемъ придыханія и съ измѣненіемъ носоваго въ *дз* имѣемъ самоѣдскія формы: *реангер*, *рсангер*, *феанджир* — шаманскій бубень ³⁾; ср. съ фандыръ, осетинск. бала-лайка ⁴⁾ (тутъ переходъ носоваго въ *нд*). Конечное *р* переходитъ въ *л*: кункель, чингиль, или совсѣмъ отпадаетъ, какъ въ названіяхъ колокола: шанг, цанго и пр., въ которыхъ опять носовой можетъ представлять уже указанные случаи опусканія (какъ напримѣръ, въ чувашск, колоколь: чай).

Списокъ приведенныхъ словъ показываетъ распространенность (отъ средняго Амура вплоть до Казани) корня ангра-шангра-тунгре для обозначенія звуковыхъ явленій, и здѣсь пужло искать основанія, почему тѣмъ же корнемъ названо небо у Монголовъ и Тюрковъ. Въ

оное умыр, корова, не образовалось ли отпаденіемъ начальнаго звука? Замѣчательно, что рѣчаніе умыр входитъ въ составъ калкаснаго имени нишуки, умыр-окто, между тѣмъ какъ тотъ же въреть, сейчасъ мы ведали, по-алтайски называется сыгырганъ.

¹⁾ На томъ же основаніи въ чувашскомъ жеребецъ шыр (Золотиницкій, Чув. слов., стр. 11). Другія наименованія жеребца — на монгольскомъ адамрга, на урянхайск. и карагасск. асыр, азыр указываютъ на новые измѣненія того же корня. Съ урянх. асыр можно сблизить киргизск. названіе волка, касыр. Ялутск. атыр, жеребецъ, такъ какъ относится къ кудуры, громъ, по нотации, какъ монгольское адамрга къ алтайскому кузурт, громъ. Эти сблизенія имѣютъ жеребца съ именами Громоушныя должны тѣмъ менѣе удивлять, что Громоушникъ представляется въ сказаніяхъ верхомъ на лошади.

²⁾ *Castr.*, Wörterverz. d. Samojed. Spr., 292.

³⁾ *Castr.*, Wörterverz. d. Samojed. Spr., 292.

⁴⁾ Иагуши произносятъ кандыр.

грозовомъ явленіи небо являлось первобытному человѣку элементомъ дѣйствующимъ, активнымъ, а потому, наименовавъ грозовое явленіе звукоподражательнымъ словомъ, дикарь перенесъ то же имя и на голубую среду, въ которой разыгрывается гроза.

Отдѣльныя черты этого явленія или частныя явленія, находившіяся по представленіямъ дикарей въ связи съ нимъ, должны были влиять свои имена отъ того же корня. Якутскія: чагылы, блестятъ (о молніи), чагылган — молнія, блескъ, Бѣтлицъ сближаетъ съ монгольскимъ цагильган, молнія, съ уйгурскимъ oot-tscgahildy молнія и съ якутск. же чакыр камень то-есть камень дающій искру (по монгольски камень цахир). Первоначальную форму этихъ словъ можно видѣть въ глаголахъ: чангыр и кункель. Дождь по киргизски называется јамбыр, по татар. јамыр; алтайск. јамгыр, јамыр, по койбалски: наммер, наммыр; у кондомскихъ Татаръ нагур, намур; чувашск. сьомыр¹⁾; якутск. самыр²⁾; въ тунгусскомъ тѣмъ же корнемъ выражается понятіе „спѣтъ идетъ“: хунгрел³⁾; ненастье—хунга.

Приводимъ только для памяти, не умѣя открыть тутъ связь съ идеей о Громовникѣ, нѣкоторыя подобныя же образомъ составленныя слова: шамар, самар, намар тунгусское, Loch, Ritze⁴⁾; у Урянхайцевъ на Хукѣ: унгур—нора. Якутское шгыръ — сѣдло⁵⁾, мумуръ—тупой (монгольское мухур, тупой, комолий⁶⁾). Съ обмѣномъ носоваго *m* на *nd*: кендыр, кандыр—конопля; тому же растенію дается еще имя банг; другое растеніе, доставляющее волокно, лѣсъ, носитъ названіе: выгыр,

¹⁾ Золотницкій, Чув. слон., стр. 71.

²⁾ У Золотницкаго (стр. 71) приводятся звукоподражательныя выраженія: чувашск. шабыр-шабыр сьомыр слышать, татарское шабыр-шабыр јамыр јаур—дождь идетъ. У Якутовъ ибир самыр значить мелкій дождь, откуда глаголъ ибир проишти. У Монголовъ также есть выраженіе ибир-шибыр или ибир-ябыр, которое уже не прилагается къ грозовому явленію, а означаетъ болтовню; въ чувашскомъ шыбыр—ябыр идругъ, разонъ. У Рашидъ-Эддина Ибиръ Шибиръ—страна, по относителному положенію — Сибаръ (*Записки Имп. Археол. Общ.*, т. XIV, стр. 2 и 218). Не отъ этихъ ли еоризъ: јамбыр, самыр, происходитъ названіе назветной въ буддійскихъ сказаніяхъ горы Сумыр-оамъ или Сумбуръ-оамъ, подъ которою могло подразумѣваться гремещее небо?

³⁾ *Melanges asiat.*, VIII, 378.

⁴⁾ *Melanges asiat.*, VII, 367, 369.

⁵⁾ По алтайскимъ ключкамъ сѣдло магырчан.

⁶⁾ Это имя часто встрѣчается въ географическихъ именахъ Монголіи къ соседнимъ съ словомъ шибир, племеню Мохоръ-Шибиръ.

зыхир; вигир; сегир; *Arosunim. sifigisun*, также дающій волокно кендеръ, чиге¹⁾). Растеній, называемыхъ именемъ тие-симыр, у г. Кирѣвскаго въ числѣ обитающихъ въ Туркестанѣ указано нѣсколько. Многія изъ нихъ бобовыя, разныя *Astragalus*'н съ большими пустыни, можетъ быть, гремучими стручьями.

Переходимъ къ другому имени Громовника: Кайраканъ. Мы уже говорили, что въ киргизскомъ монгольское тэнгри переходитъ у простаго народа въ тайр; поэтому для алтайскаго и урянхайскаго кайракана можно принять восстановленную форму канграканъ, то-есть, то же, что монгольское тэнгри-ханъ. Именемъ Кайраканъ Урянхайцы, обитающіе въ Танну-Оль, вовуть также медвѣдя, при чемъ они говорятъ, что это имя дается ему изъ уваженія; дѣйствительно, и въ сношеніяхъ между людьми это имя употребляется, какъ почетный титулъ. Такъ, въ разговорѣ съ своимъ огурда, то-есть, княземъ, Урянкаецъ въ его званію присоединяетъ обыкновенно титулъ кайраканъ; онъ говоритъ: кайраканъ огурда! Даже бошкамъ, урядникамъ, говорятъ: кайраканъ бошко! Спрашивается, какъ тутъ было дѣло: кайраканъ ли было именемъ громовника и потомъ обратилось въ почетный титулъ, или первоначальный человекъ на первой же порѣ своей жизни усмотрѣлъ сходныя черты между звѣремъ и небомъ-громовникомъ, и обонявъ даль одно звукоподражательное имя, которое, подобно именамъ другихъ сильныхъ звѣрей, каковы левъ или тигръ, стало придаваться какъ почетное имя, сильнымъ людямъ на вемгѣ?

Мы склоняемся къ послѣднему мнѣнію по слѣдующимъ основаніямъ: Вопервыхъ, обращеніе имени медвѣдя въ почетный титулъ не составляетъ исключенія въ исторіи человѣческаго обряда, какъ указываетъ Спенсеръ; имена сильныхъ звѣрей употреблялись въ разговорѣ у южныхъ племенъ Африки и Америки для повеленія могущественныхъ царей и князей²⁾. Почему бы тому же обычаю не воплывнуть и въ сѣверной Авіи?

Вовторыхъ, имя Кайраканъ (первоначально канграханъ) или даже и тэнгриханъ могло быть дано медвѣдю за его ревъ, какъ имена того же корня дамы издающимъ сильный звукъ предметамъ: бубну, лебу и т. п. Хотя, кромѣ урянхайскаго имени кайраканъ, мы не мо-

¹⁾ *И. Кирѣвскій*, Флора нашихъ среднаазиатскихъ владѣній, стр. 90, 184, 160, 65, 148, 149.

²⁾ *Спенсеръ*, Начала социологій (Обрядовыя учрежденія). Переводъ Лучинскаго. (Кіевъ, 1880), стр. 249.

жемъ привести другихъ для медвѣдя, идущихъ отъ того же корня, но мы имѣемъ ихъ для другихъ животныхъ, именно: тенгар или лянгер, мышъ по остацки, сингерн или тингерн, мышъ или вообще звѣрекъ мышной породы, по манджурски ¹⁾); лѣвгари, мышъ по манджурски ²⁾); хэвгрникъ — дзакэ, видъ росомахи по монгольски; чжухэнь-сингерн (очевидно, только перестановка предыдущаго имени) — большая двадцатипятипудовая мышъ, живущая подо льдомъ, очевидно немецкое животное или мамонтъ, по севѣрнымъ представленіямъ Манджуръ ³⁾); ѣигуръ у Маака, янгуру у Брилкина — волкъ по ходженски на Амурѣ, jenggoга, мамонтъ по самоѣдски ⁴⁾); наконецъ, по тунгусски есть имя для медвѣдя — комнора. Конечно, странно отъ звукоподражательнаго корня тэнгрн одновременно производить и имя медвѣдя, и такого ничтожнаго и не слышнаго звѣрка, какова мышъ; волкъ и росомаха и по росту, и по характеру ближе къ медвѣдю; и у насъ имена медвѣдя и волка смѣшиваются: во многихъ мѣстахъ Россіи есть областное для волка — бирюкъ, а въ Сибирской губерніи бирюкомъ зовутъ медвѣдя. Но переходы именъ съ хищныхъ звѣрей и на травоядныхъ и даже мелкихъ грызуновъ не представляютъ необыкновеннаго явленія. Приведемъ для примѣра хотя слѣдующія: сакылъ по якутски лисица, по алтайски бѣлка; сууръ — по киргизски сурокъ, по чувашски сывиръ сусликъ, по остацки чавр, тавр, саур — заяцъ, по остацки ѣур, ѣуро — волкъ, по бурятски сибр, цубр — красный волкъ; русскіе же въ восточной Сибири изюбремъ зовутъ оленя; въ Польнѣ зубронъ зовутъ бѣловѣскаго бика. Къ подобнымъ сдвигамъ именъ съ крупныхъ хищныхъ животныхъ на грызуновъ можно отнести и появленіе имени тенгаръ, синкэрн, лянгэр, какъ имени мелкаго звѣрка. Объ этомъ мы еще будемъ говорить ниже.

Встрѣихъ, сближеніе медвѣдя съ Громовникомъ у первобытнаго человѣка могло быть вызвано не однимъ только сходствомъ въ ревѣ: сходство ихъ заключается еще въ томъ, что оба они опасны и наносятъ смерть, оба умолкаютъ на зиму. Связь, которую человѣкъ усмотрѣлъ между временами года и жизнью медвѣдя, выразилась въ нашемъ народномъ календарѣ фразой: „Спрядонъ солноворотъ — медвѣдь на другой бокъ поворачивается“. Въ повѣрьяхъ о медвѣдѣ и сказаніяхъ

¹⁾ Словарь Захарова, 595 и 731.

²⁾ Маакъ, Путешествіе по долинѣ р. Усури, т. I, стр. 123.

³⁾ Словарь Захарова, 1004.

⁴⁾ Al. Schrenk's Reise in Nordosten des Europ. Russlands, II, 287.

о Громовникѣ мы находимъ много общаго именно, можетъ быть, вслѣдствіе отождествленія медвѣдя съ громовникомъ, которое дѣлалъ первобытный человѣкъ. Въ повѣрьяхъ о медвѣдѣ мы часто слышимъ объ уводѣ женщины; привожу вариантъ, записанный мною въ Турапскомъ караулѣ въ долину р. Иркуты отъ казака Тюменцева: „Медвѣдь увелъ женщину и она съ нимъ зимовала; онъ выучилъ ее ѣсть сырое мясо, зимой она сосала его лапу и была сыта. Однажды весной увидалъ ее въ лѣсу охотникъ и отбилъ отъ медвѣдя; женщина была уже беременна и родила медвѣдя. Она выучилась во время зимовки съ медвѣдемъ медвѣжьему языку“. Въ Нижегородской губерніи существуетъ повѣрье, что иногда женщины исчезаютъ неизвестно куда, и по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ снова возвращаются въ свое селеніе; это временное исчезновеніе объясняютъ похищеніемъ медвѣдя; при этомъ говорятъ, что онъ предпочитаетъ уводить беременныхъ женщинъ ¹⁾. Родственные этимъ разказы существуютъ въ нашемъ народѣ о змѣѣ-громовникѣ. Огненный змѣѣ любитъ летать въ женствамъ; если женщина тоскуетъ, народъ думаетъ, что къ ней летаетъ огненный змѣѣ; онъ отбиваетъ ее отъ мужа, и женщина чахнетъ ²⁾. Громовнику приписываютъ иногда и похищеніе женщинъ; мордовскій Громовникъ Терюханъ похищаетъ во время грозы дѣвицу съ земли; монгольскій Таниъ-Тирхипъ или Таниъ-Тэнгиръ, въ которомъ, какъ увидимъ ниже, скрывается Громовникъ, то-есть, Тэнгри-Ханъ, также похищаетъ жену у Чингисъ-Хана. Въ одномъ сказаніи южной Россіи дѣвица не похищена, а нечаянно попадаетъ въ яму, въ которой зимуютъ змѣѣ; золотая змѣѣ успокоила ее и сказала: „Если захочешь ѣсть, положи камень“. Всю зиму дѣвица прожила въ змѣиной ямѣ, а весной, когда птицы прилетаютъ изъ нирея, золотая змѣѣ выбросила ее изъ ямы ³⁾. Основа этихъ повѣрій можетъ заключаться въ половой жизни звѣря, которая пробуждается въ немъ лѣтомъ, вслѣдъ за пробужденіемъ отъ спячки; выйдя изъ берлоги; дикій звѣрь начинаетъ охотиться на самку, оглашая воздухъ неистовымъ ревомъ; едва ли какія другія для явленія могли напроситься прежде на обобщеніе первобытному человѣку, какъ эти два:

¹⁾ Похищеніе женщинъ приписывается и лѣшему (см. Ж. М. Н. Пр. 1863 г., кн. I, статья «Истор. оч. народн. міроузар.», 33). Вообще разказы о медвѣдѣ и лѣшамъ сливаются.

²⁾ Зап. Имн. Р. Г. Общ. по отд. этногр. II, 37.

³⁾ Аванасьева, Повт. нозар., II, 548; о похищеніи медвѣдомъ дѣвицы на крымскихъ вѣтр мао. тамъ же.

ревъ ярующаго гѣтомъ медвѣдя, и небесный ревъ змѣя-громовника. Другую общую черту въ сказаніяхъ о Громовникѣ и повѣрьяхъ о медвѣдѣ находимъ въ описаніяхъ той ямы, въ которую зарываютъ умерщвленнаго богатыря, олицетворяющаго Громовника; нельзя не увидѣть въ ней намекъ на медвѣжью берлогу. Царь

посадилъ Егоря въ глубокъ погребъ,
Задвигалъ онъ его рѣшотками все желѣзными;
Засыпалъ онъ несклами рудожелтыми,
Онъ дубьемъ и колодезь заворачивалъ.

На родственность представленій медвѣдницы и черной тучи указываетъ одна купальская пѣсня. Вѣтеръ стучитъ въ ворота, это свекоръ стучитъ и приговариваетъ: „Одчинися, невісточка, одчинися медвѣдницѣ!“ Потомъ стучится свекровь, „Одчинися, невісточка, одчинися, пахмурницѣ!“ Наконецъ мужъ: „Одчинися, милецька!“ Жена жалуется, что свекоръ и свекровь обозвали ее медвѣдницей, пахмурницей. Мужъ говоритъ ей, что она не умѣла отвѣтить: „У насъ медвѣдница въ дісі бувае, а пахмурница—черна хмаронька!“¹⁾ „Медвѣдь пиво варить“, говорятъ Русскіе въ Карпатахъ, когда видятъ грозовня тучи на горахъ. Необыкновенный ревъ ручнаго медвѣдя и глубокое выдиранье лапами земли предвѣщаетъ пожаръ²⁾. Плыва по водѣ, не слѣдуетъ номинать вайца: не любитъ водяной, подниметъ бурю; по другому повѣрью, плыва по водѣ, не слѣдуетъ номинать медвѣдя³⁾. Урянхайское названіе вьющагося растенія *Atragene alpina* подразумѣваетъ медвѣдя-громовника⁴⁾; оно называется вайраканъ-крижи, то-есть, тетива медвѣдя; названіе это даетъ медвѣдю въ лапы лукъ, превра-

¹⁾ Тр. Яси. въ Запад.-русск. край, III. 211.

²⁾ О предразсудкахъ въ Нижегородск. губерніи., соч. А. М., стр. 5.

³⁾ Дем., Повт. возвр., II, 644.

⁴⁾ Сохранилось вѣвѣстіе, что у Грековъ для добыванія живаго огня употреблялось преимущественно дерево *ἀβραύνη*; это было или вьющееся или чуждое растеніе (Килл, *Herakl. d. Feperg*, p. 38). Растеніе *Atragene alpina*, по русски называющееся диній хитъль, распространено преимущественно въ Сибирѣ; въ Европейской Россіи встрѣчается только въ Архангельской и Вологодской губерніяхъ; классическіе писатели разумѣли подъ *Atragene* другое растеніе, именно *Clomatis сігтнова*; быть можетъ впрочемъ, что ни оно, ни другія упомянутыя дренніи растенія равно; и вѣдущіе, не принимались къ добыванію огня, и вѣвѣстіе дреннихъ слѣдуетъ объявить только тѣмъ, что вьющіяся растенія, иковы *Atragene*, вѣдущіе, хитъль наименовали имъ молнію, о которой Урянхайцы и Алтайцы прямо выражаются, что она вьется вдругъ дерева, «айладръ». По монгольски *Atragene alpina* называется чюдуръ-убжуеу, то-есть, пугы-трава.

щаетъ его въ стрѣлка, то-есть громовника¹⁾). Можно, конечно, перевести это названіе словами тетива-громовника, но растеніе называется также атыкъ-крижи, ирей-крижи, гдѣ атыкъ и ирей значить медвѣдь, и хотя, какъ увидимъ, и подъ этими именами можно открыть Громовника, но самъ урянхайскій народъ атыка и ирей теперь громовержцами не считаетъ. У Тупинскихъ Бурятъ я записалъ повѣрье о томъ, что медвѣдь прежде былъ человекъ-охотникъ и въ то же время шаманъ; по другому бурятскому разказу, медвѣдь былъ сильный человекъ; Богъ, види, что съ этимъ богатыремъ людямъ не справиться, отрубилъ ему большой палецъ и обратилъ въ звѣря. Сказанія объ отрубленномъ пальцѣ чаще, чѣмъ къ медвѣдю, жители сѣверной Азии прилагаютъ къ сурку, звѣрку, который съ медвѣдемъ имѣетъ то общее, что засыпаетъ на зиму; всѣхъ звѣрей, имѣющихъ зимнюю спячку, какъ-то: сурка, летягу, летучую мышь, медвѣдя народное повѣрье ставить въ связь съ идеей о громовникѣ. Сурокъ, какъ и медвѣдь, былъ великій охотникъ, производившій такое истребленіе на землѣ, что Богъ принужденъ былъ наконецъ сократить его силу; онъ отрубилъ ему палецъ и обратилъ въ вѣчно въ норѣ живущаго сурка. Этотъ разказъ о суркѣ образовался, по нашему мнѣнію, такимъ образомъ: медвѣдь навывлся тарбаганомъ (познѣшее имя сурка) и представлялся народному воображенію охотникомъ, вносившимъ въ животный міръ сильное истребленіе; тѣмъ же именемъ „тарбаганъ“ ввали и бога-громовника (часть этого имени тар. осталось въ одномъ изъ его именъ тарханъ²⁾); Громовника представляли въ видѣ стрѣлка. Затѣмъ имя тарбаганъ не удержалось ни за медвѣдемъ, ни за Громовникомъ, а перешло на сурка, на котораго вѣсть съ именемъ перешло и сказаніе, добавленное потомъ чертами изъ жизни грызуна.

Въ упомянутомъ выше бурятскомъ сказаніи о томъ, что медвѣдь былъ шаманомъ, говорится, что онъ былъ не простой бѣ, шаманъ, а абтай; бѣ бываютъ ложные, обманщики, абтай же—истинный шаманъ; пеложный чудотворецъ. О томъ, какъ онъ обратился въ шамана разказывается такимъ образомъ: Этотъ искусный шаманъ обладалъ такою властью, что могъ обращаться въ звѣря; онъ уходилъ въ лѣсъ:

¹⁾ Славянская поговорка: «чтобъ тебѣ перунъ показалъ свои зубы» (Др., Поэт. поз., I, 746) также указываетъ на звѣршій образъ громовника.

²⁾ Члѣпъ тар отдѣляется и въ названіяхъ звѣрей, именно тушкапчикъ на Иртышѣ у Русскихъ называется тарбаганъ, Хаццискіе же Турпесталцы зовутъ его просто таръ.

обходилъ три раза вокругъ дерева, обращался въ медвѣдя, налавливалъ добычу, снова посредствомъ трехъ оборотовъ вокругъ дерева становился человекомъ, и относилъ добычу домой. Однажды подсмотрѣли, какимъ путемъ онъ добываетъ дичь, и подрубили дерево: такъ онъ съ тѣхъ поръ и остался медвѣдемъ. Это сказаніе, представляющее медвѣдя первостепеннымъ шаманомъ, очень важно; оно ставитъ его въ началѣ шаманскаго культа. Первостепенность, превосходство въ искусствѣ камланья и оборачиванья въ звѣрей приписывается другими алтайскими и бурятскими сказаніями первому по времени шаману, который и считается основателемъ шаманскаго словія, или какъ выражается сказаніе, родоначальникомъ шамановъ. Первый же или древнѣйшій шаманъ, какъ увидимъ ниже, есть самъ Громовникъ; такимъ образомъ и здѣсь медвѣдь сходится на одной мнѣстности почвѣ съ Громовникомъ.

Въ Алтай я занисалъ сказаніе о древнѣйшемъ шаманѣ, Тостогошѣ, которое содержится въ слѣдующемъ. Ханъ, наскучивъ обманами шамановъ, велѣлъ всѣхъ ихъ собрать и сжечь; онъ говорилъ: „Если они сгорятъ, значитъ — были обвинщики и жалѣть ихъ нечего; если же они настоящіе шаманы, то нечего бояться обложить ихъ огнемъ: настоящіе не должны сгорѣть“. Собрали, по ханскому приказу всѣхъ шамановъ, заключили въ юрту, обложили хворостомъ и подожгли; всѣ сгорѣли, за исключеніемъ Тостогоша, который невредимо вылетѣлъ изъ пепла. Послѣ того ханъ позволилъ Тостогошу заниматься свободно своею профессіей и пожаловалъ ему имя Даниъ Тере Тарханъ бѣ. Другой разказъ о томъ же Тостогошѣ такой. Одинъ ханъ пригласилъ Тостогоша лѣчить своего больного сына. Тостогошъ вылѣчилъ, по получивъ ханскіе подарки, сманилъ и увезъ ханскую дочь. Однако ханская ногоня догнала бѣглецовъ и Тостогошу отрубили голову. По словамъ Теленгитовъ, у которыхъ было занисано это сказаніе, тѣло Тостогоша обратилось въ каменную бабу, которая и теперь стоитъ въ мѣстности Коту. Дѣйствительно, въ этой мѣстности есть каменная баба, которую зовутъ Даниъ. Это сказаніе напоминаетъ другое о каменной бабѣ, находящейся въ рѣчной системѣ рѣки Эгъ и извѣстной подъ названіемъ Даниъ Тирхинъ (или Даниъ-Тэигиръ, какъ будто бы она еще называется Урляхайцами ¹⁾). Вотъ это второе сказаніе: Даниъ Тирхинъ былъ знаменитый шаманъ; онъ увезъ жену у Чигисъ-хана и заложилъ ее въ пещеру (что у насъ разказывается о

¹⁾ См. Очерки сѣверо-вост. Монг., II, 157.

змѣй-Горшничѣ), но Чингисъ-ханъ убилъ шамана, разрубивъ ему лицо саблей.

Что Даниъ Тирхинъ есть то же самое, что Тостогошъ или Даниъ Тере Тарханъ бѣ показывается, кромѣ сходства въ имени и въ эпизодѣ улова жены, еще одна черта: когда голову Тостогоша врыли въ торока, она захохотала. У Чингисъ-хана въ книжномъ о немъ сказаніи есть также врагъ Тянь-ханъ; когда къ нему привезли отрубленную голову Ванъ-хана, голова улыбнулась ¹⁾; здѣсь, правда, говорится о головѣ Ванъ-хана, а не Тянь-хана, но это слѣдуетъ, вѣроятно, отнести къ сбивчивости мифа. Уже въ разсказанныхъ нами эпизодахъ узнаются черты змѣя-громовника; вылетаніе изъ пламени въ невредимомъ видѣ на древне-болгарской мочѣ на Волгѣ разсказывается не о шаманѣ, а о змѣѣ ²⁾; болгарскій змѣй и алтайскій Тостогошъ — это глѣто, Громовникъ, сказанный инымъ именемъ, но вновь возрождающійся въ обновленномъ видѣ. Есть и другія свидѣтельства громовнической природы Тархана бѣ (Танъ Тирхина). Говорятъ, что перодъ каменной бабой Танъ Тирхиномъ можетъ камлать только истинный шаманъ; что ложнаго убиваетъ молнія и прежде, чѣмъ онъ приблизится къ встукану; что истинному шаману, который невредимо подойдетъ къ нему камлая, онъ даетъ цакиусъ (шаманскій плащъ, пояснилъ расказчикъ); что Танъ Тирхинъ могущественъ, какъ само небо. „Это само небо“, говорили мнѣ Урянхайцы, — „онъ и называется тэнгиръ, то-есть, небомъ, такъ какъ его зовутъ, между прочимъ, и Танъ-Тэнгиръ“. Разсказываютъ также, что во сосѣдствѣ съ этою каменною бабой живетъ много шамановъ. Все это свидѣтельство въ пользу того, что Танъ Тирхинъ занималъ центральное мѣсто въ шаманскихъ вѣрованіяхъ, и что это — самъ Громовникъ. Самыя имена его поддерживаютъ это предположеніе; Тирхинъ Эгской бабы есть, вѣроятно, то же самое, что Тарханъ телегитской легенды, и оба имени суть только измѣненное произношеніемъ урянхайское названіе бога громовника Теръханъ. Тере телегитской легенды опять-таки урянхайское имя неба, которое вносится или тере или теръ. Остается одно загадочное названіе Даниъ или Танъ; не тунгусское

¹⁾ Труды Пев. инст., IV, 100.

²⁾ См. Шмелевскій, Древніе города въ Казанск. губ. Казань, стр. 72 и 212; Рыжковъ, Опыт. Казанск. Исторія, С.-Пб., 1767 г.; Борисъ Гаермоетъ, Произвед. народн. словесн., обряды и повѣрья Вотик., Казань, 1880, стр. 152; А. Фуксъ, Записки о Чувашахъ и Чаремисахъ, 109.

ли это дванигъ, медвѣдица, что, можетъ быть, означало и самца ¹⁾? Н. И. Ильминскій указалъ мнѣ на присущее татарскому языку свойство, разлагать звукъ *dz* на *d* и *z* ²⁾ и на другое свойство турецкихъ языковъ разлагать носовый звукъ *nz* на *n* и *i*. Руководясь этимъ указаніемъ и прилагая то же правило къ тунгусскому, мы отъ дванигъ, но тунгусски медвѣдица, получаемъ виды: дванигъ, двани, дванг (сравни джапкъ онгонъ у Алтайцевъ, состоящій изъ зайца; айыгъ-медвѣдь по алтайски), заннъ (ср. Сайнъ-ноинъ, управитель аймака, Сайнъ-ханъ въ монгольской, Хайнъ-ханъ въ бурятской передачь имя какого-то древняго, по всей вѣроятности, иноэологическаго хана), даннъ (ср. Даннъ поптъ, князь, управляющій косокольскими Урянхайцами ³⁾).

Если Таянъ-Тяръханъ, уставщикъ шамалства, первый по времени и первостепенный шаманъ, носятъ въ себѣ признаки Громовника, то съ другой стороны—народное повѣрье у Халхасцевъ представляетъ иногда самаго Громовника въ видѣ шамана; именно громовое явленіе объясняется тѣмъ, что по небу три человека ведутъ верблюда: одинъ ведетъ за поводъ, другой идетъ рядомъ, третій сидитъ на спинѣ верблюда и бьетъ въ бубенъ.

Можетъ быть, самое камланье есть ничто иное, какъ подражаніе небесному грому; шамалская мистерія, заключающаяся то въ нисхожденіи въ подземное царство, то въ восхожденіи на небо, въ подробностяхъ сходится съ сказаніями о змѣѣ-громовникѣ, нисходящемъ по небу или восходящемъ съ нею.

На связь шаманства съ представленіями о богѣ-громовникѣ, указываютъ, какъ сказанія о началѣ шамалства, такъ и вещественныя принадлежности шаманства, костюмъ шамана, опгоны и пр. Въ одномъ изъ алтайскихъ параптовъ о первомъ шаманѣ вѣроловѣ Ханъ-Хурмось получилъ даръ камланья отъ удара змѣей, который ему принесъ какой-то старикъ; съ этого удара онъ пришелъ въ невступленіе и закамлалъ. У Урянхайцевъ распространено повѣрье, что прежде были такіе сильные шаманы, что могли низводить молнію на свой бубенъ. На вопросъ: куда падаетъ молнія, восточные Урянхайцы по большей

¹⁾ У Коттовъ Sajang, медвѣдь (*Castrén's Versuch ein. jennissel-ostjak. und kottisch. Sprachlehre*, 233).

²⁾ См. *Bulletin historico-philologique*, XVI, 1859 г., № 3, стр. 44 въ статьѣ: *Zur tatarische Lautlehre. Aus einem Briefe des Prof. Il'minsky an A. Schiefner*.

³⁾ У Койбаловъ въ ивсикахъ богъ называется джѣянъ, чѣянъ, чѣнъ (*Castr., Vers. ein. Kolb. und Kerag. Spr.*, 144).

части отвѣчали мнѣ: на дерево, на камень и въ бубень ¹⁾. На внутренней сторонѣ бубна у алтайскаго шамана можно встрѣтить изображеніе ломаныхъ линій, которыя по истолкованію самихъ шамановъ, означаютъ змѣй (то-есть, молнію). У одного урянхайскаго шамана на р. Вурен-голѣ я увидѣлъ въ шртѣ около кровати мѣдный кругъ, обвѣшанный множествомъ лентообразныхъ лоскутковъ; подобные круги, нашитые на шананскую шубу. Урянхайцы называютъ кудзюнго, Алтайцы—кусумы, Монголы—толи. На разпросы объ этомъ кудзюнго, обладатель его отвѣчалъ, что этотъ кругъ упалъ съ неба на камень, и въ то время, какъ онъ игралъ тутъ, Чуло-хамъ (то-есть, хамъ по прованію Чуло) поймалъ его, принесъ домой и передалъ потомству; шаманъ считалъ отъ Чуло-хама до настоящаго времени всего пять поколѣній; по всей вѣроятности, этотъ разказъ есть отрывокъ изъ сказанія о первомъ шаманѣ и началѣ шаманства.

Въ приведенномъ разказѣ нельзя подъ кружкомъ кудзюнго разумѣть солнце, потому что здѣсь прямо говорится о паденіи на камень; по форма кружка удалаетъ его отъ молніи, а потому ближе всего видѣть въ кудзюнго болидъ или метеоръ, — метеоры же и въ нашихъ повѣрьяхъ сливаются съ молніей и называются огненнымъ змѣемъ ²⁾.

Атрибуты шаманскаго званія всѣ имѣютъ по видимому цѣлью указывать на Громовника. Эти принадлежности состоятъ изъ особыхъ шапки и плаща и бубна съ колотушкой; у бурятскихъ шамановъ, кромѣ того, появляется пара жезловъ и другія вещи. Шаманское платье, которое мнѣ довелось видѣть на мѣстѣ и въ музеяхъ, можно раздѣлять на три типа: урянхайско-алтайскій, тунгусскій и амурско-орочонскій; послѣдній ближе къ первому, чѣмъ ко второму. Всѣ они имѣютъ видъ

¹⁾ У Камчадаловъ существовало мовѣрье, что во время грозы Балювѣй (камчадалевскій громовникъ, живущій въ облакахъ и врывающій громъ, молнію и дождь) сходитъ къ шаманамъ, вселяется въ нихъ и способствуетъ имъ угадывать (*Крашенинниковъ*, *Опис. Камчаткв.* С.-Пб. 1786, т. II, 82).

²⁾ *Ешевскій*, *Сочин.* I, стр. 288: авцвлами въ Римѣ назывались священныя щиты, вторые во время празднествъ въ честь Марса жрецы носили на шеѣ или на лѣвой рукѣ. Сказанія о нихъ говорятъ, что однажды изъ отверстаго неба упалъ на землю необыкновенный щитъ, по образцу котораго и были одѣланы остальные авцвлы. Названіе авцвлыи напомнимъ алтайскій глагольный корень «кункель», означающій громъ; выше мы привели слово чингиль, также очевидно получившее имя отъ звука. Кошъ у монгольскаго богатыря Ирнѣ-Сайва, который есть вѣроятно олицетвореніе Громовника, называется Хангиль. Въ сѣверо-западной Монголіи есть географическое названіе Хангель-цмиъ или Ангельчикъ.

плаща съ рукавами, сшитаго изъ замши; отличіе заключается въ томъ, что тунгусскій плащъ обвѣшанъ желѣзными погремущками, (называемыми по монгольски холбого), и только подолъ его обшитъ бахромой изъ длинныхъ ремней. У алтайскаго же, урянхайскаго и ороchonскаго плаща не одинъ подолъ, а и стапъ обшитъ бахромой; ороchonскій плащъ, котораго я впрочемъ видѣлъ одинъ только экземпляръ въ музеѣ Геогр. Общества, отличается отъ видѣнныхъ мною на мѣстѣ алтайскаго и урянхайскаго тѣмъ еще, что на немъ вовсе нѣтъ погремущекъ, за исключеніемъ одного колокольчика ¹⁾, а бахрома, покрывающая станъ плаща, состоитъ исключительно изъ замшевыхъ ремней, тогда какъ на алтайскомъ и урянхайскомъ плащѣ бахрома состоитъ только частью изъ ремней, на половину же изъ жгутовъ, сшитыхъ изъ бязи и другихъ бумажныхъ матерій и набитыхъ волосомъ. Эти ремни и жгуты, по толкованію самихъ шамановъ, изображаютъ змѣй; иногда они даже и шьются такъ, что можно узнать голову змѣи, обыкновенно обращенную вверхъ; головка отдѣлена отъ туловища тѣмъ, что шейка перехвачена галстучкомъ; или просто одно прикрѣпленіе жгута къ плащу не самымъ концомъ, а отступа отъ него съ полвершка, уже выдѣляетъ головку; на головкѣ или бисеромъ или на крупныхъ жгутахъ битью изображены глаза; иногда головка разщеплена для того, чтобъ изобразить змѣю съ открытою пастью. Къ середины спины бываетъ пришитъ большой жгутъ. Урянхайцы даютъ ему названіе: алтынъ-башту Абырга-джилапъ, то-есть, золотоголовая ²⁾ змѣя Абырга. Это имя мненческаго змѣя распространено далеко на югъ по Монголіи, и мы ниже еще скажемъ объ этомъ имени громовника. Между желѣзными погремущками встрѣчаются изображенія лука и стрелы изъ желѣза; все это напоминаетъ Церуна, разбѣгающаго на конѣ и мечущаго стрѣлы. То же нужно сказать и о совиныхъ перьяхъ, нашитыхъ на воротникѣ плаща и на шапкѣ; сова и филинъ—птицы, подъ которыми представляется Громовникъ, какъ въ нашихъ, такъ и въ повѣрьяхъ сѣверо-западной Монголіи.

Кромѣ холбого, то-есть, погремущекъ въ видѣ желѣзныхъ трубо-

¹⁾ Плащъ этотъ козій, не замоченный; надо полагать, онъ одѣланъ для Общества по заказу, потому отсутствіе желѣзныхъ погремущекъ, можетъ быть, слѣдуетъ объяснить немомотой мнозиеленіи заказа; можетъ быть, при исполненіи заказа, не нашлось подъ рукой нужнаго матеріала.

²⁾ Въ русскихъ повѣрьяхъ мненческаго змѣя также представляется золотоглавымъ или золотымъ (см. Русскія сказанія въ Зап. Русск. Геогр. Общ. по этногр. II, 489; Азия, Поэт. возвр. Слав., II, 548).

чекъ, на плащѣ пришиваются круглыя бляхи въ родѣ металлическихъ зеркалъ; на ороченской шубѣ, хранящейся въ музеѣ Географическаго Общества, такихъ бляхъ двѣ: одна—на груди, другая—на спинѣ; въ Алтаѣ я встрѣчалъ обѣ бляхи, нашитыя на спинѣ; у другихъ шамановъ эти бляхи не пришиты къ плащу, а висятъ въ юртѣ или надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ помѣщается бубенъ или въ изголовьяхъ кровати. Выше были уже приведены названія ихъ и сказаніе о ниспаденіи кудзюнга съ неба, что указываетъ если не на молнію, то на падающій метеоръ. Безъ сомнѣнія, въ образованіи формы кудзюнга, а равно и бубна, участвовали въ равной степени, какъ представленіи о метеорѣ, такъ и о солнцѣ.

Во время шаманской мистеріи бубенъ представляетъ то коня, на которомъ шаманъ спускается въ подземный миръ, или поднимается на небо (почему монгольскій шаманъ бубенную колотушку называетъ просто плетью, ташиуръ), то лукъ, посредствомъ котораго онъ пускаетъ стрѣлы въ враждебныхъ духовъ; отдѣлать здѣсь представленіе о солнцѣ отъ представленій о Громовникѣ трудно, потому что и солнцу и громовнику придаются и конь и стрѣлы. Но названія бубна: тунгуръ, тугуръ, хэнгуръ указываютъ на прямое отношеніе, существующее между камланьемъ и Громовникомъ. Алтайское и урянхайское названіе горизонтальной поперечины въ бубнѣ „кришъ“, тетива также указываетъ на представленіе о бубнѣ, какъ о лукѣ ¹⁾.

На вѣкоторыхъ шаманскихъ плащахъ встрѣчаются особня фигури въ числѣ семи; такъ, на одномъ алтайскомъ плащѣ я видѣлъ подъ воротникомъ семь куколокъ или человѣческихъ изображеній; по толкованію самаго шамана, куклы эти представляли „семь небесныхъ дѣвъ“; на тунгусскомъ шаманскомъ плащѣ, хранящемся въ музеѣ Географическаго Общества, на груди нашиты семь желѣзныхъ пластинокъ, изображающихъ птицъ, по всей нѣроятности лебедей, то-есть, опять-таки тѣхъ же небесныхъ дѣвъ, обладающихъ способностью обращаться въ лебедей. Число семь въ сказаніяхъ сѣверной Азии болѣею частью внушено представленіями о Большой Медвѣдицѣ, о

¹⁾ Вертикальнaя поперечина въ бубнѣ по алтайски баръ, въ языкѣ Черномыхъ Татаръ марсъ; баръ по-монгольски ввачитъ тигръ; по-алт. втотъ звѣрь называется барсъ; вѣроятно, марсъ Черномыхъ Татаръ есть то же слово барсъ изъ другого произношенія; можно думать, что это имя прежде принадлежало медвѣдю (ср. баранъ-гуресу, медвѣдь въ языкѣ Аларскихъ Бурятъ, бвртыхм, id. у Забайкальскихъ Бурятъ); въ бубенъ же оно могло попасть только потому, что икона медвѣдя и громовника были общія.

чемъ мы скажемъ въ другой статьѣ; здѣсь же достаточно привести факты, которые должны устранить сомнѣнiе, что въ представленiяхъ о Громовникѣ, основателѣ шаманства, есть общiя черты съ знаменитымъ созвѣздемъ сѣвернаго неба. Какъ первобытный человекъ не отдѣлялъ грозное явленiе отъ неба, на что указываетъ монгольское названiе тэнгри, общее и для неба, и для бога-громовника ¹⁾, такъ онъ могъ, провознося имя выдающагося созвѣздя, думать о цѣломъ небѣ. Названiе Семизвѣздцы такимъ образомъ является въ сказанiяхъ, какъ имя части, взятое за цѣлое. Переходъ отъ громовника къ Большой Медвѣдцѣ не болѣе того, какъ отъ громовника къ Варунѣ, о которомъ Кунъ выражается, что это было не только звѣздное небо, но и море облаковъ и тумановъ, въ которыхъ зараждалась молнiя. Монгольское имя Большой Медвѣдцы—Долонъ Вурхынъ; корень втораго члена этого имени слышенъ въ названiяхъ многихъ высокихъ горъ сѣверо-западной Монголии, служащихъ сѣдалищемъ грозныхъ облаковъ; мы знаемъ Буренъ-хайрханъ, Бурханъ-ола, Бурюнъ-ханъ; послѣднимъ именемъ косогольскiе Урянхайцы называютъ извѣстный Мунко-сардынъ; въ иривданiи бурятскаго шамана этотъ блокъ величается такимъ образомъ: „окторговнъ бууинъ хумо харбаджи буга одни ганц' шюдутей, ошни ганц' шюдутей“, то-есть, стрѣляя небесною стрѣлой, спустился ты, одноглавый Одинъ, однозубый Ошнъ ²⁾.

Точно такая же связь съ высокими горами замѣчается и у турецкаго имени; на большинствѣ турецкихъ языковъ сѣверной Азии это созвѣзди называется Джедигель, Жетыганъ, Итыганъ; въ виду того, что и на другихъ языкахъ европейскихъ и азиатскихъ созвѣзди называется медвѣдемъ или медвѣдцей, или по крайней мѣрѣ, какимъ-нибудь звѣремъ ³⁾, и въ Итыганѣ можно видѣть монгольское утыганъ, медвѣдь.

¹⁾ Остяки, по сподобельству Григорьевскаго (въ рукописи), когда громъ гремитъ, говорятъ: Номъ мачинъ, «Богъ молния», когда хороша погода: сво Номъ «Богъ добръ», худая—Номъ неттембанъ, «Богъ бьетъ»; когда дѣнь пастаетъ—Номъ телымбанъ «Богъ родился». Подобнымъ образомъ и Монголы о клой погодѣ говорятъ: тэнгри сайн, «Богъ (небо), хорошъ», и о худой: тэнгри ну-«Богъ худой».

²⁾ Ср. Анипа, волкъ, предокъ парола Тупи; также ошъ медадь по зырянски и перикци, ошппа (составлено изъ оши и ппа; ппа—дѣдь, старикъ) по остяцки. О Мунко-Сардынѣ Буряты говорятъ, что ошъ прежде былъ Шопо-пошопъ, то-есть, волкъ—барпль.

³⁾ О медвѣжьихъ и вообще звѣриныхъ именахъ Большой Медвѣдцы мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ.

Какъ монгольское бурханъ, и татарское Итыганъ (хотя по большей части въ измѣненномъ видѣ) встрѣчается въ названіяхъ высокихъ горъ или хайрхановъ. Только что упомянутый Мунко-Сардыкъ или по крайней мѣрѣ одинъ изъ его побочныхъ шиковъ называется Хятагай; объ этомъ Хятагайъ говорится, что онъ слетѣлъ съ неба вмѣстѣ съ громомъ. Въ вершинахъ р. Чунъ въ Алтаѣ находится высокій бѣлокъ Буруль-тайга, а сосѣдняя съ нею вершина называется Гедетей или Идытей; здѣсь какъ будто повтореніе названія Мунко-Сардыка: Буруль-ханъ и Хятагай. Въ Хангаѣ лежитъ бѣлокъ, который называется Отханъ-Хайрханъ, Отханъ-тэнгри или Очиръ-Ваям. Последнее названіе больше всего слышно у тувенцевъ и интересно въ томъ отношеніи, что этимъ же именемъ называется ламайскій богъ, представитель физической силы на ламайскомъ Олимпѣ; онъ изображается съ очиромъ въ рукѣ, которымъ онъ расшибъ на двѣ части темное существо Арахы. Что въ составѣ названій горы есть слова хайрханъ и тэнгри, понятно послѣ того, что мы сказали объ этихъ словахъ выше; что же касается до имени Отханъ (или, какъ эту же, вѣроятно, гору называетъ Рашидъ-вдинъ, Утеянъ-тэнгри), его можно принять за видоизмѣненіе слова утыгалъ или итыганъ. Въ центральной части Киргизской степи, въ выдающейся среди равнины группѣ горъ Улуту, одна изъ вершинъ носитъ названіе Идыге, которое встрѣчается и въ киргизскихъ сказаніяхъ, какъ имя богатыря ¹⁾; это последнее названіе близко и къ бурятскому Хятагай и къ татарскому названію Большой Медвѣдцы: Итыганъ ²⁾.

Урянхайцы высокіе, уединенные пещи, заслуживающіе поклоненія, то-есть хайрханы, называютъ адикъ-ту; у Алтайцевъ, какъ уже сказано было, поклонныя горы называются джанкъ-ту. Въ обоихъ случаяхъ ту

¹⁾ Въ барабинскомъ пересказѣ у богатыря Идыге одинъ глазъ вышибленъ. Срав. одноглазый Одилъ изъ бурятскомъ призываніи.

²⁾ На монгольскомъ, татарскомъ и тувгусскомъ есть нѣсколько именъ животныхъ съ окончаніемъ на гавъ или гень: тарбаганъ, вучигень, мундуканъ и друг.; встрѣчаются формы и съ отъеченнымъ окончаніемъ, напримѣръ, мучигень, ебно-стаана, мѣстами называется куджо; только лисица (полная форма вѣроятно къ личному имени Тюлегуиъ у Киргизъ), въ чувашскомъ тиль и. т. и. Поэтому и въ названіи медвѣди окончаніе такъ можетъ быть оставлено; «джиды» мы встрѣчаемъ въ урянхайскомъ названіи суслика; на якутск. уту иыдра; на тувгусск. kuty, медвѣдь.

обозначаетъ гору; адыкъ очевидно то же, что джанкъ или никъ ¹⁾. Полное тожество, этихъ формъ было только въ далекой древности; въ настоящее время Урянхайцы подъ словомъ адыкъ разумѣютъ не совсѣмъ то, что Алтайцы подъ джанкомъ. Адыкомъ Урянхайцы называютъ тряпочки или лепты, которыми они увѣшиваютъ священныя деревья и священныя кучи камней или обо; отсюда, вѣроятно, происходитъ и монгольское хадакъ, шелковый лоскутъ, который также часто развѣвается на священныя деревья. Такъ какъ на священныя горы или противъ нихъ, если ихъ вершина недоступна, устрояется обо, увѣшиваемое адыками, то названіе адыку можетъ значить гору, удостоившуюся увѣшиванія адыковъ. Въ алтайскомъ словѣ „джанкъ“ этотъ смыслъ заключается только отчасти; для ленточекъ, употребляемыхъ для увѣшиванія па обо и па священныя деревья и для привязыванія къ шеѣ домашнихъ животныхъ, посвященныхъ божеству, у Алтайцевъ существуетъ другое слово — ялама; подъ джанкомъ же Алтайцы разумѣютъ нѣсколько понятій: этымъ именемъ называется, во первыхъ, домашній фетишъ, состоящій изъ яйца, привязаннаго къ срединѣ шнура, увѣшаннаго яламой; вторыхъ, посвященная божеству и украшенная яламой скотина; третьихъ, наводненіе, причиняемое грозовымъ ливнемъ; говорятъ: джанкъ судая чыеты, то-есть, джанкъ изъ рѣки вышелъ; четвертыхъ, бѣлки или хайрханы; наконецъ, вятыхъ, Джанкъ есть собственное имя сына неба, которому по алтайской легендѣ бобырганъ (летяга) выколупалъ глаза; Джанкъ, преслѣдуя его, бросился на землю, куда убѣжалъ бобырганъ, но послѣдній укрылся подъ дерево. Съ тѣхъ поръ небо преслѣдуетъ бобыргана громовою стрѣлой. Всѣ эти различныя значенія можно свести къ общему источнику предположеніемъ, что Джанкомъ назывался у Алтайцевъ богъ-громовникъ. Отсюда и тожество съ монгольскимъ хайрхапомъ (въ смыслѣ тученосной горы), и съ урянхайскимъ адыкоюъ (въ смыслѣ символическихъ ленточекъ). На-

¹⁾ Тожество оказывается и въ отношеніи фонетичн; вездѣ, гдѣ въ алтайскомъ языкѣ стоитъ ж, въ языкѣ тува или урянхайскомъ стоитъ д; напримѣръ:

алт. вайын, берева;—тува	кадым
бойын, свой;	бодын
лийна, войлокъ;	лидыс
мушю, вить;	худелу
хуйрунъ, хвостъ;	худуру
бишна, мысокъ;	бедын

по этому и ыйна или инь;

адык.

званіе жертвы по божеству мы находимъ и у Чувашъ, которые называютъ Ирихомъ и жертвенныя вещи, и того, въ честь кого они положены. Чувашскій Ирихъ, алтайскій джвигъ, инкъ, минусинскихъ Татаръ — ижигъ, нзыкъ, якутскій итык, урянхайскій атыгъ — все это слова одного значенія и напоминаютъ названія медвѣдя: уѣрк самоѣдск. (jigex волкъ, остяцкое; бури волкъ, татарск.; русск. обл. бирюкъ, медвѣдь); епоко или цсикап тунгусское, все якутское; атыгъ урянхайское, айыгъ алт. (аю турецкое), jig — остяцкое. На это сходство можно смотрѣть, какъ на свидѣтельство, что поклоненіе божеству развилось у племей сѣверной Азии подъ вліаніемъ представленій о медвѣдь-громовникѣ, который отождествлялся съ высокими горами. Не странно будетъ искать и для именъ Бурханъ, Буренъ, Буръ, Буруль и т. под. объясненія въ названіяхъ звѣрей; въ турецкихъ языкахъ мы находимъ бури для волка; въ одной урянхайской сказкѣ является Бурн-ханъ, волкъ царь; сказка сначала даетъ ему настоящій волчій видъ, но потомъ превращаетъ его въ хана, живущаго внутри горы, входъ въ которую незамѣтенъ и заваленъ огромнымъ камнемъ (черта, часто приписываемая громовнику). Повѣрья о высокихъ горахъ, существующія въ сѣверной Азии, намекаютъ на пребываніе на нихъ стрвшнаго божества. Суевѣрныя Тунгусы смотрятъ на гору Чокондо, какъ на мѣстопробываніе гнѣвнаго божества, посылающаго на нее ежедневно облака и бури и никого до нея не допускающаго, а потому вершину ея почитаютъ не досягаемою ¹⁾. Торгоуты въ Тарбагатаѣ говорятъ, что вершину бѣлка Мустау облегаетъ свернувшійся кольцомъ амѣй. Остяки и Зыряне о горѣ Непуби-неръ или Телпосъ-нъ (въ Уралѣ) разказываютъ, что на эту гору никто не смѣетъ взобраться, а которые исходили, оттуда никогда уже не возвращались; они считаютъ мѣсто это обиталищемъ печистаго духа ²⁾. На островѣ Ольхонѣ есть поклонная гора Ижмей, на которую Буряты не смѣютъ подниматься; на ней, говорятъ Буряты, цѣпями прикованъ къ скалѣ медвѣдь ³⁾.

¹⁾ Рихтеръ, русск. переводъ, V, 312.

²⁾ Ж. М. Нар. Просв. 1878 г., ноябрь, 9.

³⁾ Сообщенія г. Черепицъ. Подобную связь Громовника съ горой замѣтилъ и у Лопарей. Аѣе или Уаю провладетъ свое бытіе пѣ видѣ гроза, бури, непогоды и молніи. Лопари обожали его подъ видомъ пысомихъ горъ, утесовъ и озеръ. Въ Эпаре есть снега, поднимающаяся изъ велихъ подобно башнѣ; она называется Аѣе и почиталась за божество; ей приносились жертвы (Ж. М. Нар. Пр. 1868 г. июль, 252). Кастрепъ (Vorlesung. über. d. Finnische Mythologie, 106—122) уназы-

Мы сказали, что джанкомъ Алтайцы называютъ также наводненіе отъ грозового ливня. На такое же отождествленіе грозового явленія съ потоками, несущимися съ высокой горы, указываютъ и другіе случаи. Полный титулъ бѣка, извѣстнаго у насъ подъ именемъ Мунко-Сардыка (имя это тункинскимъ Буритамъ и косокольскимъ Урянхайцамъ неизвѣстно, они зовутъ его или Мунку-Саганъ, или Бурюнь-ханъ), слѣдующее: Мунку-Саганъ-хутуль-ханъ-моринъ-нойонъ. Это ханъ-Моринъ есть конечно то же, что урянхайское Бурюнь-ханъ, между тѣмъ Моринъ у Монголовъ, кочевья которыхъ прилегаютъ къ южной подошвѣ Танну-Олы, означаетъ вообще большую рѣку; этимъ именемъ вовуть, напримѣръ, Тельгиръ-Моринъ, хотя не менѣе важныя рѣки Тэсъ и Эгъ не называются моринами. Эта привиллегія Тельгира до того соблюдалась, что Моринъ сдѣлалось почти собственнымъ именемъ этой рѣки; чаще ее вовуть просто Мориномъ. Другая рѣка (въ системѣ Хуа-хена) называется Буренъ-голь; на картѣ Клапрота она еще называется Хара-муренъ, то-есть черная рѣка; такъ, можетъ быть, она когда нибудь и называлась; нынѣ же она на-

заетъ на отношеніи, существующія между духомъ Niisi (множ. Niidete) и горами во повѣрьяхъ Финновъ. Niisi въ рунахъ является всегда злымъ, коварнымъ духомъ; онъ вмѣстѣ съ Subjätäg сотворилъ мѣдъ и участвуетъ во исломѣ агъ, которое на землѣ случается; онъ топоровъ рвалъкъ колѣно Вейнемейнену (назетси черта громовника, ведущая начало отъ носовъной походки медвѣдя); болѣзни и недуги считаются носылаемыми отъ Niisi; алое существо этого духа видно изъ свислыхъ провалтій: Oi Niisi, o dälwotä! mene Niitem, wdi къ чорту! Вмѣстѣ съ злою природою Niisi соединяетъ свойство сильного и умнаго существа; у него есть ноги, у котораго стальныя копыта, а изъ рта и ноздрей летятъ искры. Мѣстопробываніемъ Niisi считался лѣсъ, особенно лѣсматыя горы; Niiden lippa, то-есть города Niisi, Niitola, то-есть Niisi'ево обиталище описываются какъ мѣста, окруженныя трупобвнн, омыслими горами и скалами. Изъ горы, какъ изъ жилище Niisi, указываютъ и то, что многія горы въ Финляндіи называются Niiden uopä. Въ рунахъ говорится также о Niisi'емихъ поляхъ, лугахъ, лонахъ, быкахъ и проч., что придеетъ отъ-ну духу другія черты, не оградивши его образъ чертами одного лѣснаго. Выраженіе Niiden väki подавало прежде моводъ къ предположенію что Niisi были нервомассельными Финляндіи. Та же связь громовника съ высочайшия горами замѣчена и у лавназскихъ горцевъ. Высшимъ божествомъ у Абхазцевъ считается Аныбсъ—мыхъ—дудрюпшъ, который пребываетъ на горѣ Дудрюпшъ; всякій осмѣлившійся подняться на гору, бываетъ пораженъ слѣпотой. Собственно громовникъ во абхазски называется Аемъ; ему приносятъ жертвы при отгонѣ стада изъ горы весной и возвращеніи на гору осенью, а также во время засухи; во время грозы ему поетси особый гимнъ. (Ср. имя Аемъ съ самоѣдскимъ паввазіемъ медади выи, начисло-тотврскимъ ава п др. т. м.).

вѣстна у мѣстныхъ Урянхайцевъ подъ именемъ Бурена; это бурень, прежнее мурэпъ, сдѣлалось совсѣмъ собственнымъ именемъ этой рѣки, такъ что къ нему уже прилагаютъ слово голъ, рѣка. То же слово находится въ имени третьей рѣки Вукопъ-бурецъ, притока р. Кобдо. Изъ этихъ примѣровъ видно, что моринъ и бурецъ смѣшались другъ друга, какъ въ исплахъ рѣкъ, такъ и горъ; это ведетъ къ догадкѣ, что этимъ именемъ назывался Громовникъ, который отождествлялся и съ горой, и съ грозовымъ ливнемъ, и вообще съ потокомъ съ горы¹⁾. Отъ этого-то нераздѣленія понятій о горѣ и о берущей на ней начало рѣкѣ не рѣдко случается въ Монголіи, что и бѣлокъ, и рѣка носятъ одно и то же названіе, а отдѣльныхъ именъ не имѣютъ; такъ, напримѣръ, къ западу отъ Убса лежатъ два бѣлка, изъ которыхъ вытекаютъ двѣ рѣки: Харкира и Тюргунъ; бѣлки не носятъ отдѣльныхъ названій; на вопросъ, какъ гора называется, отвѣчаютъ: или ханрханъ, или: цасту ола (снѣжная гора), или: мунку цасу (вѣчный снѣгъ), и только когда требуется отличить въ разговорѣ одинъ бѣлокъ отъ другаго, ихъ называютъ именами Харкира и Тюргунъ. Вершина Ени-

¹⁾ Въ алтайскихъ былинахъ, записанныхъ Радловымъ, встречается выраженіе «Идиль-джанкъ»; г. Радловъ, включая изъ смысла предложенія, перевелъ это выраженіе просто: большой подой; г. Ильминский, въ письмѣ къ г. Шенеру, помѣщенномъ въ предисловіи къ одному изъ томовъ Радловскихъ Рубенъ, предложилъ остроумную догадку, что тутъ нужно разутье спареніе двухъ именъ русскихъ рѣкъ, Итиля и Джанка, то-есть, Волги и Урала (Янка). Невольно является мысль, что это мѣсто есть память о русскихъ рѣкахъ, съ которыми среднеазиатцы могли познакомиться во время походовъ. Какъ будто за то же говорить и монгольское помярье о рѣкѣ Идилъдзай, лежащей на западѣ отъ Монголіи, на которой люди, пьющіе ея воду, живутъ выше ста лѣтъ. Однако слово джанкъ, какъ мы видали, извѣстно въ Алтай въ значеніи наводненія, большой воды. Какуюжущеея противорѣчіе въ этихъ сактахъ можетъ быть объяснено такимъ образомъ. Идилъ-Джанкъ было широкимъ именемъ, жившимъ въ устахъ народовъ ередней Азии; оно употреблялось, какъ въ слитной формѣ, такъ и въ разобщенной и придавалось какъ своему громовнику, такъ и производному имъ грозовому ливню; или джанкъ и теперь осталось въ Алтай въ близкомъ къ тому значеніи. Имя Идилъдзай явилось не только въпомнства съ р. Волгой, а существовало въ Монголіи давно и помярье о немъ указываетъ, что подъ этимъ именемъ скрывается благотворный ливень, приходящій съ западнаго неба; впоследствии турецкія и монгольскія племена перенесли въ Европейскую Россію и найдя здѣсь двѣ большія рѣки, наименовали ихъ именами, взятыми изъ своей идеологии. Что народъ подобнымъ образомъ переносилъ имена съ неба на землю, примѣромъ могутъ служить дороги въ древней Англіи, на которыхъ было перенесено имя млечнаго пути. Къ неряному члену Идилъ мы возвратимся въ статьѣ о Семипалатинскѣ.

сея называется Хуа-Хемъ; это названіе дается рѣкѣ только по выходѣ ея изъ озера Терь-норъ; выше же она называется Шишкитъ; самая восточная вѣтвь системы называется Арсай; въ вершинахъ этой послѣдней рѣки, какъ бы во главѣ всей рѣчной системы, стоитъ высокая гора, носящая имя Хуа-Хемъ, то-есть, имя рѣки, долина которой у ея подошвы получаетъ начало, хотя рѣка, которая близъ нея начинается, называется другимъ именемъ. Это тоже можетъ служить примѣромъ того, что человекъ, обитавшій въ древности въ Монголіи, принималъ гору съ ея потоками за органическое цѣлое ¹⁾.

Небо представлялось, кромѣ того, еще въ видѣ высокой горы, въ видѣ бѣлка (или тайги, какъ сказывалъ бы Алтаецъ), на которомъ свопляются грозовыя тучи и разряжается электричество. Восходящее солнце или луна должны были представляться дикарю въѣзжающими на гору. Подъ горою въ сказаніяхъ сѣверной Азии слѣдуетъ разумѣть по большей части небо. Самое крупное созвѣздіе сѣвернаго неба, Большая Медвѣдица помѣщается около вершины этой горы; она должна была представляться или въ видѣ самой вершины бѣлка, или обитателемъ на ней, и обобщаться съ Громовникомъ или съ медвѣдемъ-громовникомъ. Въ сказаніяхъ упоминается высокая гора, на которой растутъ семь лпствевицъ; въ качипскихъ быліяхъ царь Джедай-ханъ жветъ на высокой горѣ, а подъ Джедай-Ханомъ разумѣется Большая Медвѣдица, Джетыганъ или Итыганъ ²⁾.

Другое представленіе о небѣ было, какъ о морѣ, окружающемъ землю. Относительно сказаній сѣверной Азии можно то же сказать, что говорится объ арійскихъ; большая часть инеовъ, касающихся моря, разумѣетъ не земное, а небесное море облаковъ и тумановъ, такъ какъ монгольское племя еще менѣе знало настоящее море, чѣмъ арійцы. Монгольское слово далай, море, называется большія озера своей родины; небо онъ могъ представить въ видѣ того же далая, только въ другихъ размѣрахъ. Съ этимъ вмѣстѣ Большая Медвѣдица должна была преобразиться во властителя небснаго моря, отъ котораго за-

¹⁾ Не слѣдуетъ ли подобною связью представленій о громовникѣ и ливнѣ объяснить сходство именъ въ японск. икутономъ Абѣ—рѣка *Böhlingk*, *Jvk. Worterb.*, 15), и *ebbae*—медвѣдь (*Pall, Zoogt.*, II, 67)? Не означало ли око рѣки грозоваго ливня или весенняго разлива воды? Такое же соединеніе представленій, можетъ быть, заключается въ словахъ: якутскомъ Ирюсъ (*Böhlingk*: брус, большаи рѣка) и монгольскомъ галавъ; последнее теперь означаетъ переворотъ вѣнвой е только черезъ посредство воды, введеніемъ, но и посредствомъ огня.

²⁾ Очерки Сѣв.-вост. Монг., II, прим. 27 къ гл. I-й.

висить погода. Мы имѣемъ одну монгольскую сказку, въ которой отчасти можно видѣть вариантъ нашего Марко-богатаго. Одинъ бѣднякъ идетъ къ Вурханъ-Вакши узнавать судьбу; онъ находитъ слѣды ногъ этого божества, этими слѣдами доходитъ до моря и вступаетъ въ его волны; внутри ихъ онъ находитъ ставку Вурхана-Вакши; по сравненію съ нашими сказками, Вурханъ-Вакши есть морской царь; мы уже знаемъ, что В. Медвѣдница по-монгольски называется Долонъ-бурханъ; присутствіе члена бурханъ въ названіяхъ созвѣдія и персонажа наводитъ на мысль, что подъ морскимъ жителемъ Вурханомъ-Вакши скрывается В. Медвѣдница; это предположеніе можно поддержать слѣдующими обстоятельствами: во-первыхъ, многія черты другихъ монгольскихъ и татарскихъ сказаній заставляютъ также предполагать, что властителемъ надъ человѣческой судьбой представлялось созвѣдіе Большой Медвѣдцы, о чемъ будетъ сказано въ другой статьѣ; во-вторыхъ, о Вурханъ-Вакши Монголы иногда прямо говорятъ, что это одна изъ звѣздъ Большой Медвѣдцы; в-третьихъ, одно монгольское сказаніе принимаетъ Большую Медвѣдцу за семь частей, на которыя былъ разбитъ палкой богатырь Амни-Цаган-Буреке; къ тому же сказанію объ Амни-Цаганъ-Буреке соприкасается съ распространеннымъ сказаніемъ о семи братьяхъ, добывающихъ невесту, въ нихъ передачахъ прямо относимыхъ къ Семизвѣдицѣ¹⁾; съ другой стороны, Амни-Цаган-Буреке напоминаетъ богатыря Медвѣдко или Медвѣжье ухо аварской сказки,²⁾ который родился съ медвѣжьими чертами отъ сожительства женщины съ медвѣдемъ. Амни-Цаган-Буреке убиваетъ дьявола-старуху молоткомъ, намекъ на его громовничество. Эти факты даютъ право имя Вурханъ считать древнимъ первоначальнымъ именемъ Семизвѣдницы, возникшимъ на почвѣ представленій о медвѣдь-громовникѣ, обитающемъ на небѣ-горѣ или въ небѣ-морѣ; значеніе же Вурхана, какъ бога, есть, какъ мы думаемъ, позднѣйшее; оно отдѣлилось отъ монгольскаго имени Семизвѣдницы Долонъ-Бурханъ такъ же, какъ и турецкое Кудай, богъ, отдѣлилось отъ турецкаго ея имени Джетыгепъ, о чемъ мы скажемъ въ статьѣ о Семизвѣдицѣ. Принимая слово Вурханъ за древнее имя громовника, возникшее на туземной почвѣ и ведущее начало отъ одного изъ именъ

¹⁾ Какъ напримѣръ, въ датской, смот. *Grundtrig's Dänische Volksmærgen*, абрг. ч *Leo*, 110, и въ замсанной нами Монгольской «Долонъ убугутъ».

²⁾ См. Сборникъ свѣд. о кавказскихъ горцахъ, вып. 2, ст. г. *Чиркеевская*, 18—24.

медвѣдя, мы можемъ встрѣтиться съ возраженіемъ; что не лучше ли вести это слово отъ санскритскаго *Bhṛgu*, который есть также олицетвореніе молніи или жрецъ, получившій отъ *Mātaṅgava* освобожденный изъ пещеры огонь ¹⁾. Этого санскритскаго *Bhṛgu* еще болѣе, чѣмъ монгольскій бурханъ (въ урянхайскомъ произношеніи пурганъ, въ алтайскомъ нуркан) напоминаетъ птица кол-боркы, которей алтайское сказаніе приписываетъ открытіе огня; когда собраніе первыхъ людей неодумѣвало, какъ быть безъ огня, прилетѣла птица кол-боркы, сказала только: „развѣ на березѣ нѣтъ губы, развѣ въ скалѣ нѣтъ камня, и улетѣла ²⁾).

Санскритскій *Bhṛgu* могъ явиться въ Монголію или вмѣстѣ съ буддійскими книгами, или могъ быть занесенъ вмѣстѣ съ переселеніемъ монгольскаго племени отъ сѣверной подошвы Тибета. Но есть мнѣніе, что монгольское и особенно турецкое племя разселялось отъ Байкала съ сѣверо-востока на юго-западъ, а не на оборотъ ³⁾. Если это будетъ подтверждено дальнѣйшими учеными изысканіями, тогда останется одинъ путь, книжный; этотъ путь предполагаетъ переводъ сказанія о *Bhṛgu* сначала къ Монголамъ, потомъ къ Урянхайцамъ и Алтайцамъ; сравненіе же редакцій монгольской и урянхайской не поддерживаетъ этого предположенія; сказаніе объ открытіи огня у Монголовъ подъ вліяніемъ буддизма исказилось въ сказаніе о добываніи живого бога; нужно сличеніемъ открывать, что въ немъ подъ живымъ богомъ разумѣется огонь; въ алтайской же вышеприведенной легендѣ говорится ясно, что боркы указалъ людямъ огонь. У Урянхайцевъ я не открылъ сказанія объ открытіи огня, но у нихъ есть сказаніе о добываніи живаго бога; редакція этого сказанія первоначально монгольской и не похожа на заимствованіе у Монголовъ; въ монгольскомъ сказаніи Абтай-сайвѣ-ханъ ѣдетъ въ живыиъ богомъ къ Далай-ламѣ, и только; въ урянхайскомъ—это длинный разказъ о

¹⁾ *Kuhn*, *Uebersicht des Feuers*, 5—10.

²⁾ Кунъ приводитъ граубюнденскую сагу, которую онъ сближаетъ съ сказаніемъ о добываніи огня. Парни одной деревни выставили въ дѣсу норыто съ виномъ и водкой; дѣсной человѣкъ выпилъ напитоковъ и опьянѣлъ; его поймали, связали и принесли въ деревню; когда онъ очнулся, отъ него стали требовать, чтобы онъ открылъ тайну; онъ сказалъ, что откроетъ, но чтобы ему развязали руки и ноги; когда руки и ноги были развязаны, дѣсной человѣкъ только сказалъ: *bim hübschen wetter nemmet die töpsehen (wämmer) mit ni und bim leiden haud (habd) er d' wahl, u versch (ib., 34).*

³⁾ См. между прочимъ *Richthofen*, *China*, 45—55.

богатырѣ, исполняющемъ личныя ханскія порученія; послѣднее изъ нихъ есть поѣздка къ Колду-Бурхану за живымъ богомъ, причемъ богатырь добываетъ себѣ невесту. Словомъ, эта урянхайская сказка совершенно походитъ на другія урянхайскія богатырскія сказки и нисколько не походитъ на отрывокъ буддійскаго сказанія, который будто могъ быть пересажень въ танпуольскія долины немногочисленными безграмотными ламами, и наоборотъ при чтеніи монгольскаго сказанія чувствуется, что это отрывокъ сказки шамацкаго племени, искаженный подъ вліяніемъ буддизма.

Кромѣ того, связь между представленіи дикарей сѣверной Азии о медвѣдѣ и громовникѣ на нашъ взглядъ такъ очевидна, что заимствование имени громовника: бурханъ, бурн-ханъ, буревъ-ханъ ¹⁾, и прочія отъ имени медвѣды должно казаться очень естественнымъ; что же касается до связи *Bhrgu* съ корнемъ *bhrgj*, откуда *bhargas*, блескъ ²⁾, то не отвергая ея, можно объяснить эту связь происхожденіемъ понятія о свѣтломъ и существительнаго, „блескъ“, отъ блестящаго созвѣздія, а не на оборотъ.

Сравненіе неба съ моремъ (правильнѣе, озеромъ) могло быть вызвано сходными чертами, одинаковымъ цвѣтомъ лазури, отраженіемъ звѣздъ въ водѣ въ покойное время, а во время гнѣзы одинаковымъ помраченіемъ какъ небесной, такъ и водной лазури; новѣрныя жители сѣверной Монголіи указываютъ, что дикари признавали такую же тѣсную связь между небеснымъ моремъ и земными водоемами, какъ и между небесной горой и земляными ханрханами. Они помещаютъ громовника на дно озеръ; у Манджуровъ есть мѣстеческій звѣрь мудури, который будто бы водится и въ озерѣ Ханка. Мудури по манджурски значить молнія. Звѣрь мудури считается свирѣпымъ. Манджуры часы сутокъ обозначаютъ именами звѣрей: 11-й часъ называется часомъ мудури. На манджурскихъ часовыхъ доскахъ на мѣстѣ одиннадцатаго часа изображенъ звѣрь мудури въ видѣ дракона, бросающаго изъ своихъ лапъ молнію ³⁾. О бѣлой совѣ, которая по бурятски называется така и въ краѣ живетъ только зимой, Буряты говорятъ, что на лѣто она уходитъ въ озеро, что въ тому озеру опасно бывать подгонять

¹⁾ Понятіе о горѣ заключалось и въ санскритскомъ *bhrgu*, plateau de montagne, ргісірісе. См. *Pictet*, Orig. indo-europ. II, 125; тутъ же сближенія съ готск. *baigrv*, англ.-сакс. *beorg*, древне-славянски. брегъ.

²⁾ *Килья*, Нег. d. Feuers, 8.

³⁾ *Маакъ*, Путеш. по Усеури, I, стр. 141.

въ то время скотъ на водопой, потому что тажа поражаетъ его молніей. Въ западной Монголіи этого повѣрья нѣтъ, но связь бѣлофсовы съ представленіемъ о громовникѣ есть и здѣсь: говорятъ, что ее преслѣдуетъ громовая стрѣла, почему она удаляется на лѣто на дно моря. Этимъ повѣрьемъ о пребываніи громовника въ озерѣ можно объяснить названіе манджурскаго миенческаго звѣря чжухянь-сингэри; это было повидимому имя громовника, представленіе о которомъ народъ перенесъ на мамонта; связь въ представленіяхъ о мамонтѣ и громовникѣ или по крайней мѣрѣ о миенческомъ звѣрѣ индрикѣ, прочищающемъ источники, есть и у насъ; на эту связь указалъ уже г. Вс. Миллеръ¹⁾. По самоѣдски мамонтъ называется *jeuggogu*²⁾, именемъ, которое напоминаетъ корни, приведенные въ началѣ статьи; на языкѣ томскихъ Остяковъ и Самоѣдовъ онъ называется *козэръ*; это тоже одно ивъ именъ громовника, какъ увидимъ ниже. Кажется эту связь нужно предполагать и между громовникомъ и выдрой; ея остяцкое названіе *ваптэръ*³⁾ напоминаетъ самоѣдское названіе бубна, *reander, reanser, ranzer*⁴⁾, а мы видѣли, что названіе бубна въ связи съ именемъ громовника; названіе же рѣчекъ вблизи нѣкоторыхъ бѣлковъ около Косогола и въ системѣ Шишкита Мундурго, или Мунгорго (ср. *пандеръ* по калхасски, *мундур, mender, möndör*—градъ по бурятски) указываетъ на то, что и здѣсь громовнику давалось подобное имя. Тутъ, можетъ быть, наводило на сближеніе роющее свойство горныхъ потоковъ, образующихся отъ грозоваго ливня, которое напоминало дикарю роющихся въ землѣ звѣрей⁵⁾.

¹⁾ *Древности*, т. VII с. 6.

²⁾ *M. Schrenk's Reise n. d. Nordosten d. europ. Russland*, I, 312; II, 267. Шренкъ считаетъ это имя составленнымъ изъ двухъ *ja* земля и *hoga* самецъ, специально самецъ сѣвернаго оленя, въ родѣ того, какъ *лантагора, гусанъ, порвангора*—быкъ. Слѣдовательно *ягора* будетъ «земной сѣверный олень-самецъ» или просто «земной быкъ». Но существованіе тунгусскихъ формъ: *лигуру*—волкъ, *джухянь-сингэри*—подвешное животное, вставляютъ съ осторожностью отнести къ этому толкованію.

³⁾ Варианты: *wander*—*Castr Vers. ostjak* 116; *wondor, wondur*—*Pall., Zoogr.* I, 77; *gonter*—около Самарова *ibid.* По якутски *быдыръ*, близкое къ манджурскому *мудури*, но можетъ быть, и исконное русское *выдра*, какъ думаетъ Вѣтлингъ.

⁴⁾ *Castrén's Wörterverzeichnis aus d. Samoied. Spr.* 292.

⁵⁾ По вогадски *гондыръ*—медвѣдь; ср. также *хундуръ* по чувашски, *увдургорныхъ Черемъ, бобръ* (*Золотницкій, Чувашск. Слов.*). Тотъ же корень для бобра съ другими окончаніемъ очень распространенъ на пространствахъ отъ Волги до

Первый членъ имени манджурскаго загадочнаго звѣря, чжухэнь, тоже вужно отнести къ эпитетамъ громовника, судя потому, что почти того же состава имя: сихинь и кангари, какъ называются черенчиня погренушки подъ манджурской крышей; кромѣ того у Вогуловъ громъ называется сяхенъ¹⁾. Появленіе этого слова, въ которомъ и тѣни нѣтъ звукоподражанія, можно объяснить тѣмъ, что дзехенъ было именемъ медвѣдя и потомъ перенесено на громовника.

Ово дѣйствительно встрѣчается въ именахъ звѣрой; хэигрикъ-дзехенъ по монгольски называется россомакъ; это имя вполнѣ совпадаетъ обомни членами съ приведенными выше названіями какъ манджурскаго гремячаго украшенія „сихинь и кангари“, такъ и миенческаго звѣря „чжухань-сингэри“. Переводятъ слово хэигрикъ по русски словомъ бубень въ названіи россомакъ едвали имѣеть смыслъ; что за бубенная россомакъ? вѣроятно же тутъ разумѣть просто звѣриное имя, которое было дано звѣрю за ревъ и въ то же время придавалось и громовнику. Дзехенъ, россомакъ, въ другихъ языкахъ измѣняется въ дзегенъ у Сойотовъ, джекешъ у Алтайцевъ, сегянъ, сѣгянъ, сѣгянъ у Якутовъ.

Цаганъ, которое встрѣчается между именами въ монгольскихъ сказаніяхъ, не есть поэтому бѣлый, а скорѣе названіе звѣря; оно означало повидному медвѣдя и громовника; поэтому-то оно и входитъ въ составъ имени Амынь Цаганъ Буреке²⁾, въ которомъ мы уже указали признаки громовника; на томъ же основаніи и невѣстный бурятскій „Цаганъ убугуиъ“, бѣлый старецъ, долженъ быть признакъ за медвѣдя-громовника³⁾; онъ во время религіозныхъ плясокъ въ буддѣй-

Енисей: кундус по киргизски; коидос по татарски, кундус по алтайски. Отъ того же корня происходятъ названія выдръ: kundra, hundus, по сойотски и карагаски, кашнос, кашнош по койбилъски (*Castr. Verzeip. Kolb. Spg., 159*); канду по алтайски, камъ Казанскихъ Татаръ (ср. темо-халю, бобръ по монгольски); момъ по череннски; йоме по якутски (*Böblingk*).

¹⁾ Труды Общ. естествоиск. при Казанск. ун-к., т. III, № 4; Путеш. къ Вогуламъ, ст. г. Оорокина.

²⁾ Амынь капоминаеть самодекое Ыланъ, вержное божество.

³⁾ Урянхайцы кивыняютъ медвѣдя, между прочимъ, убугъ, вѣроятно, сокращенное убугуиъ. Тимнымъ образомъ цаганъ-убугуиъ будетъ по составу киеки соответствовать древне-греческому λευκή βρυχή (*Bachofen, Der Mag in der Relig. des Alterthums, Basel, 1863, стр. 18*). Не скрывается ли тотъ же убугуиъ, то есть, медвѣдь, въ чувашскомъ словѣ вопкыя, пучима, подоноротъ, пропасть, прожорамый, обжора, татарск. укунъ, гор. Черем. вопманъ; воими у Чувашей

скихъ монастыряхъ представляется хромающимъ,—намекъ на походку медвѣдя. Буряты Аларскаго вѣдомства говорятъ, что сильнѣйшій звѣрь на землѣ амынь-цаганъ-хулугана; это можетъ значить только то, что прежде такъ назывался медвѣдь, и вмѣстѣ съ тѣмъ громовникъ; впоследствии связь имени съ медвѣдемъ утратилась, осталось одно — что это сильный (какъ небесный громъ) звѣрь. Что это былъ громовникъ, подтверждается повѣрьями, будто мышь амынь-саганъ-хулугана сосеть коровъ, или будто гдѣ она поселится, въ томъ домѣ будетъ богатство и счастье. Другой, болѣе ясный примѣръ подобной судьбы имени громовника представляетъ названіе кара кула. У Киргизъ существуетъ повѣрье, что сильнѣйшій звѣрь есть кара кулакъ (черное ухо), хотя опъ величавой всего съ кулакъ. Въ алтайск. словарь ¹⁾ слово кара-гула переведено: левъ. Мы думаемъ, что это не мышь, какъ надо подразумѣвать со словъ Киргизъ, не левъ, а что это былъ медвѣдь, и въ то же время громовникъ; связь имени съ медвѣдемъ утратилась, осталось одно воспоминавіе, что это звѣрь и притомъ самый сильный, сильнѣе даже медвѣдя. Въ сказкахъ, Кара-Кула живетъ у Алтайцевъ и до сихъ поръ и фигурируетъ обыкновенно на мѣстѣ нашего змѣя или монгольскаго мавгуса; переводъ львомъ надо объяснить такимъ образомъ: когда Алтайцы пришли въ первое столкновеніе съ людьми, знавшими хотя по имени льва, когда эти люди описали имъ льва, какъ звѣря болѣе сильнаго, чѣмъ медвѣдь, Алтайцы, справившись въ своей мнѳологической зоологіи, порѣшили, что это вѣроятно имъ разказываютъ о кара-гулѣ, хорошо имъ извѣстномъ изъ сказокъ. Подобнымъ же образомъ слѣдуетъ объяснить и якутское слово хахай, левъ. Бѣтлингъ въ своемъ якутскомъ словарѣ при этомъ словѣ дѣлаетъ примѣчаніе: гахай, монгольское свинья и въ тѣмъ ставитъ вопросительный знакъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно объяснить, чѣмъ руководствовались Якуты, заимствуя монгольское слово хахай для такого звѣря, какъ левъ; но это затрудненіе можетъ быть устранено предположеніемъ, что со словомъ хахай происходила та же исторія, что и съ кара-кулой. Хахай, вѣроятно, было именемъ медвѣдя и громовника, оставшееся потомъ только въ сказкахъ; что хахай былъ громовникъ, на это указываютъ восклицанія якутскаго шамана на мистеріяхъ: хахай! хахай! подобно тому, какъ алтайскіе шаманы начи-

духъ съ означенными свойстнами; ему и его семейству дѣлается коленье въ предупреденіе отъ невольныхъ болѣзней (Золотницкій, Корк. Чув. Словарь, стр. 27).

¹⁾ Грам. алт. языкъ, стр. 48.

ная свое камланье, призываютъ имя своего громовника: кайраканъ! кайраканъ! Потому слово это значенія медвѣдь лишилось, но сохранилось въ сказкахъ какъ имя сильнаго чудовища (конечно, это предположеніе должно быть подтверждено образцами, теперь живущими въ народѣ), и наконецъ при первыхъ разказахъ о львѣ было присвоено этому послѣднему. Между гахай-хахай съ одной стороны и дзехенъ-цаганъ съ другой было вѣроятно посредствующее каганъ-хаганъ, которое, подобно кайракану, сдѣлалось почетнымъ титуломъ у властителей Монголіи. Между именами звѣрей эту среднюю форму можно видѣть въ остяцкомъ коганъ для нѣкоторыхъ породъ лисицы ¹⁾).

Кромѣ этого пути обмѣна именъ медвѣдя съ другими животными, были, очевидно и другіе.

Обмѣнъ именами медвѣдя съ крупными хищниками, волкомъ или выдрой, допускается нашимъ умомъ легко; обмѣнъ съ крупными травоядными, каковы: лось, олень, быкъ, лошадь, ревъ которыхъ или мало, или совсѣмъ не уступаетъ медвѣжьему, тоже можетъ быть допущенъ. Но можно ли допустить, чтобы имена медвѣдя переходили на мелкихъ грызуновъ, только по той причинѣ, что дикарь обобщилъ все ревящее, воющее, пищащее? Конечно, тутъ была какая-то другая причина переноса; не имѣя возможности теперь же сказать — какая именно, мы замѣтимъ только, что нѣкоторые изъ этихъ переходовъ, какъ показываютъ приведенные ниже примѣры, находятся въ какой-то связи съ сказаніемъ о громовникѣ. Мы уже выше говорили о представленіи громовника въ видѣ змѣи Абырганъ, по имени которой и есть названныя горы (я знаю двѣ, обѣ въ южной Монголіи); въ то же время Абырганомъ Урянхайцы называютъ летягу, о которой и у Халхасцевъ и у Алтайцевъ есть повѣрье, что ее преслѣдуетъ громовникъ ²⁾). Джельбегень или Ельбегень есть семиглавый змѣй алтайскихъ сказокъ;

¹⁾ У Кастрена: kâgan, kâagan на языкѣ енисейскихъ Остяковъ, ymagcôgana на котовскомъ нарѣчій (*Oastren's Versuch ein. jenlase-ostjakisch und kottisch Sprachlehre*, 239).

²⁾ По алтайски тотъ же звѣрякъ называется бобырганъ (ганъ есть суевицскъ и при сравненіи можетъ быть отброшенъ), но иркутски бабыр, у Русскихъ въ Вост. Сибири бабрь, *Fellx pncia* (*Bühlingk, Jakut. Deutsch. Wörterb.*). Олч. по персидски lîbag, мышь, и habag, тигръ и левъ (*Pictet, Orig. indo-européenes*, II, p. 411—428 и 444). Въ славяно-литовскихъ языкахъ также замѣчается близость именъ медвѣди и мелкихъ звѣрьковъ, какъ напримѣръ, бѣлка: медвѣдь по польскійски (у *Pictet*, 428) *wewer*, бѣлка по литовски *wawaris*, по древне-слав. неверица.

это, конечно—змѣй-громовникъ; имя его напоминаетъ качинское албагай, соболь, а если совсемъ отбросить окончаніе гепъ—монгольское ольби, летяга, о которой существуетъ у Монголовъ повѣрье, что небо преслѣдуетъ его своими стрѣлами.

Въ нашихъ русскихъ повѣрьяхъ ангелъ преслѣдуетъ громовой стрѣлой чорта, который прячется подъ траву; но по другимъ сказаньямъ подъ траву прячется Христось, вѣроятно въ первоначальной редакціи хорсь (ср. у западныхъ славянъ Кръть ¹⁾); хорсь же былъ громовникъ. Финскій громовникъ Юмала, самоѣдскій Нумъ; по мордовски заяць—нумоло. Одно изъ именъ легендарнаго шамана, то-есть громовника у Алтайцевъ Ханъ-Хурмось, по монгольски бѣака херимъ или херин; Хурму степъ ханъ — монгольскій громовникъ; но бурятски летучая мышь хурмуше; Ерликъ или Ерлепъ-номонъ-ханъ, царь подземнаго міра, у Алтайцевъ представляется съ змѣей въ рукѣ вместо плети, слѣдовательно съ молніей; ерлепъ по алтайски, номонъ по монгольски значитъ крыса. Волгопче громовникъ у Черемисъ, мулгачъ—заяць по чувашски. Джанкъ — громовникъ у Алтайцевъ; джанкъ, у Алтайцевъ заяць, снабженный яламою (онгонъ) ²⁾.

Параллельно съ этими приѣбрами превращенія гонителей въ гонимыхъ, свѣтлыхъ божествъ въ темныхъ могъ совершиться и обмѣнъ въ имени тэнгри; этимъ именемъ могъ называться и громовникъ и преслѣдуемый имъ звѣрекъ, тэнгаръ (по остаткамъ мышь).

Изъ другихъ именъ громовника упомянемъ еще Уланъ, Сартактай, Чингисъ, Гесеръ, Кадыръ, Абысь, Піамбаръ.

На монгольской почвѣ мы встрѣчаемъ архамческое слово люнгъ ³⁾; оно встрѣчается въ именахъ легендарныхъ героевъ и въ именахъ урочищъ; такъ напримѣръ, въ сѣверо-восточной Монголіи въ Хангаѣ есть священная гора Ташилюнь (Ташилюнгъ?); у южной подошвы Тянь Шапя въ вос. отъ города Хами, на картѣ г. Рафаилова назна-

¹⁾ Кротъ, по монг. помонъ, по монгольскому повѣрью преслѣдуется молніей, пакъ и летяга.

²⁾ Громовникъ у Камчадаловъ называется Плавчучъ (у Стеллера Впаякан); см. Крашенинниковъ, Опис. Камч. II, 73 и 76; заяць (*Lepus variabilis*) по камчадалски biltschntsch (*Pall., Zoogt. I, 146*). Ср. также русскую загадку о громѣ и молніи: Туръ ходитъ по горвиъ, а турица (мышь) по поравъ; туръ свиспеть, а турица мпгнетъ (вапис. г. Каминимъ на Аргукп: *Вѣстн. Им. Р. Геогр. Общ. 1856 г., № 10*).

³⁾ Напримѣръ Люнгъ-Шидургу, Люнгъ-Хумъ.

чено селеніе Ташилюкъ (Ташилюнгъ съ выпадшемъ носоваго н?)¹⁾; въ Алтай въ долину р. Чуи есть р. Таджилу. Къ этой послѣдней относится легенда въ родѣ нѣмецкой объ Egi-könig'ъ; отецъ везетъ свою дочь съ цѣлюю отдать въ замужество, но дитя умираетъ у него на рукахъ. Женухъ былъ таджи то-есть, князь, который жилъ на р. Таджилу; Алтайцы говорятъ, что эта рѣчка потому такъ и называется, что она принадлежала князю; то-есть, они принимаютъ, что названіе таджилу составлено изъ двухъ членовъ: таджи и лу, гдѣ лу есть притяжательная татарская частица лу. Но существованіе монгольскихъ Ташилюнговъ заставляетъ усомниться въ вѣрности подобнаго объясненія. Сказаніе о Таджилу кончается заявленіемъ, что вотъ по причинѣ кончины невѣсты здѣсь и не водятся съ тѣхъ поръ мѣи; эта неясная добавка намекаетъ однако, что подъ лу скорѣе слѣдуетъ разумѣть монгольское лу, драконъ, болѣе полную форму имени котораго мы имѣемъ въ составныхъ монгольскихъ словахъ: лунъ-сумниъ, громовая стрѣла, лунъ-ханъ, царь драконовъ. Въ числѣ легендарныхъ именъ встрѣчается Люнгъ-Шндурху²⁾, противникъ Чингисъ хана, личность, обладающая способностью превращаться и тѣмъ напоминающая японскаго змѣя; Лунгъ-хумъ предокъ народа Таджилутовъ; въ примѣчаніяхъ къ своему отчету о путешествіи въ Монголію въ 1876—1877 году мы сдѣлали догадку о тождествѣ послѣдняго лица съ сохранившимся у хотагайтцевъ именемъ ихъ предка Уланъ-хунъ-таджи; въ вышнюю повѣдку нами добыты еще нѣкоторыя подтвержденія этой догадки, но здѣсь не мѣсто излагать эти факты. Если наша догадка будетъ одобрена ориенталистами, то слово уланъ, такъ часто встрѣчающееся въ названіяхъ монгольскихъ урочищъ не всегда придется переводить словомъ красный; во многихъ случаяхъ вѣроятно придется видѣть въ немъ неизменное лунъ или лу, драконъ, родственное турецкому иланъ, змѣя³⁾. Къ числу урочищъ, въ имени

¹⁾ Кроме того, есть географическія мѣна: Тунураюнгъ въ долину р. Къ (см. Очерки сѣверо-зап. Монг., II, 44, 93); неизвѣстная рѣка Херулюнгъ (Херулюнгъ?). На подобное же диалектическое измѣненіе указываетъ невидимому двойственность произношенія слова: юзерлюнгъ и юзеранингъ (первонач. юзерлюнгъ?) растеніе *Regalium Naghala* на языкѣ Крымскихъ татаръ; сарланъ на языкѣ хотагоновъ и сарланъ по монгольски (первонач. сарлангъ?) тибетскій быкъ, *Bos grunniens*, (Динникотъ, Вот. сл., 244; Очер. сѣв. Монг., II, 142).

²⁾ О Шндурху смотри ниже.

³⁾ Ср. языкъ драконъ изъ татарскихъ преданій Казанск. губер., Зилуакъ нашихъ сказокъ. Въ алтайскихъ сказкахъ темнымъ змѣемъ иногда называются

которыхъ находится это слово, принадлежить Уланъ-гомъ, на которомъ стоитъ монастырь хошуа дурбютскаго Вана. Мы записали на мѣстѣ преданіе, что тамъ, гдѣ стоитъ теперь монастырь, некогда жилъ Лунъ-ханъ то-есть, царь драконовъ; это обстоятельство отчасти оправдываетъ наше предположеніе, что подъ именемъ уланъ иногда слѣдуетъ разумѣть лунъ или яланъ, то-есть, змѣя ¹⁾). Такимъ образомъ Уланъ гомъ и Лингъ-хумъ ²⁾ могутъ быть признаны тождественными

именъ Катунъ-джула, Кара-нула. Ср. змѣя, по тунгусски куликъ (*Castrén, Grundz. ein. Tungus. Sprachlehre, s. 110*), на языкѣ Коибалонъ: джилнъ, чяленъ; сойотовъ: челанъ; карагасовъ, чуланъ (*Castrén's Versuch ein Koibal. und. Karagaev. Sprachlehre, 156*). Впрочемъ это же слово, а не именъ, какъ слѣдуетъ изъ принятаго смысла, нужно видѣть въ названіи одного хотогойтскаго поколѣнія Чилунъ (чило по монгольски камень), а также это же слово чуланъ змѣя можетъ быть подошло по недоразумѣнію изъ сибирякъ, что урянхайскій народъ происходитъ отъ камня: такое повѣріе мы слышали отъ Монголовъ. Подъ именемъ «чигуля» древніе славяніи вѣроятно разумѣли змѣя громовника, котораго, какъ увидимъ ниже, племена сѣверной Авіи принимали за творца вселенной и родоначальника человечества.

-) Приблизительно изъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ находится Уланъ-гомъ, китайскія летописи упоминаютъ городъ Иланъджеу, змѣиный городъ. Изъ условій, благопріятныхъ для жизни и хлѣбопашества, дающихъ Улангому первое мѣсто въ ряду плодородныхъ оазисовъ сѣверо-западной Монголіи, и преданіе о Лунъ-ханѣ, вѣнчанъ и указаніе мѣстности близъ Улангома, гдѣ были въ древности станища накого то Вошонту хана, говорятъ за то, что лѣтописный Иланъджеу надо искать въ Улангомѣ.

²⁾ Ориенталисты не слѣдъ за Рашадъ Эддиномъ изъ словъ хумъ видятъ китайское слово гомъ, князь. Хумъ встрѣчается въ титулѣ джунгарскихъ хановъ, Хунъ-Тайджи (ср. Уланъ-хунъ-тайджи, предокъ Хотогойтцевъ); въ объясненіе этого титула рассказывали, что предокъ этой династіи былъ вынормленъ лебеденъ (хонг или хунг по монгольски). У остяковъ и самодковъ слово ханъ, царь, господинъ встрѣчается въ формахъ хон, нан, конг, гонг, гунг, кунг и даже гок, пон, гун (*Castr., Wörterverz. aus d. Samoied. Spr., 235, 239; Verh. ein. Ostjak. Spr., 114*). Эти недозвѣненіи могутъ быть истолкованы такъ: слово хонг, гонг, гунг изъ первообытнаго языка народовъ сѣверной Азіи означало громовника и вѣнчанъ перешло къ обозначенію старѣйшины, князя, и другихъ высшихъ степеней родопитости. Ср. хог идола у большихъ земельныхъ Самодковъ, *Этногр. Сбор. IV; 57; у Шренка ha, haj; Reise, II, 272*. Громъ по самодскимъ у Кастрена *has, hang, kajuang, khäng; l. c., 212; у Шренка: hajgbo, гдѣ haj—дѣлаетъ привычаніе Шренка—напоминаетъ идола; идиин hajeuu, буквально огонь идола (Reise, II, 281); Евисейскіе Остяки, кромѣ высшего божества Ев, почитаютъ еще двухъ сильныхъ боговъ: Кой или медвѣдя и Внигусъ, подземное божество; Кастренъ думаетъ, что подъ послѣднимъ подразумѣвается нимонъ; Кой мужское начало, Внигусъ женское; см. *Castr. Finn Mythol., 228*. Медвѣдь у Евисейскихъ Ос-*

формами; осмѣлеваемся высказать догадку, что это было одно изъ именъ громовника. Рядомъ съ нимъ можно поставить еще третье монгольское слово—лунъ-сумынь, громовая стрѣла (то-есть стрѣла каменнаго вѣка), слово, которое собственно отличается только переходомъ во второмъ членѣ звука *x*-ъ въ *c* и приставкой *кь* пему другаго окончанія ¹⁾). Не слѣдуетъ ли допустить, что лунъ-сумынь первоначально означало вообще грозу или громовника, и только впоследствии значеніе его ограничено одной громоной стрѣлой ²⁾? Не сов-

тановъ называется *kol, kol*; см. *Castr., Vogl. v. episs. ostj. Spr., 233*. Все это, по видимому, верси одного в того же рѣченія *hamg* или *khling*, обозначавшаго первоначально медвѣди-громовника, и вѣтъкъ оно перешло къ обозначенію идоловъ или огигоновъ и некоторыхъ другихъ животныхъ, кромѣ медвѣди; такъ тобольск-татарское амг олень, одѣлавшаяся у другихъ татаръ родовымъ: амг вообще животное, означало вѣронтво медвѣди; рѣаній крикъ лебеди вставилъ и на него перемести втотъ корень: *комг, хумг* лебедь монгольск.; *чимг, темг, цемг id*, остояное (которое съ выпаденіемъ носоваго и переходитъ въ *тег*, лебедь). Съ выпаденіемъ носоваго и лвъ еоримъ *комг, гунг* и проч. получена еорна *хан, хон, гун, кун*; отсюда *кунь* въ татарскомъ выраженіи *кунь-нувгреды*, громъ гремитъ (см. *Будайовъ* Сл. татар. нар. II, ар. 164); монгольское *гунъ, кивъ*; съ выпаденіемъ носоваго и получена еоримъ: *гон, гун* и др., которыми въ татар. языкахъ употреблены для обозначенія неба, а потомъ и голубаго цвѣта. Въ Монголіи некоторые амскіи горы называются *Ханъ-Хухей, Алтын-Кукай*; мы думаемъ, что модъ втннъ именанъ скрывается вѣчто болѣе важное, чѣмъ *куушша*, какъ это слѣдуетъ изъ приного смысла втораго члена. Замѣчательно, что для обозначенія крика *куушши* у алтайцевъ и Чуванъ употребляются гласны того же корня *вт, адать*, которыми обозначается небесный громъ; по чувашски громъ гремитъ: *аслади адать, куушша кууесть кун авдаты*; по алтайски громъ гремитъ: *тэнгри втыб jat, куушши кууесть: нуук втыб jat*.

¹⁾ По буритски стрѣла *хуно* или *гоно*. Ленточки, навѣшиваемыя на деревья, *Кувнеція* *Телвуты* называютъ *сомо*; это можетъ служить подтвержденіемъ, что модъ *сомо, хумо, хумъ* и т. д. разумѣлся вѣтъкъ.

²⁾ *Кунъ* также находитъ повсюду такой обивъ, только въ обратной послѣдовательности; именно онъ говоритъ, что *Kutva* есть олицетвореніе *donnerkeil*'н, в ранѣ самый *donnerkeil* (*Негабк., 60*). Что громовыя стрѣлы ставилась въ связь съ громовникомъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ повѣрья о нихъ, какъ *руо-ошія, тавъ* и *аватскіи*. У насъ въ деревняхъ громоныя стрѣлки лѣтомъ зрываютъ напашинъ, чтобы дождь былъ; во время грозы стрѣлку слушаютъ въ ведро съ водой въ уваривости, что въ домъ, гдѣ стоитъ такое ведро, не ударитъ молніа. Вѣронтво это повѣрье было поводомъ къ тому, чтобъ приписать сверх-естественную силу камню *исериту* или *аденту*. Самое названіе этого камня напоминаетъ *кнеческій камень джада* или *дзада*, который такъ старательно разыскиваютъ Монголы и Урамхайцы, и которому приписывается свойство производить дождь. Въ Россіи существуетъ повѣрье, что змѣи *медлици* (или *медянки*) цѣлый годъ

сѣмъ то же, но въ томъ же родѣ ограпиченіе смысла можно видѣти въ словѣ качинскихъ Татаръ тор, что означаетъ молнію; слово это вѣроятно сокращено изъ тенгри или тангара, небо, какъ принимается всѣми за подобное же сокращеніе того же слова остяцкое торумъ, небо, чувашское тора, небо. Третій случай такого же сокращенія значенія представляется въ монгольскомъ словѣ тэнгринъ-ху, грибъ; буквально тэнгринъ-ху значитъ сынъ неба; навязывается вопросъ, съ какой стати такое названіе дано неважному растенію? Мы объясняемъ себѣ это обстоятельство такимъ образомъ: тэнгринъ-ху было имя медвѣдя громовника ¹⁾; это была версія слова тэнгри-ханъ; дикарь подумѣлъ, что грибы обильно выходятъ послѣ грозы и далъ обонямъ явленіямъ одно имя. Тутъ помогало обобщенію можетъ быть и отдаленное сходство гриба съ очертаніемъ стрѣлы ²⁾.

Въ Алтаѣ часто встрѣчаются рѣчки подъ названіемъ Ханръ-Кумынъ; такъ какъ это горныя рѣчки, текуція изъ бѣлковъ, то происхожденіе ихъ имени весьма естественно искать между именами громовника. Мы уже въ словѣ Джанкъ имѣемъ примѣръ обобщенія громовника съ горнымъ потокомъ или наводненіемъ. Первый членъ приведеннаго имени: ханръ, совершенно тотъ же, что въ монгольскомъ словѣ ханр-ханъ, гора-громовникъ, члену ханъ соответствуетъ кумынъ ³⁾; это внушаетъ мысль, что ханръ-кумынъ было такимъ же

бываетъ сѣмъ и только на Ивановъ день получаетъ зрѣніе и тогда, бросаясь на человѣка, пробиваетъ саю жертву на сивовъ точно стрѣлою. Трава недмица зарождается отъ гнѣвнѣ гадовъ; растеть сѣмною, арніе получаетъ въ Ивановъ день и тогда увидитъ человѣка, бросается на человека и пробиваетъ его на сивовъ. Заговоръ отъ рогница: «на морѣ на оліяѣ стоитъ мѣдный столбъ отъ земли до неба и въ томъ столбѣ вкладваа мѣднѣя мѣднѣца отъ боляпей и хворостей». (Др. Повт. Возр. II, 527). Тарбагатайснѣ Торгоуты, въ случаѣ боляви вымани у коровъ, летать привисая къ нему лунъ-сунныонъ, то-есть, найденныи въ стени мѣдныи наномечниномъ стрѣлы (бронзоваго періода). Повѣрья о змѣяхъ у монголовъ тавжо всты: онѣ живутъ въ землѣ и когда на нихъ упадетъ тѣнь, напримѣръ, отъ каравана, бросаются съ такою силой, что пробиваютъ верблюда съ ньюкомъ на сивовъ.

¹⁾ Отпущъ же только мы объясняемъ появленіе Тэнгринъ-ху въ качествѣ лучшаго имени одного изъ монгольскихъ богатырей.

²⁾ На идвннѣю сивъ грибовъ съ громовникомъ унавиваетъ слышанное нами въ Монголіи коварье о грибѣ-дождевикѣ, (который по монгольски называется Тэнгринъ-дуле), что если черныи порошокъ его помадетъ въ глаза человеку, то онъ ослѣпнетъ, а автъ ослѣвленія часто участвуетъ въ повѣрьяхъ и сказаніяхъ о громовникѣ.

³⁾ Другіе рѣчки кончаются на гомъ (Джингегомъ, Арыгомъ, Шаргыгомъ;

именемъ громовника, какъ и ханрханъ и лунъ-сунинъ. Въ виду такого соображенія мы назвали одного изъ притоновъ озера Убса именно Наринъ-сунинъ предпочитаясь воставить рядомъ съ алтайскими ханръ-кунинами, вмѣсто того, чтобы переводить „тонкая стрѣла“, какъ это слѣдуетъ изъ праваго смысла; принимая, что сунинъ соответствуетъ кунину, въ словѣ нар слѣдуетъ видѣть еще одно изъ именъ громовника; что имя этого корня придавалось ему, подтвержденіе тому мы видимъ въ одномъ монгольскомъ сказаніи о Нарбанджинѣ, гдѣ послѣдній ударомъ по столу производятъ пламя. Приведемъ еще случай, который говоритъ въ пользу соотношеній словъ ханръ-кунинъ и лунъ-сунинъ. Растеніе *Synopogon coccineus* носитъ на киргизскомъ языкѣ имена: ханръ или сунъ-гуя; можно думать, что эти два имени прежде были соединены и составляли нарное имя ханръ-сунъ; такое имя растеніе могло волучить за свой странный местообразный видъ, способный вызвать представленіе о громовой стрѣлѣ.

Чтобы исчерпать содержаніе формы „лунгъ“, приведемъ еще изъ остяцкаго языка названіе мыши, лангеръ или тенгеръ; въ этомъ языкѣ есть звукъ средній между *л* и *т*, для котораго въ словарѣ Кастрена изобрѣтена особая буква; поэтому въ запискахъ путешественниковъ для одного паръчма для мыши дается названіе тенгер или тенгар, для другого лангер. ¹⁾ Не относится ли лунгъ къ лангеръ и остяцкое тонг, бѣлка, къ тенгаръ, такъ же, какъ татарское каяк (откуда канкх-дадыш) къ корню кангра, алтайское шанг, колоколъ, къ корню шангра? Не было ли лангеръ также именемъ громовника, какъ тенгиръ или тенгри ²⁾. Имяишній князь Ельджигеновъ называется Лу-гунъ, то-есть, князь драконъ; но Рашидъ Эддибу, предокъ тѣхъ-же Ельджигеновъ назывался Мисеръ-улюкъ ³⁾. Въ этомъ „улюкъ“ какъ будто скрывается лунгъ—или улунгъ, язвиѣнное потерѣю носоваго *н* въ родѣ того,

замѣчательно, что послѣднее названіе прилагается въ рядѣ въ системѣ Шинкига то-есть, въ странѣ очень удаленной на востокъ отъ Алтая) или на гонъ и немъ. (Өлегемъ, Армыкъ, Улегемъ). Улегемъ у г. Бунге, путешествовавшего по Алтаю, названъ Улегунепомъ, хотя по арена проѣзда по Алтаю нели увѣрять приващили, что эта рѣка никогда такимъ образомъ не называлась, но въ виду существованія формы кунинъ было бы неспѣшно отвергать возможность подобнаго наименованія.

¹⁾ Срани. названіе большаго озера Улюагуръ въ Джунгаріи.

²⁾ Ср. якут. лыныыр, аловъ.

³⁾ Зап. Им. Археол. Общ. т. XIV, стр. 153—156.

какъ шилюгунъ, по халхаски рысь, въ бурятскомъ превращается въ чулугунъ, рысь; если вто такъ, то Лу-гунъ есть ничто иное, какъ нынѣшнее произношеніе Рашидъ-Эдиповскаго Лнягъ-хума.

Существованіе двухъ формъ для адскаго божества: Ерликъ-ханъ и Ерленъ-ханъ также намекаетъ на то, что существовала первоначальная, болѣе полная форма: ер-ленгъ, или ер-лигъ¹⁾. Слѣдуетъ замѣтить, что Ерликъ алтайцами представляется со змѣей въ рукѣ вмѣсто плети, слѣдовательно принадлежитъ къ громовникамъ.

О громовникѣ Сартактаѣ можемъ сообщить немного. Что это былъ громовникъ, видно изъ разказовъ о томъ, что онъ прорывалъ каналы, раздѣлявалъ пути, мостилъ мосты; подобно нашему громовнику Ильѣ Муромцу, онъ также оставилъ слѣдъ своего сидѣнья, только не на нечи, а на скалѣ (близъ р. Катуня); Алтайцы указываютъ также на камень, который онъ употреблялъ для бросанья въ дичь. Камень этотъ называется кудурго-ташь, будто бы отъ слова кудар, поднимать; Алтайцы пробуютъ на немъ свою силу, стараются поднять его; по имя это напоминаетъ также названіе громовника, по черемисски кудурчо, по вотяцки кутурья или гудури. Сказанія о Сартактаѣ распространены только въ странѣ между Катунью, оз. Убса, городомъ Кобдо и оз. Зайсаномъ; въ восточной части Монголіи его не знаютъ, но вдѣсь въ окрестностяхъ Косогола и у Бурятъ появляется имя сардыкъ, для обозначенія высокихъ горъ (бѣлковъ и голь-

¹⁾ Буряты въ своихъ сказаніяхъ даютъ ему имя Ерленъ-Номонъ-ханъ. Мы уже приводили выше, что номонъ по монгольски крыса и кротъ, ерленъ по алтайски крыса; съ тѣмъ же значеніемъ слова: тат. брлив, гор. Черемисъ Арланга, лугов. Черем. орланге; по чувашски арлан, кротъ (*Золотницкій, Корм. чув. слов., стр. 6*). Кротъ также связываетъ ерлана съ идеею о громовникѣ потому, что о кротѣ есть монгольское повѣрье, что его преслѣдуетъ молнія. Ерленъ-Номонъ-ханъ было вѣроятно именемъ громовника, которое потомъ перешло съ гонителя на предметъ гоненія. Монгольское имя крота сохоръ-номонъ, бурятское моно-сохоръ также можно принять за имя громовника; сохоръ, совуръ могло образоваться отъ ворня хонгро. Полная форма: хонгоръ или совхоръ присвоена Монголами соволу, по иргизски сумнаръ; ср. хонгире монгол. воронъ, и названіе одного изъ предковъ монг. народа по хивж. сказаніямъ Бай Саякуръ (въ Юань-чао-миши Во Саякуръ); изъ этой формы черезъ опускъ носоваго н могло образоваться сохоръ, что теперь по монгольски значитъ слѣпой. Путь, которымъ это слово пришло къ такому значенію, былъ вѣроятно такой: сначала этимъ именемъ назывался громовникъ, потомъ сохоръ или номонъ-сохоръ перешло на гонимаго вѣрна, потомъ, такъ какъ слѣпота есть особенность вѣрна, форма сохоръ стала означать вообще слѣпаго или криваго. Примѣромъ тому, что слѣпота соединилась съ идеей о громовникѣ, можно было бы привести довольно.

цевъ); слѣдовательно оно значитъ то же, что ханрханъ въ западной Халхѣ. Между звѣрями вто имя прилагается къ сѣноставкѣ, живущей на высокихъ горахъ вблизи сѣвннѣи линіи (по монгольски шарьтехе). Опреѣленіе выступаетъ громовникъ подѣ этимъ именемъ у Якутовъ; объ нихъ прямо говорится, что они громовнику даютъ имя Сурдахъ-сюгэ-тоенъ; обыкновенно вто имя переводится: сурдахъ—алой, сюгэ—топоръ, тоепъ—господиъ. Вѣриѣ, по нашему мѣнню, видѣтъ въ сурдахъ особое произношеніе имени Сартактаѣ или Сартакъ, въ сюгэ—слово одного корня съ дзегенъ, сіяганъ, то-есть, росомаха (ср. сакенъ громъ, по вогульски) и, наконецъ, тоенъ естѣ то же, что таянъ, дзаянъ и т. п., о которомъ сказано выше; значеніе же „алой“, которое придается слову сурдахъ, показываетъ, что вто имя придавалось дикому звѣрю, съ которымъ сѣшивалась личность громовника.

Въ восточной части Монголіи, гдѣ исчезаютъ сказанія о Сартактаѣ, его мѣсто занимаетъ Чингисъ-ханъ; во многихъ мѣстахъ показываютъ здѣсь слѣды его дѣятельности: ему приписывается проложеніе дорогъ черезъ хребты и т. д. Указываютъ на его котель, на вершину его юрты и т. под. Это хожденіе по горахъ, а также приписываніе ему изобрѣтенія вина и сказанія о томъ, что онъ былъ кузнецъ, указываютъ на его громовнической характеръ ¹⁾. Замѣчательно, что сказанія о кузнечномъ искусствѣ, въ связи съ представленіями о громовникѣ, начинаютъ встрѣчаться только въ восточной Монголіи; въ западной Монголіи, гдѣ имя Чингиса менѣе извѣстно, и въ сказаніяхъ замѣняется другими (Сартактаѣ, Одунъ-бодунъ), мнѣ по крайней мѣрѣ не удалось записать ничего подобнаго. Молотокъ вмѣсто меча въ рукахъ богатыря, встрѣчающійся иногда въ монгольскихъ сказаніяхъ, не встрѣчается въ алтайскихъ. Въ восточной же Монголіи указываютъ скалу, бывшую наковальной Чингиса. Бураты

¹⁾ Чингисъ-ханъ по Саманъ-Овцану (*Schmitt*, *Gench.*, 103) умеръ насильственной смертью, но какой, не сказано; Илано-Карини говоритъ, что онъ убитъ молніей, а Мирно Поло, что онъ умеръ отъ стрѣлы, которая попала ему въ колѣно (368). У Саманъ-Свѣна, напротивъ Хасаръ, убиваетъ, попавъ стрѣлой въ колѣно, старуку, которая при осадѣ тибетскаго города насыпала на войско Чингисъ-хана болѣзнь. Не находится ли эти разказы о ранѣ стрѣлою въ колѣно въ связи съ немецкой хромотой громовника? Громовыи стрѣлы Киргизы употребляютъ для налеченія болѣзни домашнихъ животныхъ, которая кончается хромотой задней ноги. (Очерки сѣверо-в. Монг., II, 92). Ср. разказы о болѣзни ногъ у Хонкиратовъ, Ирхитовъ. Ермаи Алтайцы предетавляютъ хромиъ.

имѣютъ сказанія о началѣ кузнечнаго дѣла и о первомъ кузнецѣ; кузнецы бурятскіе имѣютъ особыхъ фетишей, у бурятскихъ шамановъ въ числѣ привѣсокъ къ орудіямъ камлання встрѣчаются желѣзные изображенія паковальни и молотка. Что касается до имени Чингисъ, его можно видѣть, отбросивъ окончаніе *ис*, въ названіи лебедя: по остяцки: чени, цени, чипи, чениа, по самоѣдски *janquia* ¹⁾, у Монголовъ и Бурятъ хони, хупи ²⁾. Въ виду того, что было нами сказано выше по поводу остяцкихъ формъ хони, хуни, царь, самоѣдскихъ хани, кени, громъ, навзывается вопросъ: навванія лебедя хопи, хуни, чипи, цени: не суть ли терминны громовника, перешедшіе на птицу за ея рѣзкій крикъ ³⁾? Къ тому же корню можно подвести татарское ани, вообще животное; что оно было когда-то видовое, указываетъ, какъ мы говорили, существованіе тобольско-татарскаго ани, олень.

Слово ани является, какъ окончаніе многихъ татарскихъ именъ еврей: арслан, левъ, по татарски, лисица, по мещеряцки, шишкан—мышь по татарски; въ болѣе удлиненной формѣ: орланге, кротъ по чувашски; солонго—колонокъ по монгольски, шилюнгунъ—рысь по монгольски, ундогупъ—лисица по монгольски. Эта удлиненная форма напоминаетъ остяцкое: анги, мать (ср. татар. анеке, мать). Тутъ возникаетъ вопросъ: имена ли громовника и медвѣдя произошли отъ анги мать, или мать получила почетное имя медвѣдя-громовника изъ почтенія ⁴⁾?

Названіе Абысь встрѣчается въ сказаніи о Тостогошѣ; ханъ пожаловалъ ему имя Абысь-ханъ послѣ того, какъ онъ невредимо вылетѣлъ изъ огня. Въ словарѣ алтайскаго языка, приложенномъ къ Алтайской грамматикѣ (Казань, 1869), абысь переведено: священникъ; дальнѣйшихъ объясненій не сдѣлано. Слово это мы встрѣчаемъ и у Татаръ мусульманъ Европейской Россіи, гдѣ оно придается духов-

¹⁾ *Castr.*, Wörterverz. aus d. Samojed. Spr., 277.

²⁾ *Castr.*, Vors. ein. ostj. Sprachlehre 253, 120; Vors. ein. burjat. Sprachl., 213.

³⁾ Въ татарскихъ нарѣчіяхъ монгольское хуни приняло форму ку, что можетъ служить подтвержденіемъ нашего мнѣнія о именахъ Тенгри-ханъ и Тенгри-ху, какъ о мерсіяхъ. См. выше, стр. 155.

⁴⁾ Ииса Чингизанъ, рѣчка, впадающая въ Ирхутъ, Чингизангъ—поколѣніе у Талеутовъ, Динангызанъ поколѣніе у Киргизъ показываютъ, что мерсія анг приставлялась имѣсто ханъ къ имени Чингисъ. Что касается до самаго имени, не есть ли оно только видоизмѣненіе слова Тенгисъ, которое, какъ и венгерское *tenget*, имѣетъ значеніе море, но прежде вѣроятно означало громовника?

нымъ лицамъ, какъ почетное имя. Несомнѣнно, что это слово абригенъ южной Сибири и, вѣроятно, означаетъ то же самое, что и у тувинскихъ Вурятъ слово абтай, то-есть, первостепеннаго, искуссѣйшаго, истиннаго шамана, а прежде вѣроятно означало громовника ¹⁾). Одинъ Алтаецъ выразился въ разговорѣ со мной, что Абысь—это небо; слѣдовательно значеніе громовника подъ этимъ словомъ еще и теперь чувствуется жителями Алтая. Это же слово, нѣсколько замѣненное пронаошеніемъ у Алтайцевъ, вляется въ соединеніи съ именемъ громовника; высшее божество у нихъ называется Ульгенъ Кайраканъ Эбошь ²⁾). На муръ и священниковъ это имя перешло потому, что въ немъ заключалось понятіе о чемъ-то высшемъ сравнительно съ обыкновенными шаманами, которыхъ сказанія стараются передъ шаманомъ-громовникомъ выставить обманщиками, ложными шаманами. Что касается до бурятскаго абтай, то и оно повидному придавалось громовнику; есть монгольское сказаніе о Абтай-ханѣ, добывающемъ живаго бога, подъ которымъ нужно равумѣть огонь ³⁾).

Гесеръ-ханъ есть герой одного обширнаго монгольскаго эпическаго сказанія, которое имѣется въ нѣмецкомъ переводѣ, сдѣланномъ Шиндтомъ. Въ Монголіи это имя довольно извѣстно; замѣчательно, что при разспросахъ о немъ, Монголы называютъ его божествомъ китайскимъ ⁴⁾). Начало этихъ представленій нужно кажется искать у Урнхайцевъ, Алтайцевъ и Теленгитовъ. Урнхайцы на Хуахемѣ знаютъ нѣкоего Чингисъ-Базэръ-Кайракана; ему приписывается сотвореніе всей природы послѣ всеобщаго потопа; упоминаютъ эти имена и от-

¹⁾ Аптохъ по якутски шаманъ; абасы — злой духъ; абасы-цусунъ — идолъ. *Böhtlingk, Jacut. Wörterbuch*, 6. Въ Монголіи я замечалъ монгаре объ абтахеринъ; лѣтомъ абтахеринъ бываетъ птицей, виной превращается въ мышь и живетъ въ нодѣ.

²⁾ *Radloff, Erman's Archiv*, В. XXI, t. I, 2, p. 190.

³⁾ Сравни. 1) мордавск. оета, медвѣдь; самоѣдское habide, hajbido, hajwede, медвѣдь (*Al. Schrenk, Reise in Nordoosten d. Russlands* t. II, с. 286); 2) Обидо азъ словъ о молку Игоревѣ; 3) абада—баба-ага по чувашска; 4) Онтман мустымъ построена на мѣстѣ, гдѣ жилъ разбойникъ Онта (Памятникъ кн. Казум. губ. на 1881 г., 287). Корень об—аб изъ именъ медвѣда очень распространено: чуваш. оба, алт. аба, урх. на р. Хунъ: убукъ (сравни. убукуъ, монгольск. старикъ); вогульск. аби, оаре, облюа, (*Pall., Zoog.* I, 65); самоѣд. аны (Полян. litt), пачи, тат. аво (*Pall. Zoog.* I, 64), тунгус. ороѣ. Ср. Асы, громовникъ у Абхазцевъ; см. выше.

⁴⁾ Какъ означать видѣть «китайскій» въ монгольскихъ сказаніяхъ, и скажу въ статьѣ о Семивѣдцѣхъ.

дѣльно одно отъ другого; на вопросъ, кто изобрѣлъ водку, въ одномъ мѣстѣ мнѣ отвѣтили: Кэзэръ-ханъ; это показываетъ, что Кэзэръ-ханъ есть лицо тожественное съ Чингисъ-ханомъ, которому изобрѣтеніе вина приписываютъ Монголы, да и сами Урянхайцы выражаются, что всѣ эти три лица есть одно и то же. Далѣе разказывается о спорѣ или состязаніи въ силѣ у трехъ кайракановъ—Кэзэръ-хана, Чингисъ-хана и Амурсаны; сильнѣе всѣхъ оказывается Кэзэръ-кайраканъ. У Теленгитовъ является Газыръ-гамъ, подъ которымъ вѣроятно скрывается тотъ же Кэзэръ-ханъ; Газыръ-гамъ современникъ Тостогоша, онъ вмѣстѣ съ нимъ вылетѣлъ изъ огня невредимо; вѣтѣмъ ему приписывается борьба съ Ерликкомъ, при чемъ онъ отрубаетъ лапу у Ерликовой собаки. Въ другомъ алтайскомъ сказаніи Кэзэръ является богатыремъ, а не шаманомъ; онъ вступаетъ въ борьбу въ Сартаклаемъ (Сартактаемъ?); Сартаклай прострѣлилъ Кэзэру грудь насквозь, но Кэзэръ не замѣтилъ этого, и обливаясь кровью, проѣхалъ мимо. Въ другихъ сказаніяхъ имя Кэзэръ придается самому Сартактаю; такъ у Радлова ¹⁾, этотъ богатырь названъ Сартактай Кэзэръ; у Теленгитовъ слово кэзэръ стало нарицательнымъ и означаетъ просто богатыря. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось собрать у Теленгитовъ и Урянхайцевъ болѣе подробныхъ разказовъ объ этой мнѣмической личности, способныхъ освѣтить темное сказаніе о Чингисъ-ханѣ, въ особенности то его мѣсто, гдѣ выступаетъ на сцену братъ его Хасаръ.

Дорджи Банзаровъ въ одной изъ своихъ статей приводитъ имя нѣкогда жившаго въ Монголіи знаменитаго шамана, Чингисъ-Хаджира-Тэнгрипъ-ху, то-есть, сына неба; Банзаровъ по видимому не принялъ этого шамана за тожественное лицо съ Чингисханомъ, да ему и трудно было слить ихъ: одинъ былъ въ глазахъ его шаманъ, другой—ханъ. Мы смотримъ на это сказаніе иначе; въ книжномъ сказаніи о Чингисъ-ханѣ мы видимъ двухъ Чингисъ-хановъ: историческій Чингисъ-ханъ завоеватель выступаетъ только въ концѣ сказанія, въ началѣ же, въ эпизодахъ о Ванъ-ханѣ и Таннъ-ханѣ (подробности о чемъ оставляемъ достать и о Ванѣ), мы видимъ баснословную личность, и эти имена: Чингисъ-ханъ, Кэзэръ-кайраканъ, Чингисъ-Кэзэръ-кайраканъ, Чингисъ-Хаджиръ-бо ²⁾ Тэнгрипъ-ху, Газыръ-гамъ,

¹⁾ Роговъ, I, 188.

²⁾ У Дюрбютонъ есть повѣрье, что птица хаджиръ или тасъ живетъ на роднѣ Шиядшимуни (Шокшимуни) и оттуда видитъ, гдѣ лежитъ трупъ; манъ (въ это мѣсто имъ было далеко, она въ одинъ день долетаетъ до трупа, поднимаясь

по нашему мнѣнію, всё относится въ одной и той же, мнѣнческой личности, въ Громовнику.

Решидъ-Эддинъ также зналъ Гесеръ-хана; онъ говоритъ, что иначе онъ называется Гадеръ-ханъ, и что этимъ именемъ называется какое-то сильное дѣйствие ¹⁾....

У Киргизъ есть повѣрье о святомъ Кадырѣ или Казырѣ, что гдѣ онъ пройдетъ, тамъ окрестности покрываются свѣжею зеленью; ср. Хивръ, имя пророка Идін у мусульманъ ²⁾. Тутъ можно видѣть темные намеки на Громовника; по монгольски кабарга ³⁾, живущая на высокихъ горахъ, гдѣ ходятъ облака, называется хударн (пронносится иногда хударь, худыр) ⁴⁾; по татарски кабарожья и бобровая струя—

при этомъ модъ самое небо. Та же птица таеъ у Уралхайцевъ называется езеръ; у Карагасовъ модъ именемъ *esgü*, всегда известна цыганъ, *Reiher* (*Cast.*, *Vergleich. ein. Koib. und Karagass. Sprachlehre*, 154). У Осташовъ Нарынского края на Оби модъ именемъ наджаръ известна панонть; по Григорьевскому (въ рукописи) козаръ; панонть, по Кастрому козаг, козаг, козаг (Wörterverg. aus d. Vithojed. Sprache, 250; ср. мырть, по татарск. панонть въ старинномъ хронографѣ; *Помогъ*, I, стр. 261). Оба животныя по своимъ признакамъ могли быть обобщаемы съ громовникомъ.

¹⁾ Имя знаменитаго мнѣнческаго героя Гесеръ-хана Алареніе Вураты приписываютъ Гегеръ-ханъ, что напоминаетъ имена Гегеръ Меджитъ (см. Очерки сѣверо-ази. Монг., II, 154), Бияръ-мавиди, Вирамидитя. У Алтайцевъ также встрѣчается въ числѣ могущественныхъ духовъ Кыгыръ-ханъ; ему приносятъ жертвы. Все эти періади Кевар-хан, Кыгыр-ханъ, Кадыр-хан (см. выше) соотвѣтствуютъ приведеннымъ въ началѣ статьи наименованіямъ грозоваго явленія: кузурт, пугурт, пудурн.

²⁾ Въ началѣ статьи были упомянуты еходныя формы гудурн, нотацкая и кузурт алтайская, для обозначенія грозоваго явленія. Подобное же наименованіе наукомъ представляетъ имя растенія *Regalium Paganala*, которое по киргизски называется адр-аснав, по бухарски хавар-асбанд, хавар-мсиан, у Крымскихъ Татаръ юверникъ (*Дик.*, *Бот. Слов.*). Растенію это употребляется для одурѣнія или опьяненія; ср. *esir*, *esrim*, ньяный по татарски; Гесеръ-хану, имя мы упомянули выше, одно изъ вышеупомянутыхъ нами наименованій приписываетъ изобрѣтеніе пня. По повѣрью русскаго народа, если не это семя, то родственное ему растеніе (*Ruta graveolens*) также связывается съ Громовникомъ; на Дону еусварные поселяне вѣрятъ, что во время громы рута есть убежище дѣладе отъ грома, и что громъ бьетъ въ то мѣсто, гдѣ растетъ эта идолюкая трава (*Дикенск.*, *Бот. Слов.*, 307).

³⁾ Сахалинскіе Аймы по *Депредадовичу* (*Обори. ист.-статист. свѣд. о Сибири*, т. II, в. I, стр. 27) кабаргу считаютъ священнымъ животнымъ и обиде ей навлекаетъ пожаръ.

⁴⁾ Въ первоначальной исторіи Кавказскаго царства упоминается модъ 1359 г. пришедшій съ востока изъ Хивы Хедверъ-хивъ (священный ханъ Хидыр); см.

кавръ. Не на это ли вещество намекаетъ Рэшидъ-Эддинъ? Ср. вотическое слово гудурн, громъ, черемнское кудурчо—богъ-громовникъ. Можетъ быть, и монгольское легендарное имя Шидыръ-ванъ или Шидурку¹⁾ находится въ связи съ этими же наименованіями, такъ что названіе дикаго хмѣля (*Atragene alpina*), по монгольски чюдуръ-убюсу, можетъ быть составлено въ родѣ урянхайскаго кайраканъ-крыжи, тетива Громовника, и значеніе путѣ слову чюдуръ придано впоследствии по сходству сѣдельнаго прибора съ растеніемъ²⁾.

У Чувашъ и Черемисъ мы встрѣчаемъ мнелогическое имя Пигамбаръ или Пямбаръ. По чувашскимъ попятіямъ, Пигамбаръ есть духъ, раздающій людямъ добрыя качества и сообщающій имъ (шаманамъ) пророческія видѣнія; онъ—покровитель домашняго скота, охраняющій его отъ хищныхъ звѣрей, надъ которыми онъ имѣетъ власть, такъ что волки называются „пигамбаровыми собаками“, подобно тому, какъ въ Малороссіи волки извѣстны подъ именемъ Юровыхъ собакъ³⁾. На сходство Пигамбара съ Георгіемъ побѣдопосцемъ указалъ еще Сбоевъ. Въ молитвахъ, обращенныхъ къ Пигамбару, Чу-

«Омопаніе города Казани», пов. *Ал. Фуксъ*, предисловіе, стр. XIII. Дѣйствительно ли это историческая личность? Тотъ же обивъ звуковъ замѣчается и въ названіи жеребца: у Монголовъ вдирге, по якутски атыр, по киргиски и татарски айгыр. Не идутъ ли эти корни отъ корня ангръ, ангыр? Съ проионошеніемъ Аларскихъ Бурятъ Гегеръ-ханъ ср. набалистическое слово нагыръ-нидаръ, которымъ одинъ снщеникъ лечилъ зубную боль (см. *Добротворскій*, Русск. протонародная медицина въ сравненіи съ медициной Сахалинскихъ Айясовъ, стр. 36), а также нагыръ—камень чувашскихъ ваговоровъ (*Золотницкій*, Чуи. Слов., стр. 186).

¹⁾ Шидырникъ—по чувашски трещетка.

²⁾ Другое, очень близкое къ *Atg. alpina* и также вьющееся растеніе, именно *Clematis orientalis*, Хамійскіе Сврты называютъ мандыръ. Выше была уже уже замечана форма Мудури, манджурское имя Громовника. См. также у *Остроумова*, «Китайскія эмигранты» (Казань, 1879), 31 — о Модуръ-ханъ: богъ громовъ у Дауръ-Солоковъ Модуръ-ханъ; онъ начальникъ надъ модорани духами, канъ Твигринъ-ханъ и велию духи твигрин у Монголовъ; у Камчадаловъ Громовникъ, Вилюквй или Плячучъ, также главенствуетъ надъ горными духами нѣмук' ами; см. *Краменинникова*, Оппо. Камч., II, стр. 74—75). Модуръ-ханъ изображается сидящимъ на змѣ съ рыбьимъ хвостомъ и имѣющимъ двѣ пары рукъ: одною парой онъ исчетъ стрѣлы, другою бьетъ въ барабанъ. Вся эта миса: Шидыръ, Кадыръ, Мудури, Модоръ, мандыръ (ср. мундуръ, градъ) не были ли первоначально именами Громовника?

³⁾ Подобнымъ же образомъ Дархаты, обитающіе въ долинѣ р. Шяшнѣ, волковъ называютъ Твигринъ-кохой, то-есть, собаками Твигрин (Громовника?).

наши просать: „не дѣлай намъ зла, удерживай собаку!“¹⁾ У Черемисъ Шамбаръ—младшій жрецъ, помощникъ карта (шамана), у Вятскихъ Шамбаръ—великій пророкъ, помощникъ верховнаго бога²⁾. Покойный Золотницкій видѣлъ въ этомъ имени персидское слово пейгамбѣръ, пророкъ, и вообще полагалъ, что шаманскія повѣрья и сказанія Чувашей складывались и развились послѣ появленія ислама въ край и языческія вѣрованія заимствовали изъ ислама имена и другія вѣщныя черты. Намъ кажется не только страннымъ, но даже и немислимымъ такое преобразование предметовъ почитанія ислама; если и допустить, что имя Пигамбаръ не туземное, а занесенное исламомъ, то и тогда нужно принять, что образъ, который теперь носитъ это имя у Чувашей, существовалъ уже у нихъ до введенія ислама; за это говоритъ родство мнѣологическихъ представленій населенія, живущаго въ предѣлахъ вержяго Болгарскаго царства, съ шаманскими сказаніями южно-сибирскихъ инородцевъ; разбору этихъ родственныхъ чертъ мы посвятимъ особую статью. Кроме того, есть данныя, которыя наводятъ на мысль, что имя Пигамбаръ возникло на шаманской почвѣ. Черты, которыми обставлено это имя у Чувашъ, указываютъ, что подъ нимъ скрывается Громовникъ. Все, что относится къ радугѣ, по близости ея къ грозовому явленію, должно представлять почву, на которой нужно искать годныхъ для внимающаго насъ вопроса матеріаловъ; радуга иногда даже прямо называется лукомъ Громовника. Киргизское ея названіе, кемпырны-кусагы, названіе съ перваго взгляда странное, потому что кемпыр—ствруха, кусак—веревка, къ которой привязываютъ овецъ на ночь. Чтеніе русскихъ загадокъ и южно-сибирскихъ сказокъ внушаетъ убѣжденіе, что наши предки любили представлять звѣзды овцами, а мѣсяць—пастухомъ; но въ такомъ случаѣ овецъязью приличнѣе было бы назвать млечный путь, а не радугу, являющуюся только на дневномъ небѣ³⁾.

¹⁾ Золотницкій, Борн. Чув. Слов., 202, 203.

²⁾ Золотницкій, Невиданный міръ по шаманскимъ воззрѣніямъ Черемисъ. Казань, 1877, стр. 23.

³⁾ Впрочемъ, радуга можетъ быть представляема въ видѣ мусака по мнѣнческой свѣи грозоваго явленія съ доемъемъ молока; почвеннымъ средней Азии обыкновенно донтъ овецъ, привязавъ въ мусану (въ такомъ случаѣ овцы будутъ не звѣзды, а облака). Слич. повѣрья Вондовъ о вѣдьмѣ, которая вѣшаетъ веревку за печью въ часъ, когда въ деревнѣ всеобщее доемье, и молоко течетъ по веревкѣ въ ведро вѣдьмы, а коровницы уходятъ отъ своихъ коровъ въ пустыни подобными. Въ одной деревнѣ всѣ коровы перестали давать молоко; оказалось, что

Легенды для объясненія этого названія, распространеннаго отъ Чернаго Иртыша до Омска, кажется, нѣтъ. Понятіемъ старухи, вѣроятно, смыслъ имени Кемпырь не ограничивается; это имя встрѣчается между киргизскими поколѣніями въ Тарбагатаѣ ¹⁾; слѣдовательно, оно можетъ быть принято за имя родоначальника, а родоначальникомъ перѣдко считается Громовникъ.

Въ числѣ героическихъ именъ у Киргизовъ встрѣчается Камбаръ-біѣ; оно находится въ одной былинѣ, записанной Радловымъ ²⁾; мы сами имѣемъ цѣлую былинку о Камбаръ-біѣ, записанную въ Киргизской степи около Баятъ-Аула. Не слѣдуетъ ли въ Кемпырь видѣть измѣненное Камбаръ, а въ Пигамбаръ—Камбаръ-біа съ перестановкой составныхъ частей? Въ своемъ словарѣ Золотницкій приводитъ названія радуги, употребляемыя въ Поволжьѣ: по чувашски она называется сурепъ-киберъ, сыуек-киберъ, салаватъ-киберъ; по татарски—салаватъ-купре; подъ вторымъ членомъ, и по чувашски, и по татарски разиѣтается мость. Но сравнивая это имя съ названіемъ радуги у Киргизовъ и у Крымскихъ Татаръ (у послѣднихъ вмѣсто киргизскаго кемпырныкъ кусаки радуга называется яггур-кушаки; сообщено г. Калачовымъ), есть вѣроятіе полагать, что киберъ, купыръ только видоизмѣненное кемпырь или камбаръ съ выпаденіемъ носоваго, какъ въ словахъ вампиръ и упыръ ³⁾. Въ монгольскихъ и башкирскихъ сказаніяхъ встрѣчается мифическая стрѣла съ собственнымъ именемъ юбуръ или кулбуръ ⁴⁾.

была нѣдья, которая поередетвомъ веревки слезала молоко вѣхъ коровъ въ свой подойникъ; тутъ очевидно представленіе о засухѣ; веревка—это радуга; о радугѣ существуютъ повѣрья, что она пьетъ или сосетъ. Эти повѣрья указываютъ на связь предетакленій о нѣдьяхъ и Громовникѣ. У одного учителя, по повѣрью тѣхъ же Вендовъ, была корова, которая давала необыкновенно много масла; закѣтивши, что корова жуется веревку, мѣтъ конца которой учитель (вмѣсто, можетъ быть, шамка или шакаши) донтъ молоку; веревка лежитъ ка еницѣ коровы, глава коровы дѣвольски блещутъ. Что это драновъ—увазываетъ видъ коровы: огнивые глава, загнутый хлостъ (*Weckenstedt, Wendische Sagen, стр. 259, 283, 287*).

¹⁾ Очерки сѣверо-зап. Монголіи, I, 4.

²⁾ Ровин, III, 112.

³⁾ Что съ этимъ кориски соединилось понятіе о грокѣ или трескѣ, свидѣтельствуетъ татарск. вѣмбуръ (*Будак., Сравни. слок., т. II, 163*). Пейганбаръ на Кавказѣ Горцами приносится пейхомаръ. Ср. грузинск. гамура или негамура, летучая мышь.

⁴⁾ См. между прочимъ въ Труд. Певинск. Дух. Миссіи, IV, стр. 107, 217.

Странное обстоятельство заключается въ томъ, что имя *пѣмбарь* напоминаетъ два имени собаки: *пи* по черемисски ¹⁾, и *амб* по остяцки; ср. *амба* по тунгусски—тигръ и злой духъ (*амбань*, *сановникъ* по манджурски; не отъ того ли же корня чувашское *умбу*, *царь*)? Что касается до формы *упырь* ²⁾, которая является у Чувашей подъ видомъ *вубурь*, у Казанскихъ Татаръ *упырь*, — о ней также существуютъ въ Казанской губерніи мнѣологическіе преданія; *вубуру* приписываются ватлѣнія луны; чудовище же, которому приписываются враждебныя дѣйствія противъ этого свѣтила, въ средней Азіи находится въ связи съ Громовникомъ. На той же казанской почвѣ записаны мнѣологическіи легенды о *Зубейрѣ* или *Чубарѣ*, иначе *Сафарѣ*. *Ймбарь*, *выхухоль* по чувашски ³⁾, по персидски *джуффарь*, *id.*; другое животное, доставляющее нахучую струю *poschua*, называется *кабарга*, алт. *табаргы*; названіе *вѣбра* нужно считать, по нашему мнѣнію, первоначальнымъ, нахучее же вещество получило имя уже по животному ⁴⁾; ср. также *Джунпарь*, предокъ лошадей по киргизскому *новѣрью*. Совокупность этихъ фактовъ говоритъ за то, что родъ именемъ *Вубурь*, *Джунвар*, *Зубейр*, *кабар*, *табар*, разумѣлся Громовникъ ⁵⁾, съ котораго эти имена перешли частью на героическія личности, частью на животныхъ, живущихъ на высокихъ горахъ или въ водѣ. Обращаемъ вниманіе читателя на то, что *выхухоль* имѣетъ еще другое названіе по чувашски—*удур*, близкое къ имени черемисскаго *вотяц-*

¹⁾ У Болгаръ есть колѣно *Пѣиды*, которые ведутъ свой родъ отъ *Пѣи*; *Пѣи* былъ корнѣй смѣль Бога, имя его значило *красивый*. Онъ научилъ свое потомство садить виноградники и дѣлать вино; онъ же изобрѣлъ огонь и отырылъ медъ, следовательно былъ первый кузнецъ. Въ заключеніе Богъ заперъ его въ пещеру (*Верховскій*, *Опис. быта Болгаръ*; *Изв. Имп. Общ. люб. ест., антроп. и этн.*, т. XIII, и. 1, стр. 9). Въ этихъ чертахъ нельзя не узвать громашника.

²⁾ Ср. венг., собаче въ имѣетъ остяцкаго *амбъ*.

³⁾ *Золотницкій*, *Кори. Чуа. Слов.*, 14.

⁴⁾ По бухарски возмоча растеніе *Skorodosta foetida* называется *саеми-каварь* или просто *каварь* (или *кабарь*) (*Киргизскій*, *Флора среднеазиат. влад.*, стр. 78, 129). Тутъ же приведены варианты этого имени: *каурагъ*, *кауревъ*, стоящіе какъ бы въ аредіи между *каварь*—и *каиръ*, *бобровая струя* (стр. 182).

⁵⁾ Въ числѣ словъ, относящихся къ *аууку*, въ этому корню можетъ быть отнесенъ чувашское *шымьр*, родъ волынки (*башкир. чымьа*, *алтайск. сымьемь* и татарское *сымбагы*—*рошокъ*, *дудка*, родъ *елейты*; *чуаш. юбме*, *тат. комуз*, *якут. хомус*—*скрипка*; *Золотницкій*, *Чувашск. словарь*, 95, 109).

каго Громовника гудуры, а также къ монгольскому имени кабарги— худури, и т. п. Убур близко къ имени абыс, которое также относится къ Громовнику; замѣна с чрезъ р обыкновенна въ чувашскомъ языкѣ, напримѣръ, хундур, бобръ, вмѣсто хундус и пр. ¹⁾; въ формѣ Пиабар можно видѣть тотъ же корень, но съ сохраненіемъ носоваго звука.

¹⁾ *Золотницкій, Корн. Чув. словарь.*

Г. Петаншиъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ФЕВРАЛЬ.

1882.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХІХ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Взятая напечатать, между Вознес. и Маринскимъ мостами, д. № 80—1.

1882.

СОДЕРЖАНИЕ.

Правительственные распоряжения.

Исправительные приюты и колонии въ Россіи. Д. Тальверга.

Грозовникъ по повѣрьямъ и сказаніямъ плененъ южной Сибири и сѣверной Монголіи (Окончаніе). Г. Потанина.

Критика и библиографія:

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ XXXII. С. П.

Графъ А. С. Уваровъ. Археологія Россіи. I. Каменный періодъ. Два тома съ 63 таблицами, картой и 82 политинажами въ текстъ. Д. Авучина.

Высшія учебныя заведенія съ интернатами въ Германіи и Франціи. Гр. А. Мусина-Пушкина.

Научный способъ обученія грамотѣ г. Шавѣ и условія примѣненія этого способа къ русской начальной школѣ. А. Анастасивва.

Конгрессъ электриковъ въ Парижѣ. А. Столѣтова.

Пятый археологическій съѣздъ въ Тифлисѣ Л. Майкова.

Педагогическіе курсы въ г. Новосилѣ.

Спиридонъ Забелій.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки).

ГРОМОВНИКЪ ПО ПОВѢРЬЯМЪ И СКАЗАНІЯМЪ ПЛЕМЕНЪ ЮЖНОЙ СИБИРИ И СѢВЕРНОЙ МОНГОЛІИ¹⁾.

II.

Громовникъ, производящій грозовые ливни, орошающій горные сваты и степи, есть виновникъ хорошихъ кормовъ и водопоевъ, а посредствомъ этого онъ есть творецъ благосостоянія скотоводческихъ племенъ. Хороши кормы—сытъ скотъ и удоень, сытъ и народъ, онъ скопляетъ много молока и виной не бѣдствуетъ отъ голодовокъ; дѣти также сыты и вдоровы при обиліи молока. Это дѣлаетъ Громовника покровителемъ скота, семьи и дѣтей. Поэтому молитвы о дарованіи дѣтей или о ихъ вдоровьѣ должны быть являемы къ Громовнику; либаціи молокомъ Алтайцы и Теленгиты прямо относятъ къ Кабракану, а Якуты — къ Ан-Юрюнь-Тоену, подъ которымъ также можно видѣть Громовника.

Чтобы выразить свое поклоненіе божеству вещественнымъ образомъ, дикари сѣверной Монголіи и южной Сибири ставятъ въ своихъ юртахъ онгоны (мы будемъ употреблять это монгольское слово, хотя у самихъ Монголовъ въ настоящее время онгоны почти совсѣмъ вывелись). Эти онгоны суть символы, которые должны напоминать образъ божества, то-есть, Громовника; по крайней мѣрѣ къ такому предположенію ведетъ сличеніе онгоновъ съ атрибутами шаманскаго дѣйствія. Эти символы представляются или въ видѣ че-

¹⁾ Окончаніе. См. январскую книжку Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ.

человѣческаго изображенія, въ одну руку котораго данъ иногда бубень, а въ другую колотушка или квадратный лоскутокъ (до фута длиною), обшитый снизу бахромой изъ жгутиковъ, представляющихъ змѣй, или наконецъ—изъ маленькаго бубна. На лоскуткѣ иногда вверху пришиваются три или семь куколокъ въ шапкахъ съ совиными перьями, что сильно сближаетъ онгоны съ шаманскимъ плащомъ; иногда этотъ родъ онгоновъ представляетъ какъ есть цѣлую кокетку (верхнюю часть спинки) отъ шаманскаго плаща. Къ этимъ тремъ типамъ сводится все разнообразіе онгоновъ; матеріалъ для символизированія Громовника берется, такъ-сказать, изъ ризницы шамана; ясно, что дикарь представлялъ себѣ Громовника шаманомъ не только съ бубномъ въ рукѣ, но и одѣтымъ въ плащъ, обшитый змѣями. Иногда это изображеніе упрощается до шнура, къ которому навязаны ленточки, или просто до связки ленточекъ или ремешковъ. Названія онгопанъ различны; изображенія человѣческія носятъ собственные имена, напримѣръ, Кобокъ, Бурьтунъ и проч., и на вопросъ: кого они изображаютъ? всегда получается отвѣтъ: шамана, хотя въ рукахъ куклы не всегда есть орудіе шаманскаго дѣйствія. Четвероугольные лоскуты, шнуры, связки тряпокъ и бубны носятъ родовыя имена; моделямъ бубна присвоиваются, по видимому, имена, подъ которыми чаще разумѣли Громовникъ; такъ, бубенчикъ или модель бубна въ Алтаѣ называется тунгурчекъ или кайраканъ, у Бурятъ Тункинскаго вѣдомства—баръ-убугунъ (ср. баръ по монгольски бубень, бартай-бѣ—шаманъ, имѣющій бубень, у Алтайцевъ баръ—вертикальная ручка въ бубнѣ, представляющая человѣка; не отсюда ли русское барабанъ?), у Бурятъ Аларскаго вѣдомства—баровъ-ихи. Эти имена онгонопъ: баръ-убугунъ и баровъ-ихи напоминаютъ не разъ уже приведенныя названія медвѣдя баранъ-гурохень или просто барапъ, и бартахи, встрѣчающіяся у Бурятъ.

Онгоны въ видѣ упрощеннаго шаманскаго плаща носятъ то же названіе, какъ и шаманскій плащъ; такъ, у Алтайцевъ случается слышать для такого онгопа названіе маньякъ или манджакъ; тѣмъ же именемъ называется повсюду въ Алтаѣ шаманскій плащъ ¹⁾. У западныхъ Урянхайцевъ въ долинахъ Кемчика и Улу-хена такую связку

¹⁾ Это имя встрѣчается въ исторіи южной Россіи, ианъ имя Половецкаго хана: въ греческихъ источникахъ Маньякъ, въ русскихъ Боньякъ; слово это сохранилось у русскаго простонародья: маньякъ—привидѣніе, маньячить—испугаться, грезиться (Курск. губ.). Въ Тульской губерніи маньяномъ называется мадающая вѣвда; гдѣ она упадетъ, тамъ дѣница лишилась пониманія; это сближаетъ мадающую вѣвду съ летучимъ огненнымъ вѣвемъ (Обл. Великорусск. Словарь).

лентъ зовутъ ерень, и тѣмъ же именемъ называется здѣсь шаманскій «лащъ». Въ долині Шижикта у Дархатовъ и у Босогольскихъ Урянхайцевъ связка лентъ, повѣшанная надъ кроватью, называется цахиусъ, сакіусъ, сакюсъ, что Буряты произносятъ хакиусъ или хакиюсъ; это имя, кажется, тоже употребляется въ смыслѣ шаманскаго ялаща.

Въ долинахъ Кемчины и Кобдо (въ верхней ея части у Соионовъ), а также въ сѣверныхъ долинахъ Алтая у Алтайцевъ и Теленгитовъ встрѣчается онгонъ, помѣщаемый въ войлочномъ чохлѣ противъ дверей; онъ состоитъ изъ уложеннаго въ чохолъ шнура, на середнѣ котораго привязана шкура бѣлаго зайца, а на самый шнуръ, по всей его длинѣ, навязаны ленты, такъ-называемыя ялама. Этотъ онгонъ въ долинахъ сѣвернаго Алтая называется джанкъ, на Кемчикѣ и Кобдо — агъ-ерень; послѣднее слово сосѣдніе Монголы переводятъ цаганъ-онгонъ. О связи именъ цахиусъ и мапьякъ ни съ медвѣдемъ, ни съ Громовникомъ не могу ничего сказать, но имена джанкъ, ерень и цаганъ относятся къ именамъ звѣрей. О джанкѣ или микѣ мы раньше уже говорили, сближая его съ айнгъ, медвѣдь; цаганъ мы принимаемъ за исчезнувшее имя звѣря, слѣды котораго въ ряду зоологическихъ именъ можно видѣть въ пазвапінхъ росомахи; наконецъ, ерень есть вѣроятно урянхайское ирѣй, медвѣдь (подобное же измѣщеніе окончанія встрѣчается въ названіи одного горнаго прохода Улей-дабанъ, которое зовутъ также Уленъ-дабанъ; можно бы привести и другіе ирѣи). Объ еренѣ Урянхайцы и Соионы говорятъ, что ереней два: одинъ на землѣ (то-есть, медвѣдь?), другой на небѣ (Громовникъ?); въ томъ же родѣ выражаются Урянхайцы на Хуа-хемѣ; кайракановъ два: одинъ на землѣ (тутъ разумѣется прямо медвѣдь), другой — на небѣ (тутъ разумѣютъ виновника грозныхъ явленій).

У племенъ южной Сибири существуютъ обряды, устраняемые въ случаѣ безплодія женщины, или когда дѣти хотя и рождаются, но вслѣдъ затѣмъ умираютъ. У Бурятъ въ этомъ случаѣ добываютъ филина и держатъ его въ той же юртѣ, гдѣ находится ребенокъ; до тѣхъ поръ, пока ребенокъ не подрастетъ, думаютъ, что филинъ будетъ покровительствовать ребенку и отгонять отъ него злого духа, которому приписывается похищеніе ребенка. Въ статьѣ о сынѣ неба мы приведемъ сказанія, гдѣ почная хищная птица является покровителемъ перваго человека; тамъ же изложимъ факты, указывающіе, что подъ этимъ образомъ представляется Громовникъ.

У Алтайцевъ, Бурятъ и Дюрбютовъ, если дѣти умираютъ, существуетъ обычай похищенія новорожденнаго. Похищаютъ ребенка

или родственники семьи, въ которой дѣти мрутъ, или близкіе знакомые; вмѣсто украденнаго ребенка иногда подбрасываютъ куклу; родителя, найдя куклу, дѣлаютъ видъ, что принимаютъ ее за настоящаго, но умершаго ребенка, начинаютъ оплакивать его и потомъ хоронятъ: этииъ будто бы убѣждаютъ злаго духа, что ребенка въ живыхъ уже болѣе нѣтъ. У Дюрбютотъ богатые люди отдаютъ иногда своихъ породженныхъ въ чужое небогатое семейство на воспитаніе; такъ, у нынѣшняго дюрбютскаго вапа дочь воспитана въ чужомъ семействѣ, и до сихъ поръ эта дѣвушка, достигшая уже 20 лѣтъ, живетъ въ этомъ семействѣ. Тотъ же обычай существуетъ у Киргизъ Семяпалатипской области; здѣсь иногда возникаютъ тяжбы настоящихъ родителей съ воспитателями, когда послѣдніе не хотятъ отпустить вырощеннаго ими юношу или дѣвицу въ родительскій домъ ¹⁾. У Бурятъ, въ случаѣ безплодія женщины или недолговѣчности дѣтей устраивается вхи-онгонъ (большой онгонъ) или усэтеяъ. Это деревянный ящикъ, въ родѣ нашей скворцыцы, въ которомъ положены куклы и лоскутки съ рисунками. Однимъ изъ главныхъ между ними считается иелковый четырехугольный лоскутокъ съ нашитыми на него семью человѣческими фигурками, вырѣзанными изъ жести; верхній край лоскута усаженъ семью куриными (вѣроятно, да перьями) перьями; этотъ лоскутокъ называется Хорюкшутъ, что напоминаетъ киргизское имя Большой Медвѣдицы—Джоты-каракше; на связь представляемій объ этомъ созвѣздіи и Гроновникѣ было уже указано нами. Другой онгонъ называется Идирхинъ, что, съ одной стороны, напоминаетъ тунгусское имя медвѣдя *ĭtirku* ²⁾, а съ другой—второй членъ названія каменной бабы Таннъ-Тирхинъ, въ которой мы уже видѣли Громовника ³⁾.

¹⁾ Обычай воспитанія дѣтей богатыхъ людей въ бѣдныхъ семействахъ существуетъ у горцевъ сѣверо-западнаго Кавказа, при чемъ извѣстныя отношенія воспитанника къ своему дяднѣ, «аталыку», остаются на всю жизнь.

²⁾ *Castren, Grundzüge v. Tungus. Sprachlehre, 100.*

³⁾ Глазки секретности, сравнительно съ другими мѣтко облакаемыми тайной явленіями, всегда получаютъ больше синонимовъ и псевдонимовъ, какъ шамригъръ, сопряженные эмалогическіе отвлеченія и проч.; на этомъ же основаніи медвѣдь изобилуетъ синонимами сравнительно съ другими животными. Эту называютъ медвѣди широкою ногой, а волка сѣрымъ настаномъ, и думаютъ, что они не такъ вредятъ, если ихъ называть этими именами. Финны называютъ медвѣдя малышъ старикомъ, медовою ланой, гордостью труппы, многохвалимымъ старикомъ. Польскіе жвалы, плыи по рѣкѣ, не употребляютъ слово медвѣдь, заимавши его другимъ словомъ и боясь въ противномъ случаѣ утонуть. Въ Никольскомъ уездѣ

Такъ какъ первоначальныя идеи о Грозовицѣ и вообще божествѣ у Турапскихъ племенъ слагались изъ совокупныхъ представленій о горовомъ явленіи и медвѣдѣ, то божество, покровительствующее дѣтямъ, должно было получить нѣкоторыя черты, заимствованныя прямо изъ наблюденій надъ медвѣдѣмъ. Материнская любовь медвѣдицы отразилась уже въ греческихъ мифахъ¹⁾. Плиній описываетъ, какъ медвѣдица своихъ родившихся въ несоврѣщенной формѣ медвѣжатъ доводитъ до нормальнаго состоянія вылизываніемъ языка; современныя наблюдатели утверждаютъ, что медвѣжата рождаются величиной съ крысу, съ вытянутымъ тѣломъ, слѣпыми на четыре педѣли; въ это время мать ухаживаетъ за ними любовнѣе, чѣмъ человекъ, какъ ухаживаетъ медвѣдофила; такимъ образомъ древнее сказаніе о безформенности медвѣжатъ имѣетъ нѣкоторое основаніе въ дѣйствительности. Подобнымъ же образомъ Ливій и Овидій выражаютъ материнскую любовь волчицы: *et fingit lingua corroga bina sua*. И дѣйствительно, говоритъ Вахофенъ, — что можетъ лучше выразить трудъ, употребляемый матерью на воспитаніе, какъ не этотъ образъ медвѣдицы, формующей лизаніемъ свое дитя? Отсюда, по мнѣнію Вахофена, возникъ культъ медвѣдицы, *Arctos*, который потомъ обратился въ культъ божественной матери; онъ былъ распространенъ въ передней Азіи отъ Троянской Иды въ Сирію, во Фракію, Аркадію, Критъ и запад-

Вологодской губерніи въ просительныхъ запискахъ къ лѣшему о потерянномъ скотѣ имя лѣшаго (въ образованіи представленіи о которомъ, вѣроятно, участвовалъ образъ медвѣды) тщательно избѣгается. Сибирскію породу для нѣкоторыхъ звѣрей, впримѣръ, медвѣды, соболи, бѣлки, выѣютъ подстаки мѣша, которыми зазываются настоящае имя звѣря на охотѣ: иначе ловъ будетъ неудаченъ. Имя медвѣды очень часто зазывается словомъ старикъ; такъ у Остяковъ, Алтайцевъ, Тулгусовъ, Якутовъ. Отсюда, вѣроятно, и происходитъ наименованіе именъ этого звѣря, особенно у людей, занимающихся звѣроловствомъ. На западѣ, у Татаръ и Киргизовъ, занимающихся земледѣліемъ или скотоводствомъ, мы находимъ для медвѣды только одно имя: *аю*; у Алтайцевъ уже три: *айиг*, *абшикъ* или *аба*; у Остяковъ, по Кастрену, пять именъ: *блэнг*, *кпузэнг* *іка*, *ііг* или *ііх*, *јот*, *вѣја*; у Монголовъ пять: *баабагай*, *медалай*, *хара-гурсу*, *бартахи*, *утыганъ*; у Урянхайцевъ три: *атыг*, *прей*, *кавраканъ*; но особенно много находимъ именъ для медвѣды у Тулгусовъ: *ашикап* (ср. алтайскій эмгенъ-стеруха, бурятское хамыгыч — людоѣдка); *ūtīgku* (Кастренъ сближаетъ съ *ūtīgkū*, старикъ); *вѣрсѣк*; *ашигака*; *пекітай*; *оросі*; *бакаја* (ср. монгольское *баабагай*); *нгалеуга*, въ другихъ нарѣчіяхъ *гайга*; *еһѣкѣ*, въ другихъ нарѣчіяхъ *уікап* (ср. якутское *эсе*, медвѣдь и старикъ; *Есугай* или по произношенію Буритъ Аларсаго вѣдомства *Шюсиэ*, отецъ Чингисхана); *конгуога*, — всего десять именъ.

¹⁾ Ср. *Vachofen*, *Der Bar in der Reliq. des Alterthums*. Basel, 1863.

ной сторонѣ Италіи. Этотъ культъ Вахофенъ считаетъ до-эллинискимъ; овъ соединяетъ съ первобытнымъ состояніемъ культуры.

Покровителемъ дѣтей у Алтайцевъ являются Заячи и Байана. Одно ли это лицо, или два разныхъ, — я не узналъ, да, по всей вѣроятности и сами Алтайцы это смутно понимаютъ. Есть много чертъ, которыя одинаково приписываются обоимъ божествамъ. Если ребенокъ во снѣ смѣется, говорятъ, что съ нимъ играетъ Заячи или Байана. Но о Заячи-ханѣ говорится, что онъ творитъ людей, чего, кажется не говорятъ о Байана. Имя Заячи, вѣроятно, находится въ связи съ алтайскимъ Джанкѣ, то-есть, съ именемъ онгона, состоящаго изъ заячьей шкурки на шнурѣ¹⁾. У Бурятъ и Дюрбютонъ Заячи значить ангелъ-хранитель; о немъ говорится, что онъ есть совершенное подобіе своего кліента, что если послѣдній одѣтъ въ красный халатъ, въ такой же одѣтъ и Заячи; Заячи дѣлаетъ то же самое, что и покровительствуемый имъ; молится, когда послѣдній молится; ѣдетъ въ телегѣ, когда послѣдній ѣдетъ въ телегѣ, и т. д., словомъ, это какъ будто отраженіе въ зеркалѣ.

Байана есть и у Якутовъ; они называютъ ее Байбална; о пей мы знаемъ только, что это божество лѣсное, отъ котораго зависятъ хорошіе уловы звѣрей. Этотъ характеръ божества приближаетъ его къ образу медвѣдя; поддержкой къ тому, что Байана было медвѣжьимъ именемъ, можетъ пожалуй служить тунгусское *bojun*, звѣрь.

Монгольскіе рассказы о Заячи напоминаютъ наши о долѣ. Привожу одинъ изъ нихъ въ дюрбютской передачѣ.

Было два брата, одинъ богатый, другой бѣдный; бѣдный братъ подумалъ: Дай, я пойду поншу своего Заячи, и набью ему бока; докуда я буду жить въ бѣдности! Онъ вышелъ на дорогу; идетъ разодѣтый Заячи въ красной шубѣ; бѣднякъ схватилъ его за шиворотъ, стащилъ съ лошади; давай его тукать и приговаривать: Самъ въ красной шубѣ ходишь, а меня держишь въ нагольномъ равномъ тулуншкѣ! Заячи закричалъ: Зачѣмъ меня бьешь? я не твой заячи! А

¹⁾ У Бурятъ я видѣлъ шкурку хорьки, приписанную въ дѣтской люлькѣ; вѣроятво приписываются и пайцы. Въ одной южно-русской сказкѣ заяцъ является павьшой царскаго сына; онъ ходитъ съ ребенкомъ въ лѣсъ отыскивать потерявшуюся мать (Труды этногр. исп. въ южно-русск. край, II, 451). Что Заячи-ханъ и Джанкѣ возникли изъ общаго источника, свидѣтельствуется тѣмъ, что Алтайцы Заячи-хану приписываютъ всемірный потопъ. «Заячи-ханъ дѣлалъ потопъ», сообщилъ мнѣ о. М. Чкаловъ въ Улалѣ; подробностей, къ сожалѣнію, я не добылъ. Ср. Джанкѣ—выводкеніе.

гдѣ же мой? Свади ѣдетъ. Ѣдетъ другой Заячи также богато одѣтый. И его тузять бѣднякъ, но оказывается, что и это чужой Заячи. Наконецъ ѣдетъ Заячи въ нагольномъ рваномъ тулупѣ. Бѣднякъ принимается и за этого, но Заячи останавливаетъ его и научаетъ добыть верблюда, убить его, шкуру набить соломой и это чучело тащить на спинѣ въ гору. Между тѣмъ Заячи со всѣхъ сторонъ сошлись на собраніе боговъ; во время этого засѣданія, Заячи бѣдняка неожиданно произноситъ: Посмотрите, какой силачъ! несетъ верблюда на гору! Боги невольно взглянули въ ту сторону, гдѣ бѣднякъ, по совѣту своего Заячи, шелъ въ гору съ верблюжьимъ чучеломъ на спинѣ. Взгляда боговъ было достаточно для того, чтобы бѣднякъ сталъ немнѣвѣрно богатъ.

У Русскихъ и Славянъ повѣрья о покровительствѣ дому, семьѣ и скоту связываются съ образами домашнего и доли. Домовой помѣщается или подъ печкой, или подъ порогомъ, что сближаетъ ихъ съ онгонами, которые помѣщаются или противъ дверей, такъ сказать въ переднемъ углу, откуда у буддистовъ ихъ илѣтѣсняетъ божица съ буддійскими иконами и статуэтками или около дверей; у иныхъ на подпорѣ, которая стоитъ между очагомъ и кроватью ¹⁾. Нашими мифологами указана связь домашнего съ Громовникомъ ²⁾, но путь, которымъ Гро-

¹⁾ Идея особеннаго значенія этого столба видна и въ томъ, что во время свадебнаго обряда у Аларскихъ Вурить одинъ изъ спутниковъ жениха въ этотъ столбъ вонзается стрѣла. У русскихъ престыишь въ Алтай связывается что-то особенное съ станиномъ, то-есть, деревяннымъ столбомъ, котормъ начинается деревянная обшивка печи. Во время свадьбы замѣчаютъ, кто сталъ подлѣ станина, потому что только колдунъ становится къ нему.

²⁾ См. *Деанасьева*, Поет. позер. Слав. II, 539—541. Душчане вѣрятъ, что зивъ носится по небу и надъ нимъ остановится, тому приноситъ счастье; любящевъ надѣлаетъ золотомъ, явившея черезъ дыковую трубу; онъ охраняетъ зарытыя въ земли сокровища. Въ небахъ поселяется ва аечпой. Чехи говорятъ о богатѣющихъ: у него поселился илешникъ (огненный зивъ), у Нзидель черный драконъ носитъ деньги черезъ печныя трубы, у Вѣлоруссовъ цювъ. У Чеховъ въ каждой набѣ есть had-hosrodarik; когда онъ умираетъ, умираетъ и хозяйна. Въ азноторыхъ деревняхъ гонорить: Въ каждомъ домѣ живутъ два большія зивы, опруженныя дѣтекышани. Если убить самецъ, умретъ хозяйкъ, амка — хозяйна. Зивы эти оберегаютъ домъ отъ всякаго несчастья и заботятся, чтобы все было сохранено. Had-hosrodarik живутъ или подъ печною, или подъ порогомъ небы. У сибирскихъ жителей и записалъ поварье: Въ одномъ домѣ жила пива, сосала поропу и спала во стравкой (нѣкоторые онгоны у сибирскихъ шаманистовъ помѣщаются подъ костью). У хозяйна было три сына. Одинъ изъ нихъ убилъ зивю. Корова выла, выла и убѣжало, стравка отошла, снотъ началъ ва-

монникъ прошелъ' подъ псчъ или подъ порогъ; какъ мнѣ кажется, становится яснымъ только по сравненіи нашихъ повѣрій съ повѣрьями объ онгонахъ, которые и имена носятъ змѣя-громовника и часто состоятъ изъ изображеній вмѣй.

Къ повѣрьямъ о домовыхъ примыкаютъ повѣрья о злыдняхъ ¹⁾; правда, о злыдняхъ разказывается только какъ о вредныхъ духахъ, которыхъ нужно переловить и запереть, чтобы сдѣлаться богатымъ, но и домовою относится иногда недружелюбно къ сеньѣ: то гонить одно изъ домашнихъ животныхъ, то не влюбить хозяйку дома. Въ южно-русской передачѣ о злыдняхъ разказывается, что были два брата или сосѣда, богатый и бѣдный; послѣдній оттого бѣденъ, что у него подъ псчю живутъ злыдни; заманивъ ихъ обманомъ въ тавлнику, бѣдникъ запираетъ ихъ, относитъ въ лѣсъ и закладываетъ подъ колоду; послѣ того онъ становится богатъ (подобный разказъ есть о лихорадкѣ). Въ Курской губерніи записанъ разказъ о саранчѣ. Были два брата: одинъ богатый, другой бѣдный; у богатаго всегда урожай, у бѣднаго ничего не родится; бѣдный думаетъ, не дѣлаетъ ли чего богатый братъ особеннаго когда сѣетъ, и вотъ онъ рано утромъ, вмѣстѣ съ женой идетъ на пашню брата подсмотреть; но братъ уже возвращается домой; видное дѣло, что онъ вовсе не работалъ на пашнѣ. Но затѣмъ бѣдный братъ видитъ, что звѣрь саранча таскаетъ съ его пашни на пашню богатаго брата зерна и сѣетъ ихъ тамъ. Бѣдникъ поймалъ звѣря саранчу и началъ его бить; тогда звѣрь саранча скавалъ ему: Зачѣмъ меня бьешь? Ты поймай своего звѣря саранчу и его побей, тогда и онъ будетъ къ тебѣ таскать зерна на пашню, какъ я таскаю къ твоему брату, и ты будешь богатъ. А гдѣ же мой звѣрь саранча? Тогда звѣрь саранча разказалъ бѣдному дорогу, какъ пройти къ тому мѣсту, гдѣ его звѣрь саранча паложилъ подъ колоду. Бѣдникъ нашелъ его, побилъ я съ тѣхъ поръ сталъ богатымъ ²⁾. Этого звѣря саранчу можно свести съ онгономъ ерень, о которомъ уже было сказано выше. У Алтайцевъ есть сказка

лится, хозяинъ разорился (Записано въ Туркестанѣ караулѣ отъ казана Тюнцова).

¹⁾ Это имя напоминаетъ имя одного бурятскаго онгона Сульдунъ или Зулдунъ, которое я встрѣтилъ въ верхней части долины Иркута. Ср. также Сульде, Сульдесъ и т. п., имена, встрѣчающіяся въ монгольской мифологійи и въ монгольскихъ сказаніяхъ.

²⁾ Труды Курск. стат. комит. 1863 г., книга I, стр. 541—542.

о Ерень-шешенѣ или Джеренъ-шешенѣ ¹⁾; та же сказка занесена Радловымъ и у Киргизъ ²⁾, но у послѣднихъ Джеренъ названъ Джеренше. Хотя эта сказка не относится теперь къ огню ересь, но имена Ерень, Джеренъ, Джеренше, очевидно, суть только различные произношенія. Можно предположить, что у одного изъ племецъ, вошедшихъ въ составъ населенія Курской губерніи, былъ огонь водъ названіемъ джеренше или саранча; вѣроятно, этимъ именемъ назывался потомъ сверчокъ, который и теперь повсюду считается приносящимъ счастье въ тотъ домъ, гдѣ поселится, и потомъ уже имя саранча перешло на истребителя янвъ. Связь между этимъ насекомымъ, съ одной стороны, и насекомымъ, тоже живущимъ около печи, тараканомъ, замѣчается въ словахъ прусахъ и церковно-славянскомъ пружа. Имя самого таракана напоминаетъ монгольское имя Громовника Тарханъ, съ которымъ въ связи находятся встрѣчаемыя на нашей почвѣ Терюханъ, Громовникъ у Мордзы, Тураханъ, ногайскій ханъ, преданія о которомъ находятся въ связи съ сказаніями о змѣѣ ³⁾, а также Ивашка Таракашка, который добываетъ жену Соломона для царя Василья Окуловича ⁴⁾. Чернымъ тараканамъ также приписывается благотворное вліяніе; случайно замѣтивъ чернаго таракана на полу, хозяйка бережно отнесетъ его за печь, чтобы кто-нибудь печалью не раздразнилъ его; гдѣ ползались черные тараканы, въ томъ домѣ будетъ довольство; чернымъ тараканамъ выставляютъ даже нищу, какъ домовому. Тараканы предсказываютъ пожаръ; передъ пожаромъ они удаляются изъ дому. Принесеніе богатства приписывается у насъ и у Киргизъ ласточкамъ; о ласточкѣ говорится: „бабочка водъ домъ носить огонь, ласточка воду“ ⁵⁾. Въ Томской губерніи есть такое повѣрье: въ томъ домѣ будутъ счастливы, гдѣ поселится звѣрежъ ласточка (*Mustella vulgaris*; въ некоторыхъ областяхъ ласточка, ластыца, что, вѣроятно, правильно). Аистъ (южно-русское гайстеръ; сравн. съ обл. Орловск. губ. пастырь, летучая мышь, см. Записки Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр., II, 21), устремашій гнѣздо на крышѣ, также почитается добрымъ предзнаменованіемъ, и оставленіе имъ кровля дома предвѣщаетъ по-

¹⁾ *Radlof's Proben*, I, 197.

²⁾ *Proben*, IV, 201.

³⁾ *Древности*, изд. Москов. археолог. общ., II, 46; 51, 53.

⁴⁾ *Рыбниковъ*, II, № 52 и 53.

⁵⁾ *Этногр. Сборн.*, VI: Южи. часть Томской губерніи.

жарь. На всѣхъ этихъ животныхъ имена перешли, нужно думать, съ домашнихъ фетишей.

У Черногорцевъ домовая называется вѣдосопа (вѣдосоппе, једосопо¹⁾), по-польски двяды, по-чешски had или šetek, šotek²⁾, немецъ, которое напоминаетъ не разъ уже нами упомянутое азіатское имя джетиганъ; мнѣ не удалось однако отыскать въ сѣверной Монголіи онгопа съ подобнымъ именемъ; но что онъ былъ вѣкогда, указываютъ разказы Марко Поло и Плавио Карпини, изъ которыхъ первый упоминаетъ онгопа Натигай, второй—божество Итога. Я нашелъ только у Теленгитовъ на Чуѣ слово натагай, но значеніе его нѣсколько другое, хотя и близкое; такъ зовутъ теперь дѣтскую куклу³⁾.

Мы показали, что Громовникъ у племенъ сѣверной Монголіи и южной Сибири представлялся покровителемъ дѣтей и дѣторожденія; онъ представлялся также и предкомъ человѣчества, первымъ человѣкомъ. Отъ одного Халхасца мною записанъ слѣдующій разказъ: богатырь Чонунъ-бель перебилъ весь народъ Мангиса и самого Мангиса убилъ. Отъ побойща осталась одна только женщина Хара-дэвильтей-эмегенъ хончжи-харемъ, то-есть, старуха Хонджи-харемъ въ черной шубѣ. Она сказала себѣ: Весь народъ Мангиса избить; что я буду дѣлать тутъ одна; пойду искать себѣ мужа. Сѣла на жеребца и поѣхала. На встрѣчу ей старикъ:—Ты куда ѣдешь?—Ищу мужа.—Вовлян меня! Старуха спрашиваетъ о величинѣ его мяса и находитъ неудовлетворительной. Далѣе встрѣчается другой старикъ. У этого мясо такъ велико, что онъ можетъ имъ три раза обернуть вершину горы. Эмегенъ приняла старика мужемъ, и у нихъ множество народилось народа, такъ что народъ сталъ не помѣщаться на горѣ⁴⁾. Старики рѣшили

¹⁾ Каждый человѣкъ знаетъ своего вѣдосопа; если человѣкъ умретъ, говорятъ, что его вѣдосопа убить. *Половъ, Путешествіе въ Черногорію.*

²⁾ Смотри. *Потебня «О долъ», Древности, I, 172, Г. Потебня ставитъ рядомъ слово šit, старикъ.*

³⁾ У Аларскихъ и вообще добайнскихъ Вурятъ есть вѣрья о хатахъ, духахъ. Имъ ежегодно разъ въ лѣто приносятъ жертвы цѣлыми улусомъ; эти общественныя жертвоприношенія называются тавлгавана; хаты, вѣроятно,—души предковъ или что, вѣроятно, то же, шамановъ, такъ какъ слово хатъ можно принять за множественное число отъ ханъ, слово, которое, по нашему убѣжденію, есть только переія слова ханъ, шаманъ.

⁴⁾ Ср. сказаніе о первой встрѣчѣ предка отца съ матерью, впринципѣ, предка поколѣнія Ельдигеновъ Мисеръ Улюка съ Китайской Даукой у Рашидъ-Өддина, Дува Сохора и Аланъ-Хоа во всѣхъ сказаніяхъ о предкахъ Чингисхана, о предкѣ Монгольскаго народа сѣромъ волкѣ в лави, сошедшихся у воды Тэнгисъ.

вывести народъ съ горы. На пути при переселеніи встрѣтилось море; мясо старика послужило мостомъ, по которому и сталъ переходить народъ на другую сторону; въ это время ворона (хиро) кинула мость, онъ дрогнулъ, и весь народъ съ моста уналъ въ воду и утонулъ. Тогда старикъ изъ шерсти сдѣлалъ сѣть и началъ ловить людей; отъ тѣхъ, которые были спасены такимъ образомъ, пошло человечество, а отъ тѣхъ, которые утонули, произошла рыба. Старикъ этого сказанія есть Грозовникъ; относительно его встати припомнить повѣрье Тарбагатайскихъ Торгоутовъ, что около сѣвжной вершины бѣлка Са-

о предкахъ Киданьскаго народа, сошедшихъ при освоеніи двухъ рѣкъ (Васильевъ, Ист. в древн. вост. Азіи въ Зап. Сиб. Ист. Археол. Общ. т. XIII, стр. 172). Что касается до волка предка, то имя его Бурте-чото едва-ли вѣрно переводить «сѣрый волкъ»; Бурте вѣроятно происходитъ отъ татарскаго буря—волкъ; все сказаніе объ этомъ предкѣ есть вѣроятно сказаніе о бѣлкѣ Мунко-Сардыкѣ, который носитъ два имени: Шово-войонъ и Бурекъ-ханъ. Въ Бурекъ-ханѣ, какъ уже мы указали, надо видѣть грозовника; поэтому можно сказать, что предка Монгольскаго народа. Въ черво-шубной энегетѣ можно видѣть предка: тиса—недѣдь по-тунгусски (*Oastren, Grundzüge ein. tung. Sprachlehre*); хам-гивъ—старухе людоедка изъ бурятскихъ сказокъ. Отсюда вѣроятно происходитъ названіе народа камасивиды, у Кастрена камаме; этотъ корень распространенъ по всей сѣверной Азіи, и слышеть въ ивонахъ то водяного животнаго, то водяного чудовища: кана—выдра по-башкирски, вене—выдра по-якутски, хова—выдра по-чувашски. У Айвогъ кануи—водоходный богъ; у Камчадаловъ кануи, кануи канулецъ—горные духи, водчисельные грозовнику (Крам. Описание Камч. II, 74); во чувотени канакъ—богъ; кан' ам-рыт-тыи—наводнителей вѣтъ (Сообщ. г. Нордквистъ). Ивогив воды въ Монголіи носятъ имя Емилъ или Ибинъ или Ханъ; въ нихъ можно видѣть тотъ же корень; адѣсь, можетъ быть, имъ имѣеть случай отождествленія въ представленіяхъ дикаря среди съ ея обитателей, о чемъ мы скажемъ въ послѣдствіи; имя озера Косоголъ, лежащаго у подошвы Мунко-Сардыка, Халисиды производять Хубеу-гуль; хубсу, можетъ быть, было названіе выдры, илигъ зубъ по-кавказски, конъ по-бурятски; Косоголъ Уралхайдъ называютъ Эдѣтъ, что по-монгольски значить мать; но почему ли это на воду, какъ на женскій элементъ, въ противоположность которому представляется мужскаго начала являлся бѣлокъ Бурекъ-ханъ, или вѣрнѣе, недѣдь-грозовникъ. У Уралхайдъ въ Хуа-Хенѣ есть такое сказаніе, представляющее недѣдѣ и рыбу невалъ, какъ семейную чету. Сказаніе о женскомъ энегетѣ и все сказанное по поводу его сравнительно вѣроятно сходно съ сказаніями о кавказскихъ амазонкахъ, которыя сложилась на два вѣсла съ мужичками покорѣннѣй Gallae et Liguae у рѣки Термедонъ; въ остальное время онѣ жили безъ мужичка. На Кавказѣ до настоящаго времени сохранилось преданіе о воинственныхъ амазонкахъ, по-черкесски Эиветъ, которыя не допускали въ свое общество мужичка (Сб. свѣд. о кавказскихъ герцахъ: т. X, стр. 515); у Балкарцевъ же (на Кавказѣ) подъ именемъ Эиветъ извѣстна людоедка, какъ и у Бурятъ (Метер. для опис. вѣст. и имен. Кавк., в. 1, стр. 8).

уръ или Мустау лежитъ, обернувшись кольцомъ, змѣй. О богъ Очир-вани Халхасцы разказываютъ, что онъ вытащилъ Лосунай-хана изъ моря, обернулъ вокругъ вершины горы три раза и голову его придавилъ камнемъ. Этыхъ монгольскихъ примѣровъ, полагаемъ, достаточно для поддержки предположенія, что подъ старикомъ, родоначальникомъ Монголовъ, подразумѣвается Громовникъ. Предкомъ нѣкоторыхъ племенъ Громовника называютъ сами преданія, или на то намекаютъ обычаи, соблюдаемые во время грома ¹⁾; у другихъ память о предѣ-громовникѣ хранятъ только ихъ имена воимеологическія. Меркиты, поколѣніе Тарбагатайскихъ Торгоутовъ, во время грозы кричатъ: я меркитъ! я меркитъ! Это напоминаетъ обычай Терюхановъ (поколѣніе Мордвы) кричать во время грозы: легче, ты чай нашъ! при этомъ Терюханы думаютъ, что Громовникъ Терюханъ во время грозы похищаетъ дѣвцу. Одины халхаскій родъ Тодины кричатъ во время грозы: Тодина! Тодина! то-есть, надо думать, имя своего предка. Дюрбюты предкомъ своихъ князей, пушо понимаютъ предкомъ народа или первымъ человекомъ, считаютъ Одунъ-Бодуна, который былъ найденъ подъ деревомъ; птица уйлъ (ночной хищникъ) сидѣла на деревѣ и своимъ крикомъ убаюкивала ребенка, а дерево опускало свои вѣтви въ ротъ ребенка и кормило его. Въ катонской редакціи ²⁾ этого сказанія дерево, кормившее найденыша, названо Орѣнь; по записаннымъ мною разказамъ дерево Орѣнь-ганцхынъ-модон (то-есть одинокое дерево Орѣнь) находится на западѣ; оно такъ велико, что тѣнь отъ него сходитъ только въ полдень; изъ одного его листа можетъ выдти на шесть юртъ вѣшнихъ покрышекъ; оно находится такъ далеко, что до него еще никто не доходилъ. Очевидно, что подъ этимъ именемъ разумѣется то древообразное расположеніе перистыхъ облаковъ, которое по нѣмецки называется Wetterbaum или Windbaum; по народному повѣрью, оно всегда предвѣщаетъ бѣдѣ, и дѣйствительно бываетъ обращено основаніемъ на западъ, а вершиной на востокъ. Это указываетъ, что Одунъ-Бодунъ есть Громовникъ; да и полное его имя Одунъ-Бодунъ Хурмуспенъ-ханъ Тэнгри-Ху заключаетъ въ себѣ члены, которые способны поддержать это предположеніе; и Хурмуспенъ-ханъ, и Тэнгри-ху, какъ мы старались показать, суть имена Громовника. Тотъ же разказъ о найденышѣ прилагается Халхасцами къ предку халхаскихъ князей Чингисъ-хану; мною записанъ

¹⁾ См. Очерки сѣверо-западной Монголіи, II, 44.

²⁾ Очерк. с.-в. Монгол., II, 162.

разказъ, что онъ найденъ подъ деревомъ и вскормленъ волчицею, но о птицѣ равказникъ не упомянулъ; что есть, однако, варианты о Чингисѣ съ птицей, на это указываетъ одно мѣсто, въ путешествіи Тимковскаго ¹⁾, гдѣ этотъ путешественникъ рввказываетъ, будто имя Чингису дано было по крику птицы, пролетавшей мимо надъ новорожденнымъ ребенкомъ ²⁾. Мы уже говорили, что подъ Чингисъ-ханомъ слѣдуетъ разумѣть Громовника.

Буряты Аларскаго и Тувинскаго вѣдомства родоначальникомъ своимъ считаютъ Буха-ноина, который подъ видомъ быка спустился на землю. По одному варианту, этотъ небесный быкъ ходилъ ночью къ царской дочери, отчего она и родила мальчика; по другому варианту, родоначальникъ Бурятскаго народа былъ вачать царской дочерью оттого, что ей попалъ въ ротъ снѣгъ, когда она шла по слѣдамъ небеснаго быка, желая его видѣть. Разказываютъ, что гдѣ прошелъ Буха-ноинъ, тамъ остался слѣдъ въ видѣ полосы кедроваго лѣса; о такой же дорогѣ разказываютъ Урянхайцы на Хуа-хемѣ, приписывая ее Чингисъ-хану ³⁾. По одному варианту, Буха-ноинъ былъ сынъ Хуху-мунгунъ-тэнгри и пасъ скотъ у Исгы-малан-тэнгри; жену его этотъ вариантъ называетъ Водунъ-хатунъ. По другому варианту, Вуха-ноинъ былъ сынъ неба; отца его ввали Эцеге-малан-тэнгри, мать Эхе-Орүпъ. Въ призываніяхъ же онъ упоминается въ такихъ выраженіяхъ:

1) Буха-ноинъ-баабэй, Юрюнъ-хатынъ-эджи! то-есть, Буха-ноинъ отецъ, Юрюнъ-хатынъ мать.

2) Буха-ноинъ баабай, Бодунъ-хатунъ-ибя!

3) Есеге, есеге Малан-тенги, еке, еке, Юген-тенги! то-есть, отецъ, Маланъ-тэнгри, мать, мать Юренъ-тэнгри! ⁴⁾.

Бодунъ-хатунъ бурятскихъ сказаній есть, рвзумѣется, то же самое что Одуиъ-Бодунъ дюрбютскихъ, но адѣсь оно превратилось въ мать.

Слѣды сказанія о происхожденіи отъ снѣжины извѣстны и въ нашихъ русскихъ сказаніяхъ; когда забеременѣетъ дѣвушка, объ этомъ шутя говорится: „снѣжина повела“. Снѣгъ, падающій въ день вѣн-

¹⁾ Часть I, стр. 169.

²⁾ См. также *Шмидта*, Geschichte d. Ost-Mong., 71.

³⁾ Въ Алтаѣ въ одномъ мѣстѣ слѣды ступней (около китайскаго караула Суокъ), а въ другомъ слѣдъ отъ сидѣнья на скалѣ (на Катунѣ) приписываютъ Саргантаю.

⁴⁾ *Castren*, Versch. e. burjät. Sprachlehre, 236.

чапья, сулить молодымъ счастье ¹⁾). Въ Украинѣ есть преданіе, что дѣвушка, возвращаясь съ поля, захотѣла пить, увидала двѣ ступицы, наполненныя водой, и напившись забеременѣла; были эти ступицы божин ²⁾). У Алтайцевъ поколѣніе Мундусъ ведетъ себя отъ матери, проглотившей градину, почему объ этомъ поколѣніи говорится при сказка:

Мус ыръчактаа жарыгаа
Музыгап кааыма јесәі,

то-есть: рожденный отъ градины (буквально отъ ледяной горошины) потомокъ (буквально племянникъ) Музыгапъ-хапа. Музыгапъ-хапъ отъ слова мус, ледъ, есть конечно спѣжрый бѣлокъ; теперешніе мундусы имя свое производятъ отъ слова ледъ, думая, что мундусъ есть испорченное мус; по вѣроятію же, что мундусъ есть съ другимъ только окончаніемъ монгольское мундуръ, градъ, и что прежде оно означало всю совокупность грозовыхъ явленій то-есть, Громовника. Воспоминаніе о томъ же сохранилось въ поговоркѣ Казанскихъ Татаръ, которая говорится, когда снѣгъ идетъ большими хлопьями, будто совинныя перья (сова—лиалакъ) сыплется: лиалакъ, лиалакъ кар джаунды яли полпѣ въ киргизской редакціи: джабалак, джабалак, кар джаунды, джаманъ-хатунъ ыыз табалды, то-есть, какъ сова (буквально: сова! сова!) снѣгъ идетъ, худая жена дѣвицу родить. Въ этой поговоркѣ слово „джаманъ-хатунъ“, худая жена, есть вѣроятно искаженное „хатунъ-ибя“ прывывація, приведеннаго нами выше подъ № 2-мъ; ибн тутъ значить мать, оно произосится у Уряпхайцевъ эмъ.

Монгольское племя Хото-гайту называетъ своимъ предкомъ Ирнѣ-Сайнѣ-мергена. Объ Ирнѣ-сайнѣ-мергенѣ есть быліны у дюрбютовъ, алтайцевъ и халхасцевъ ³⁾; дюрбютскій Ирнѣ-сайнѣ родился съ комкомъ крови въ правой рукѣ, какъ Чыгысь-хапъ, и еще въ пеленкахъ, укусивъ, убиваетъ алмыса (дѣвола), подобно монгольскому Гесеръ-хапу и индѣйскому Кришнѣ; онъ одинъ изъ трехъ сыновей неба Хурмустенъ-хапа. По алтайскому варианту, онъ рождается отъ жены старика Улакчица, въ халхаскяхъ отъ жены старика Елисына (очевидно испорченное нвъ Улакчица); улакчинъ по монгольски—волчица. Алтайскій Ирнѣ-шайнѣ добываетъ отъ Ерлика джиракы, то-

¹⁾ *Асанасеозъ*, Поэт. возвр. I, 240.

²⁾ *Ibid.* I, 689.

³⁾ Дюрбютскій вариантъ напечатанъ въ *Изв. Геогр. Общ.* 1880 г. вым. II, стр. 172.

есть снарядъ для винокурения. Все это указываетъ на громовническую природу этого лнца. Имя его напоминаетъ членомъ сайнъ тунгусское дванъ, медвѣдь; другимъ Ирнъ напоминаетъ Юрюнь-хатунъ бурятскаго призванія, ввведеннаго нами выше подъ № 1, а также еще Орнъ, въ переводѣ мать Ерень; такъ называлась мать Буха-нонна, предка Буратовъ. Это же имя носить и дерево, которое кормило перваго человека хотонскаго преданія; оно встрѣчается также въ имени верховнаго божества у Якутовъ: Ан-юршъ-тоень, который, если судить по тому, что ему дѣлаютъ возліанія молокомъ, есть Громовникъ. По урянхайски, какъ мы видѣли, ерень означаетъ то же, что по монгольски онгопъ; этимъ же именемъ называется шаманскій плащъ; да, кажется, оно принимается и въ смыслѣ сайнго шамана; по крайней мѣрѣ, одинъ Теленгитъ на Чуѣ, на мой вопросъ, что такое ерень? отвѣчалъ: шаманъ ¹⁾. Что оно имѣетъ послѣднее значеніе, подтверждается тѣмъ, что у Дархатовъ шаманъ называется дзаренъ или дзайренъ. Полагаемъ, что всѣ эти имена „Орбнъ-модонъ, Орбнъ-хотунъ, Юрюмъ-тѣонъ, ерень, дсайренъ, Ирнъ-сайнъ, Джеренъ-шешенъ и Джеренше-шешенъ суть только различныя варіаціи одного и того же имени и придавались прежде Громовнику.

Имя Семизвѣздицы, Итыгзпъ, представленія о которой были въ связи съ представленіями о Громовникѣ, слышится во многихъ именахъ предковъ. Ногайская орда, кочевавшая въ восточной части Европейской Россіи, производила свой родъ отъ трехъ сыновей Едигея; Дикокаменные Киргизы своимъ предкомъ считаютъ Атагая; Буцдровскіе Татары Идыге; Хангинъ, одинъ изъ бурятскихъ родовъ, Одюго-бо ¹⁾;

¹⁾ Впрочемъ, у Теленгитовъ ерень означаетъ не простаго шамана, а искуснаго, въ родѣ Бурятскаго абтая.

²⁾ Это былъ шаманъ, на что указываетъ слово бо; онъ явился одну изъ трехъ дѣвъ, которыя прилетали на озеро купаться подъ видомъ лебедей, и обратилъ ее въ свою жену; варіанты этого сказанія можно найти въ черемисскихъ (Золотницкій, Невидимый міръ во шаманскихъ воззрѣніяхъ Черемисъ, стр. 18), болгарскихъ (Изо. Общ. любит. естествознан. въ Москвѣ, т. XIII, ч. 1, ст. Верковича: Описан. быта болг., стр. 17—18) и вендскихъ сказаніяхъ, гдѣ шаманъ превратился въ барабанщика или Gromwelschläger'a (Veckenstedt, Wendische Sagen, 188. Глав, п. 120); г. Повдигевъ записалъ у Бурятъ другой варіантъ этого сказанія, въ которомъ похититель дѣвъ-лебедей называется Харидай (Повдигевъ, Образцы народ. авт. монгольск. яз., стр. 265); у Якутовъ говорится, что ихъ верховный Богъ Аръ-тосиъ имѣлъ жену Хубай-Хатунъ (по якутск. хубъ, лебедь), которая являлась вредкамъ въ видѣ лебеда (Золотницкій, Чувашия. слов. с. 149); ср. съ Ибъ-Хотунъ ввведеннаго выше бурятскаго преданія къ Буха-нонну.

Рашидъ-Эдмизъ ¹⁾ предка Ойратовъ называетъ Хутука-беки, а общимъ предкомъ пяти племенъ: Хонкиратовъ, Икирасовъ, Олхунутовъ, Харанутовъ и Хунглиутовъ—Алтанъ-Ходого, что, конечно, очень неудачно онъ переводить словами золотой горшокъ. Что Семизвѣздница участвовала въ образованіи сказанія о пвчалѣ человечества, показываетъ якутское сказаніе о первомъ человѣкѣ, по которому Богъ первоначально слѣпилъ изъ глины семь статуй и потомъ вдохнулъ въ нихъ жизнь ²⁾.

Кастренъ въ своихъ „Vorlesungen über die Finnische Mythologie“ доказалъ, что финскій Юмла первоначально было инопемъ Громовника или пеба Громовникъ; онъ сближаетъ его съ эстонскимъ jumal, божество, съ черемисскимъ Юмо, богъ, съ зырянскимъ јеп, съ самоѣдскимъ Нумъ, то же самое. У Камасицевъ нумъ просто означаетъ грозвое явленіе, которое они и почитаютъ, какъ божество. Этотъ финскій Громовникъ также почитался родоначальникомъ человечества; Кастренъ приводитъ изъ Шеффера заимствованное отъ Торнеуса преданіе, что Jumі или Jumо былъ человѣкъ; это былъ предокъ Лапландцевъ и Финновъ (стр. 11). Въ сѣверной Россіи существовало финское племя, известное русскимъ лѣтописямъ подъ именами Лмь, Ымь, Емь, Имь; Шегренъ сближаетъ это имя съ живущими доселѣ въ Финляндіи Нѣпне или Нѣпнеп, а также съ племенемъ Гамъ, которое жило по мѣстному преданію при устьѣ Вычегды; то же имя онъ видитъ въ сохранившихся доселѣ фамиліяхъ крестьянъ: Гамовы, Гановы, изъ названія рѣки Вымь, которая по зырянски называется Емь, и въ названіи племени Гамаль чувская, которое обитало въ Пермской губерніи ³⁾. Такимъ образомъ мы получаемъ варіаціи: ямь, смь, һѣпне, ымь, гамъ, гвиъ, гамаль, которыя напоминаютъ видоизмѣненія сибирско-татарскаго слова камъ, ганъ или хамъ, то-есть шаманъ ⁴⁾. Что это слово можетъ принимать формы близкія къ приведенному имени древне-финскаго поколѣнія, показываетъ чувашское названіе шаманъ: Йомзя, которое сведено г. Зо-

¹⁾ *Зап. Имп. Археол. Общ.*, XIV, 154.

²⁾ *Миддендорфъ*, *Sibirische Reise*, B. IV. Th. 2, стр. 1602.

³⁾ Имя Нѣпне Шегренъ производитъ отъ лонарскаго veibma, изба; Лербергъ отъ эстонскаго һѣп сырой, мокрый. По нашему мнѣнію, вѣроятноже иската начала этого имени изъ мифологическихъ представленій о Громовникѣ и въ его именахъ.

⁴⁾ Названіе опискаго племени Нѣпне, Гамъ, Гамаль такимъ образомъ соотновится именамъ сибирскихъ племенъ: татарскаго изъ Бузаяца. округъ Томск. губ. шамлар—бывшійше шаманы, и опискаго въ Енисейской губерніи—шаманше.

лотниціи съ алтайскимъ камъ: окончаніе яя соотвѣтствуетъ татарскому чн и встрѣчается въ другихъ словахъ, означающихъ лицо, чѣмъ-нибудь занимающееся ¹⁾; такимъ образомъ алтайскому камъ или гамъ будетъ соотвѣтствовать въ чувашскомъ йом; измѣненіе это основано на свойствѣ чувашскаго языка вмѣсто ѵ ставить й, при чѣмъ чего приведены г. Золотницкимъ на указанной страницѣ. Замѣчательно, что въ названіяхъ частныхъ божествъ у разныхъ отдѣловъ черемисскаго народа „юмо“ произносится различно; такъ наиря-иѣръ, богъ-солнце у луговыхъ Черемисъ—кече-он, у вятскихъ кече-юмо; богъ луна у перныхъ тильзе-он, у вятскихъ тильзе-юмо; богъ звѣздъ: у луговыхъ Шидур-он, у горныхъ Шидыр-хан, вятск. Шудурь-юмо. Видоизмѣненія, которымъ подвергается второй членъ имени: юмо, он, хан, напоминають тѣ, которыя приведены нами выше и поддерживаютъ предположеніе Кастрена, что зырянское јеп Богъ есть финское Юмала. Двѣ послѣднія версіи: онъ и хан Золотницкій переводить — царь; таково ихъ нынѣшнее значеніе, но первоначально эти слова, вѣроятно, также означали Громоуника, какъ юмо и какъ, надо полагать, также слово камъ. Что камъ или (по урянхайскому произношенію) хамъ, то-есть, шаманъ могло означать Громоуника, послѣ всего нами сказаннаго о родствѣ шаманства съ культомъ Громоуника, легко допускается. Громоуникъ представлялся, какъ мы видѣли, въ видѣ могущественнаго древняго шамана; онъ, по одному преданію, носилъ имя Абысь (этому абысь соотвѣтствуетъ другое произношеніе чувашскаго имени шамана: йомысь); имя это впоследствии, какъ мы видѣли, сдѣлалось нарицательнымъ и теперь означаетъ просто духовное лицо; такимъ же образомъ другое имя громоуника: тарханъ стало нарицательнымъ и означаетъ кузнецъ, мастеръ. Въ этомъ же родѣ и имя ханъ могло означать сначала громоуника, а потомъ обратилось въ нарицательное: шаманъ. На языкѣ Еписейскихъ Остяковъ и Коттовъ слово хамъ имѣетъ слѣдующія значенія: хам, кам, камъ, у Остяковъ, хеш, кеш, у Коттовъ—стрѣла; ам, хамъ у Остяковъ, ама у Коттовъ—мать; хамъ у Остяковъ—старуха. Стрѣла на монгольскихъ нарѣчіяхъ, какъ мы видѣли, представляетъ версіи: суми, суму, хома; ср. сома, трипочки у телеутовъ, обозначающія змѣй; для обозначенія шамана служатъ слова: камъ или гамъ по-алтайски, хамъ по-урянхайски и койбалски, саманъ, һапан по-

¹⁾ Корн. Чув. словарь, 163.

тунгусски; въ этихъ формахъ слѣдуетъ еще прибавить рѣченія, употребляемыя для обозначенія рѣки: кем, хем у Урянхайцевъ, гем, гом, кумыи въ сложныхъ собственныхъ рѣчныхъ именахъ въ Алтаѣ ¹⁾). Эти примѣры показываютъ, что отъ корня хам, гом, кум происходятъ слова все такія, связь которыхъ съ идеей о Громовникѣ прямо бросается въ глаза: горный потокъ или рѣка, шаманъ, стрѣла, мать (то-есть, родоначальница), тряпочки, изображающія змѣй, наконецъ— царь и богъ. У Финскихъ племенъ Европы мы видѣли, какъ юмо замѣняется формами: енъ—у Зырянъ въ смыслѣ бога, и онъ и ханъ у Черемисовъ въ смыслѣ бога и царя. То же мы находимъ и въ южной Сибири, гдѣ мы встрѣчаемъ имена Азыр-гамъ и Гессеръ-хапъ, легенды о которыхъ позволяютъ видѣть въ этихъ именахъ только вариации. Что хапъ и хамъ могли быть прежде родственныя понятія, это не можетъ возбуждать возраженія: на порѣ первой закладки общественного быта старѣйшина и жрецъ были одно лицо; покойный синологъ о. Палладій указывалъ, что слово бо у Китайцевъ въ древности обозначало равно и старѣйшину, и шамана ²⁾). Замѣчательно, что обрядъ посвященія шамана у Аларскихъ Бурятъ напоминаетъ возведеніе въ ханское достоинство: посвящаемого шамана поднимаютъ на войлокѣ. Приведенные нами факты говорятъ достаточно въ пользу того, что слово шаманъ или саманъ, какъ его произносятъ Тунгусы, глубоко коренится въ почвѣ мнeологическихъ представленій сѣверной Азіи, и потому нѣтъ надобности искать для него южной родины и сближать съ санскритскимъ śāman ³⁾).

¹⁾ Ср. русское кумъ. У Бурятъ существуетъ обычай въ поворожденному приглашать шамана; черезъ нѣсколько дней послѣ рожденія, къ отцу или матери ребенка посылаютъ блюдо съ вареной бараниной; это значитъ, что онъ приглашается въ дувья дома, въ «пайджи». Съ этихъ поръ, какъ только заболѣетъ ребенокъ, идутъ за шаманомъ, и онъ долженъ явиться съ нимъ, лѣчить заговорами, просиживать съ ребенкомъ ночи и не оставлять дошъ, пока больной не успокоится.

²⁾ Труд. Пек. мисс., IV, 228.

³⁾ Между этими рѣченіями и нѣтъ, однако, ни одного, кромѣ тунгусскаго ашѣки, которое придавалось бы медвѣдѣ, чего слѣдовало бы ожидать по связи представленій о Громовникѣ и медвѣдѣ; за то для выдры мы встрѣчаемъ много именъ этого порва. Подобное же назывованіе встрѣчается и для свињи: кабанъ, хапанъ, по урянхайски; мы выше уже сдѣлали предположеніе, что монгольское или свињи кахай могло быть первоначально именемъ медвѣды; другое татарское названіе свињи чушкѣ можно также сближать съ именами хищниковъ, шивво съ татарскимъ шашие, порка, тунгусскимъ гушко, колкъ; по тунгуски медвѣдѣ

Приводимъ рѣченія сибирскихъ языковъ, обозначающія мать; самоѣды йшѣ, ѣше, паше; Остяко-Самоѣды: йшue, ѣш; Остяки: au, anga, ange, anki, ласкательное imili; Юраки: nebea, niebea; Карагассы: ава; Енисейскіе Остяки: ам, хѣт; Котоны: ѣша; Чувашы: аннэ, аба, абай, аньу, абу, аму; Киргизы: ана, апа, эпэ; Венгерцы: анъа; Алтайцы, Башкиры: ене; Казанскіе Вотяки: анай; Черемисы аба; горныя Черемисы авѣ; Мордва азѣй, авай; Буряты ебѣ, ибѣ; при жизни бабушки абагай; Тунгусы ипѣ, апѣ; Сойоты и Урянхайцы: сби, емь, евѣ; финск. и эстонск. ешѣ.

Отецъ: Тазовскіе Самоѣды ара; Комасянцы: ава, ава; Койбалы, Сойоты: авѣ; Качинскіе Татары и Карагассы: вава; Алтайцы: аба; Монголы: ава, аба; Тунгусы: аша, амѣ, ашѣ, ашѣ; Енисейскіе Остяки: ир, иор, Котоны: ѣр.

Женщина вообще: Буряты Нижнеудинскіе: еше; Койбалы: инеі, ѣнеі; Остяки іша; венгерск. еше; Енисейскіе Остяки: хіт, кіт, кѣт; Халхасцы: абагай.

Старуха: алт. емеген; Буряты: һ а ш а г а н г, а т а г а н г; Енисейскіе Остяки: һ а т, б а г а т.

Старикъ: алт. абышка, абшіякъ, ѣбѣгѣпъ; бурят. ѣbugöng; койбальск. апчак, апшак (ср. аптах, якутск. шаманъ); чувашск. опшшка.

Бабушка: остяц. ankanki; татар. дби; якут. дбѣ; мордов. бабай; горныхъ Черем. папа; алт. енеш; чуваш. абай; коздом. Татарь: улу іжен (большая мать), енисейск. Остяки хішѣ, хіша; козов. хіша.

Дѣдъ: Казанск. Татары, Вотяки: бабай; алт. абаш; уйгур. абугя; бурят. убугу, Енисейск. Ост. хір, хір, кір, кір; Котоны: һіра.

Дяди: бурят. авага. Предокъ: чувашск. пабай.

Не будетъ ли въ этомъ ряду рѣченій самою древнею формою остяцкое anga, ange, anki ¹⁾, отъ котораго пошла: 1) чрезъ выпаденіе носоваго н: гадательное ага, и отъ него формы: эге, якутское

между прочимъ называется usikan и ешоко (н въ тунгусскомъ часто ставится ииѣсто шипящей; такъ русское шѣшокъ Тунгусы произносятъ шѣкокъ). Сравн. ирское названіе медвѣдя: math-gashvan, math-ghashwin или gabhin (Pictet, Origines indo-européennes, II, 429).

¹⁾ Мы ввели въ этотъ списокъ остяцкія формы ватѣвъ, чтобы вызвать отвѣтъ у анатовъ дѣла: можно ли отнести ее къ еорнѣ хонгра-шиигра—тюигра, у которой въ этомъ случаѣ отпало окончаніе ра-ре, примѣры чего указаны въ началѣ статьи?

дѣдъ, ске, едъ монгольское мать, шеше, чече киргизск. мать, ѓа остяцкое мать; ага кирг., аха монгольск. старшій братъ; 2) черезъ выпаденіе носоваго *а* или *к*: ана, еие; ама, еие, емь, хнм; аба, ава, еба, евъ, хнп, оп, баба, папа и т. д.? Въ рамкахъ этихъ послѣднихъ видоизмѣненій мы можемъ найти синонимы многихъ терминовъ, относящихся къ сферѣ идей о Громовникѣ; на примѣръ, имена для обозначенія шамана: кам, хам, һамап, самап; лапландское кебунъ. Водные потоки: хем, гем, гом; якут. *аба*. Названія стрѣлы: хоно, сумыи, хам и пр.; монгольское помупъ—лукъ стрѣлбный. Названія Громовника: самоѣдск. Нумъ, Номъ, Нуцъ, Ломъ ¹⁾; монгол. Ерленъ-Номонъ-хапъ.

Вѣроятно, названіе горы Абыганъ, находящейся въ вершинахъ рѣки Абакапъ, да и названіе самой этой рѣки, — имена Громовника; гора Абыганъ очень популярна въ сказаніяхъ Алтайцевъ и Черкесовъ Татаръ, о ней существуютъ особня легенды, она считается слящепною. Отсюда же, вѣроятно, происходитъ халхасское названіе хорька: умухи. Первоначально это было, вѣроятно, именемъ медвѣдя и Громовника (ср. тунгусское *аміки*—медвѣдь); потомъ оно перешло на хорька, а у Тунгусовъ на летягу: омья ²⁾, *оміки*, *пміки* ³⁾. Этимъ же слѣдуетъ объяснить появленіе этой формы въ легендахъ, какъ на примѣръ, Умухэй ⁴⁾. Значеніе же вопючій эта форма: умухи по-халхасски, *имухэй* по-бурятски получила, надо думать, уже позднѣе, когда это имя утвердилось за хорькомъ ⁵⁾.

Если Громовникъ или медвѣдь-Громовникъ почитался отцомъ че-

¹⁾ *Castren, Wörterverh. d. Samoje d. Spr., 220.*

²⁾ *Маакъ, Путеш. по дол. р. Уесури, 1, 121.*

³⁾ *Шуфнеръ въ Mélanges asiat. VIII, 1877 г. с. 337.*

⁴⁾ *Позднелъ, Образцы нар. лит., стр. 190.*

⁵⁾ За подобное происхожденіе прилагательнаго вопючій говорятъ слѣдующіе факты: По алтайски вопючій джиды, по урянхайски джидек, по алтайски джидмасть или просто джиды, сусликъ; по урянхайски джидекъ гарса, хорекъ; во корень этого названія можно видѣть въ монгольскомъ названіи медвѣдя: утыганъ или утыи; съ этихъ окончаніемъ эта форма въ значеніи вопючій является у Явучовъ: сытыган (*Böhtling's Wörterbuch*). Цаурумъ по халхасски сусликъ; въ остяцкомъ чурум, летяга (*Castren, Vers. e. ostjak. Spr. 110*); въ урянхайскомъ торумъ, медвѣженокъ; въ значеніи вопючаго это слово является у Чувашъ: соурум — (*Золотн. Чув. Слов. с. 77*). По киргизски вопючій: сасыкъ; хорекъ-сасыкъ жуашъ; по-славянъ есть по всей вѣроятности полвогласная еорна отъ шамане — киргизск. цорка, зовка, чушко—славянъ по чувашски к тат., гушко волкъ по тунгусски.

ловѣчества или предкомъ отдѣльнаго племени ¹⁾, то ничего не будетъ страннаго, если мы будемъ искать въ именахъ племенъ имени Громовника; племена носятъ имена своихъ предковъ; такъ говорятъ бурятскія, киргизскія, алтайскія и самоѣдскія преданія. Первая и единственная доселѣ попытка этимологичнаго племеннаго имени сдѣлана г. Березиннымъ въ его примѣчаніяхъ къ переводу Рашидъ-Эддина ²⁾, попытка, за нѣкими исключеніями, неудачная вследствие того, что ученый ориенталистъ совсѣмъ не имѣлъ подъ рукой народныхъ сказаній, въ соединеніи съ которыми только и можно пользоваться въ этомъ случаѣ филологическимъ запасомъ; одинъ же послѣдній можетъ вести къ курьезнымъ сближеніямъ. Способъ, употребленный г. Березиннымъ, заключался въ томъ, что, встрѣтивъ въ текстѣ собственное имя, авторъ подыскивалъ въ словаряхъ татарскомъ, монгольскомъ и манджурскомъ созвучное слово, и если оно соответствовало правиламъ передачи восточно-азиатскихъ языковъ персидскимъ письмомъ, онъ признавалъ его подходящимъ къ дѣлу. Изрѣдка автору помогали толкованія или намеки самаго Рашидъ-Эддина; нѣмски же эти, вѣроятно, суть ничто иное, какъ собственные домыслы тѣхъ стариковъ, которые передавали ему преданія, домыслы, какіе и теперь можно слышать во множествѣ и отъ Киргизовъ, и отъ Алтайцевъ, и отъ Монголовъ, и которые слѣдуетъ имѣть въ виду, но не принимать за чистую монету.

Рациональнѣе для этой цѣли принять такой способъ: Исходя изъ позрѣнія, что Громовникъ считался первымъ человекомъ, слѣдуетъ ограничиться только тѣми тѣсными кругомъ понятій и тѣми немногими количествомъ словъ, которыя находятся въ сопряженіи съ идеями о Громовникѣ. Эта терминологія охватываетъ:

I) слова, обозначающія понятіе среды: 1) небо, напримѣръ тэн-

¹⁾ Уркихайцы, гдѣ промышляютъ медвѣдя, не употребляютъ его истиннаго имени, а называютъ его изра джине; убѣдившіе Котомы зовутъ бозынишимъ малецъ уру чине; тотъ же малецъ на разныхъ нарѣчіяхъ Уркихайцевъ называется уешъ адже, оба шеше и т. н., гдѣ второй членъ ностоинно означаетъ мать. Въ обыкновенномъ разговорѣ безъымянный малецъ называется, какъ и у насъ, безъымяннымъ у Татаръ, Киргизъ, Монголовъ и Уркихайцевъ. Не находятся ли это обстоятельство въ связи съ правиломъ не называть истиннымъ именемъ предметъ, внушающій страхъ, какъ напримѣръ, медвѣдя? Приведенная выше сравненіи показываютъ, что «джине» означаетъ мать, а не «свещь», какъ слѣдуетъ изъ прежняго смысла.

²⁾ Зап. Имн. Архив. Общ., XIV.

гри, 2) высокая гора (хайрханъ, адикту, джанкту); 3) лѣсъ, какъ среда, въ которой живетъ медвѣдь; на общность именъ медвѣдя и лѣса намѣчаютъ повѣрья Олонецкой губернии, гдѣ лѣсной духъ, лѣшій называется просто „лѣсъ“; другое имя лѣса, урманъ, напоминаетъ съ одной стороны монгольскія виѣрнія имена херминъ, бѣлка, цауриниъ—сусликъ, съ другой имена родственныя названію монгольского Громовника Хурмусту; финское *metzo*—лѣсъ, *Metzolaipen*—герой лѣсовикъ; ср. монгольск. мадзалай, медвѣдь; 4) вода: на многихъ языкахъ замѣчается связь этого слова съ именемъ выдры ¹⁾.

II) названія звѣздъ, созвѣздій (например, Семивѣздицы) и вообще небесныхъ свѣтилъ и небесныхъ явленій (громъ, молнія, градъ, радуга, дождевой ливень и наводненіе, метеоръ, громовая стрѣла въ смыслѣ орудія каменнаго вѣка и проч.).

III) названія звѣрей, птицъ, рыбъ, гадовъ, даже насѣкомыхъ, отчасти также растений; о связи нѣкоторыхъ названій которыхъ съ идеей Громовника мы скажемъ ниже.

IV) названія чиповъ и титуловъ. Торо или доро, титулъ урянхайскаго князя даншона; киргиз. слово торе, господинъ, баринъ; ср. торумъ, небо-громовникъ по остяцки, медвѣженокъ по урянхайски; тере—небо по урянхайски. Тикичъ—князь въ средней Азии въ древнія времена; ср. тэкэпъ—россомаха по-алтайски. Демичи—чипъ въ Шабанскомъ вѣдомствѣ въ Монголіи и у Алтайцевъ; ср. *thamsche*—заяць, арицы; *temtsche*—заяць, Котони ²⁾. Кайраканъ; титулъ у Урянхайцевъ, кайраканъ медвѣдь у нихъ же. Амбанъ, генералъ по монгольск. и манджур.; умбу, царь по чувашски; амб, собака по остяцки, амба тигръ по ходженски, а также дьяволъ ³⁾. Джашки или Дзанги, чипъ у Монголовъ; сэпгэ, ежъ по манджур.; сонгго, медвѣдь по ходженски (*ibid.*). Дзасикъ, князь по монгольски; джасхэ, летучая мышь по урян-

¹⁾ Сакс. *udra*, литов. *udra*, выдра Пикте сводитъ къ корню *ud*, *uda*, откуда сакс. *uda*,—вода; врское *dobhgar*, выдра Пикте сближаетъ съ врскимъ же *dobhar*, вода (сакс. *dwinra*, море. Скот. *Pictet*, *Orig. inde-europ.*, II, 443). Ср. также венгер. *tenger*, море, тунгусское *тонгар*, *тунгор*, озеро (*Mélanges asiat.* VIII, 392) съ котовскимъ *tégür*, *té'ür*, онксейскихъ Остяковъ *тар*, выдра (*Castren*, *Versuch ein jepis. ost. und kott. Sprachlehre*, стр. 249). Эти послѣднія видоизмѣненія интересны тѣмъ, что представляютъ параллельный случай къ образованію одного изъ именъ Громовника: тархав, гдѣ тар, вѣроятно, возвыкло изъ *tiger*, *téger*, кабо въ языкѣ Койбаловъ.

²⁾ *Pall*, *Zoogr.* I, 146.

³⁾ *Маакъ*, *Путеш. по Уесурк*, I, 112.

немъ Громовника Тангри-ханъ и алтайскимъ Кайраканъ, которую мы раньше должны были предбугадывать (кангра-ханъ).

Алтайское слово шангъ, волоколъ, монгольское хонхо, колокольчикъ, показываютъ, что отъ корня хонгро-шангра-тэнгре могли образоваться такіа слова, какъ шанг, хонг, тэнг. Хонгъ мы встрѣчаемъ, какъ монгольское, имя лебедя; тэнг слышно въ остацкомъ танга (также ланга) бѣлка (въ родствѣ съ которымъ татарскія: тинн, уранх. на Косоголѣ днг, якутск. тигн., карагасск. дій) и въ тунгусскихъ нтэнга, волкъ, и дѣньки, соболь (ср. киргизское поколѣніе Итэнтменъ, но преданію происходящее отъ предка, который за дикость права получилъ прозваніе отъ собаки ¹⁾). Такимъ же родомъ образованы слова: буанг, собака по самоѣдски (другіе передаютъ уанъ), маенг, собака по койбальск.; эти формы какъ будто внушаютъ мысль о существованіи корня бэнгре, бангра ²⁾, менгре и проч. Судя по аналогіи съ этими образованиями, можно принять и существованіе формы канг отъ кангра; отсюда имя киргизскаго поколѣнія Кангли, которое Рашидъ-Эддинъ производитъ отъ телеги, а г. Березинъ отъ слова кангъ, означающаго громъ, который, можетъ быть, относился къ телегѣ; какъ Кангли отъ канг, такъ Мингли можно производить отъ менг. Кангли есть та же форма, которую мы видимъ въ алтайскомъ глаголѣ кункельдадлп, откуда мы выводили чингилъ, хангил и проч. Такимъ образомъ, формѣ Мингли будетъ параллельная мингил. По этому образцу, вѣроятно, образовано имя Монголь. Корень этого имени мы видимъ и въ словахъ Мунгуш, поколѣніе Урянхайцевъ, Минган—имя злаго существа въ сказаніи объ Любодисатвѣ ³⁾, Мингаты—монгольск. поколѣніе, Мангысь—поколѣніе кемчикскихъ Урянхайцевъ, Мангысь—летучій огненный змѣй въ монгольскихъ сказкахъ, Мангыть—то же самое въ бурятскихъ ⁴⁾. Монгольскій мангысь имѣетъ нѣсколько голоуъ, также какъ и алтайскій ельбегень; поэтому въ немъ можно подозрѣвать связь понятій о Громовникѣ съ Семизвѣздией; что имя кемчикскаго поколѣнія Мангысь и имя этого змѣя—одно и то же, видно изъ того, что обоемъ придается

¹⁾ См. Очерки сѣверов. Монг., II, 3 и 5.

²⁾ Въ алтайскомъ есть глаголъ багриб јат, ревать (говорится о медвѣдѣ).

³⁾ Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ., вып. II, с. 172.

⁴⁾ У Енисейскихъ Остиковъ Вагуда, богини земли (*Castrén's Varg. ein. Enisiel. ostjak. Sprachlehre*, 235). Мангану, баруунъ по монгольски по Рада; мангису, мангисунъ, баруунъ по манджурски (*Захаровъ*, 828, 868).

и у Дюрбюттовъ: здѣсь намъ также случалось слышать отъ насъ, что между Дархатами (подразумѣвались Дюрбютскіе Дархаты) находится много искусныхъ людей; это показаніе можно, впрочемъ, объяснить собственнымъ домышленіемъ разказчика, такъ какъ слово дарханъ по монгольски значить кузнецъ и вообще художникъ.

Племя Хопкирптъ г. Березилъ производить отъ хонкире, воронъ; это справедливо, на сколько воронъ символнзируетъ Громовника. Хопкире, нужно думать, было именемъ самаго Громовника. Это имя часто встрѣчается въ алтайскихъ, качинскихъ и монгольскихъ сказаніяхъ; у Качинцевъ птица Канкырн-кушъ ¹⁾ выноситъ богатыря изъ подземнаго црства ²⁾. Въ алтайскихъ Хвнкере-ханъ является въ сказаніи объ Ирннъ-Шайннъ; это—женщина, которая въ одно и то же время и хапъ, и шаманъ; Ирннъ-Шайннъ получилъ отъ Тойбонъ-хана приказъ привезти Ханкере; Ирннъ-Шайннъ привозитъ ее къ границѣ Тойбоцова ханства, Ханкере начала бить въ бубень; Тойбонъ-ханъ въ своей ставкѣ такъ былъ испуганъ поднявшимся громомъ, что послалъ сказать Ирннъ-Шайну, чтобъ онъ отпустилъ Ханкере.

Въ монгольскихъ и алтайскихъ сказаніяхъ встрѣчаемся кромѣ того съ мнѣческимъ лицомъ Кункеръ-ханъ; это хапъ, живущій на дальнемъ западѣ (откуда обыкновенно Монголія получаетъ грозовыя тучи); онъ необыкновенно богатъ, милостыню подаетъ лопатами золота, въ его владѣніяхъ цѣлая золотая гора; въ этомъ образѣ представленія о Громовникѣ начинаютъ снѣшиваться съ представленіями о солнцѣ. Хотоны, живущіе въ Дюрбютскомъ хошунѣ, считаютъ себя и потомками, и поклонниками Кункеръ-хана, принималъ за культъ Кункеръ-хана сохранившіеся у нихъ блѣдныя остатки мусульманскаго исповѣданія ³⁾.

Кункеръ-хапъ есть та средняя форма между монгольскимъ име-

¹⁾ У Рашидъ-Эддина (Сборникъ лѣтописей. Ист. Монг., въ *Зап. вост. отд. Арх. Общ.*, ч. XIII, стр. 106) встрѣчается мнѣческая птица Кунгрулъ; ее никто не видѣлъ, но существованіе ея обнаруживается тѣмъ, что иногда изъ воздушнаго пространства падаетъ на землю сотни или три убитыхъ птицъ съ оторванными головами, съ поломанными крыльями и ногами; та же птица называлась Тогрулъ. Последнее имя было первоначальнымъ именемъ Ванъ-хана Еврейскаго, современника Чингисхана, что, въ связи съ легендой о Ванѣ, заставляетъ видѣть въ немъ не историческое лицо, а мнѣческаго Громовника.

²⁾ *Этн. Сборн.*, IV, 108.

³⁾ На Кавказѣ подъ именемъ Кункеръ-хана вѣствуетъ турецкій султанъ.

немъ Гроковника Тэнгри-ханъ и алтайскимъ Кайраканъ, которуи ми раньше должны были продъугадывать (кангра-ханъ).

Алтайское слово шангъ, колоколь, монгольское хонхо, колокольчикъ, показываютъ, что отъ корня хонгро-шангра-тэнгре могли образоваться такіа слова, какъ шанг, хонг, тэнг. Хонгъ ми встрѣчается, какъ монгольское, имя лебеди; тэнг слышно въ остяцкомъ танга (также лянга) бѣлка (въ родствѣ съ которыми татарскія: тини, урманъ на Косоголѣ динг, якутск. тигн., карагасск. дій) и въ тунгусскихъ нтэнга, волкъ, и денъки, соболь (ср. киргизское поколѣніе Итэнгменъ, по преданію происходящее отъ предка, который за дикость права получилъ прозваніе отъ собаки ¹⁾). Такии же родомъ образованы слова: буанг, собака по самоѣдски (другіе передають уанъ), маенг, собака по койбалск.; эти формы какъ будто внушаютъ мысль о существованіи корня бенгре, бангра ²⁾, менгре и проч. Судя по аналогіи съ этими образованиями, можно принять и существованіе формы канг отъ кангра; отсюда имя киргизскаго поколѣнія Кангли, которое Рашидъ-Эддинъ производитъ отъ телеги, а г. Верезинъ отъ слова кангъ, означающаго громъ, который, можетъ быть, относился къ телегѣ; какъ Кангли отъ канг, такъ Мингли можно производить отъ менг. Кангли есть та же форма, которуи ми видимъ въ алтайскомъ глаголѣ кункельдади, откуда ми выводили чпигилъ, хангил и проч. Такии образомъ, формѣ Мингли будетъ параллельная мингил. По этому образцу, вѣроятно, образовано имя Монголь. Корень этого имени ми видимъ и въ словахъ Мунгуш, поколѣніе Урянхайцевъ, Мингап—имя злаго существа въ сказаніи объ Любодисатѣ ³⁾, Мингаты—монгольск. поколѣніе, Мангысь—поколѣвіе кемчискихъ Урянхайцевъ, Мангысь—летучій огненный змѣй въ монгольскихъ сказкахъ, Мангыть—то же самое въ бурятскихъ ⁴⁾. Монгольскій мангысь имѣеть нѣсколько головъ, также какъ и алтайскій ельбегень; поэтому въ немъ можно подозрѣвать связь понятій о Гроковникѣ съ Семизвѣдицей; что имя кемчискаго поколѣнія Мангысь и имя этого змѣя—одно и то же, видно изъ того, что обонимъ придается

¹⁾ См. Очерки сѣвероз. Монг., II, 3 и 5.

²⁾ Въ алтайскомъ есть глаголъ баграб јат, режетъ (говорится о подвѣдѣ).

³⁾ Изв. Им. Русск. Геогр. Общ., вып. II, с. 172.

⁴⁾ У Енисейскихъ Остяковъ Вапгѣа, богиня земли (*Castrén's Veger. ein. Enisei. ostjak. Sprachlehre*, 235). Мингеву, барсукъ по монгольски по Раде; мингеву, мингисунъ, барсукъ по манджурски (*Захаровъ*, 828, 868).

эпитетъ хара, черниѣ. Изъ статьи о Семизвѣздицѣ будетъ видно яснѣе, что подъ этимъ именемъ слѣдуетъ разумѣть Громовника.

Укажемъ на слова, одинаково образованныя со словомъ мангысь: тонгусъ, уряих. червь, донгусъ, тат. и киргизск. свинья, конгусъ киргизск. жуль; тэнгисъ татар. море; анькычъ, апысь, пермакск. горохъ—можетъ быть по сходству съ градомъ ¹⁾.

Замѣчательно имя Уряихай; ни одно племя впрочемъ этимъ именемъ само себя не называетъ. Сосѣди называютъ такъ турецкое племя въ Танну-Олѣ, но само оно себя называетъ Тува, Туба или Туфа; другая часть народа, живущая въ Алтаѣ и говорящая по монгольски, тоже называется отъ монголовъ Уряихай, но сама отрывается отъ этого имени и говоритъ, что ея настоящее имя Олетъ. Буряты подъ именемъ уряихай разумѣютъ племя дикое; въ ихъ представленіяхъ это скорѣе тунгусское племя, чѣмъ турецкое; надо думать, что подъ словомъ уряихай разумѣлся просто народъ нившей культуры, народъ дикій, праждебный, вѣврообразный, варваръ. Этимологія этого слова, какъ ее сочлиютъ сами Монголы, или по крайней мѣрѣ Дюрбюты, такого рода: Эдженъ-ханъ, то-есть, Китайскій императоръ изгналъ это племя изъ своихъ владѣній; вотъ почему оно называется урунъ-кай; послѣднее слово кай будто бы значитъ „бросовое“, выброшенная мерзость. Это сказаніе напоминаетъ намъ слово *warg*, сближаемое съ варягъ (Истор. Россіи Соловьева, I, 347), которому также придавалось значеніе пегоднаго, изгнаннаго изъ общества ²⁾.

¹⁾ Горохъ по монгольски бурдакъ, по татарски бурчакъ, по алтайски мырчак, по хивински бурьякъ, по бухарски бургакъ (Гр. алт. языкъ, 19; *Киргез.*, Флора среднеазиат. влад. 41); вообще круглое по монгольски бурекней; на языкѣ Крымскихъ Татаръ градъ, бурчакъ (*Ковдарахи*, Ом. Крым, т. I, ч. II, с. 2), у Половцевъ *Codex siniticus*, вѣд. гр. *Сеза Книг*, Budapest, 1880, с. 40) *buzzak*, *grag-poga*; эти слова напоминаютъ корень въ именахъ Громовника бурханъ, буренъ-ханъ и т. под. Апысь тоже придавалось, по видимому, круглому; *Indla Helenipt*, имѣющая круглыя двѣты, называется апысь по монгольски, апысь по киргизски. Мундусы, телсутское коколяніе, ведутъ свой родъ отъ жевщины, съвшеи градку; эта легенда склоняетъ къ догадкѣ, что подъ словомъ мундусъ разумѣлся градъ; и языкъ по алтайски градъ *мулдур*—измѣненіе окончанія самое обыкновенное. Въ нашихъ сказкахъ дѣвица иногда глотаетъ горошку и беременѣетъ.

²⁾ Въ Германіи въ древности пригородскій за ограбленіе коковниковъ и преступленіе въ свещенныхъ мѣстахъ къ пачивію въ дѣсь назывался *wargomъ*. Въ смыслѣ врага, убійцы, кора это слово перешло отъ Готовъ къ Пруссамъ, Лотолданъ, Финнамъ и Славякамъ. На скандинавскомъ сѣверѣ *wárgt* і *wéim*

Оба слова, вѣроятно, скрываютъ въ себѣ намекъ на одинокаго человѣкоподобнаго скитальца лѣсовъ, отчужденнаго отъ человѣческаго общества. Другія сказанія упоминаютъ о томъ, что Урянхайцы избавлены отъ налоговъ, военной и другихъ повинностей и обязаны для Эджепъ-хана только ловить звѣрей, черта, которую можно видѣть въ сказаніяхъ о богатырѣ, находящемся на службѣ у хана ¹⁾; богатырь Идыге ловитъ звѣрей для Тохтамышъ хана. Это же разказываютъ Волжскіе Калмыки о своемъ поколѣніи Урянхусъ ²⁾. Въ числѣ именъ Семиввѣядицы есть якутское Арраиґасъ, напоминающее имя калмыцкаго поколѣнія; къ якутскому слову еще ближе будетъ уранга, какъ имя Урянхай произносится около Таниу Олы. У Таниуольскихъ урянхайцевъ есть представленіе о какомъ-то Оранъ (Оранг?)-Талегеѣ, въ которомъ неоспоримыхъ чертъ Громовника мнѣ не удалось открыть, но онъ является олицетвореніемъ всей природы и все знающимъ, все слышащимъ, что люди говорятъ,—черта, которая приписывается всѣмъ населеніемъ Сибири, не только инородческимъ, но даже прусскимъ, медвѣдю. Мы возвратимся къ этому въ статьѣ о Семиввѣядицѣ ³⁾. Всѣ приведенныя данныя наводятъ на мысль, что объясненія имени поколѣнія Урянхай, или какъ оно названо у Рашидъ-Эддина—Урянхитъ, а у Калмыковъ произносится Урянхусъ, нужно искать въ общемъ кругѣ представленій о Громовникѣ и о царѣ свѣрпныхъ лѣсовъ—медвѣдѣ.

Имя монгольскаго поколѣнія Эльджигепъ Рашидъ Эддинъ производитъ отъ монгольскаго ельджигепъ, осель. Есть нѣсколько подобно составленныхъ именъ въ Азіи: Борджигитъ монгольское племя, Байджигитъ киргизское, Сальджигутъ у Рашидъ Эддина ⁴⁾, Чильджуютъ,

(буквально волкъ въ свѣтлѣ) вазывался человекъ, совершившій святотатство и выгнанный (смот. врикѣч. *Куника* къ сочиненію *Дорна*: «Касвій»). Ср. самодское уѣри, медвѣдь (*Поляковъ* въ рукописи), остяцкое јигех, волкъ (*Касперскіи*, *Vergleich ein Ostjak Sprachlehre*, 85).

¹⁾ *Радловъ*, *Proben*, IV, 35).

²⁾ *П. Небольсинъ*, *Очерки быта Хошоут. улуса*. С.-Пб. 1852, стр. 18.

³⁾ Въ числѣ свѣрпныхъ именъ мы находимъ сходныя: ороп, во тунгусеин домашній олень (*Шнекеръ* по *Чесновскому*; *Касперскіи*, *Grandz. ein. tungus. Sprachlehre*, 76); оропго, *Antilope oropgo*, отарыта *Пржевальскіи* въ южной Монголіи (ср. оропго, однорогья икенчская антилопа по повѣрью свѣрпныхъ Монголовъ); *Ungungetse* бѣлый медвѣдь во якутскіи (*Pall. Zoogt*, I с. 69); у *Börslingk'a* Урунъ-Асѣ. Последнее имя сильно напоминаетъ якутское названіе Семиввѣядицы—Арраиґасъ.

⁴⁾ *Зая. Изв. Археол. Общ.* XIV, 180.

родъ Узбековъ (Чильджигутъ?) ¹⁾; во всѣхъ нихъ второй членъ происходитъ отъ корня джиге; впаченіе осла, придаваемое ему теперь, вѣроятно, — позднѣйшее; мы знаемъ, что тотъ же корень послужилъ источникомъ для образованія именъ хищниковъ; такъ для росомахи мы имѣемъ: дзегепъ сойотское, джекенъ алтайское; сегинъ, сѣгганъ, сіэгганъ, якутск. ²⁾, дзехе, халхасск.; dschakan, калмыцкое, текенъ, алт. ³⁾, для выдры: дзюкупъ, djokop тунгусское и ламутск.; для рыси dschokom, мотор. ⁴⁾; ага, аган, котов ⁵⁾. Не ведутъ ли эти имена свое начало отъ эге ⁶⁾, что по якутски значитъ медвѣдь? Мы уже предлагали якутское слово хахай, левъ, объяснить тѣмъ, что это было прежде именемъ медвѣди, которое стояло въ родствѣ съ принадлежными именами росомахи, выдры и рыси. Этими же, то-есть, тѣмъ, что нынѣшнее имя росомахи дзехепъ означало прежде медвѣдя, мы объясняемъ себѣ, почему это слово означаетъ громъ на вогульскомъ языкѣ ⁷⁾.

Между урянхайскими поколѣніями есть также поколѣніе Ельджигенъ; кромѣ того, у нихъ сохранилось преданіе о Ельджигенъ-джиктей ханѣ, который жилъ на озерѣ Теръ-Норъ и былъ очень дикій ханъ. Въ одной дюрбютской сказкѣ встрѣчается Аю-чиктей ханъ; концы именъ сходны, по вѣсто Ельджигепъ, осель, поставлено аю, медвѣдь, Аючиктей по монгольски значитъ съ медвѣжьими ушами. Однако урянхайское джиктей-ханъ нужно принять за болѣе первоначальное;

¹⁾ Опис. Бухарск. цар., сост. Н. Ханьковимъ, С.-Пб. 1843.

²⁾ Радде, Третьяковъ, Порядинъ въ рукописи.

³⁾ Pall., Zoogr. I, 74.

⁴⁾ Pall., Zoogr., I, 29;

⁵⁾ Castren's Verzeich, 146.

⁶⁾ Эге, какъ все по якутски значитъ дѣдъ; оба эти слова якутами передаются медвѣдю. Дѣдою медвѣдь называется во многихъ языкахъ; у алтайцевъ абшикъ медвѣдь и дѣдъ, у остяковъ jig медвѣдь и дѣдъ; у тунгусовъ atigkan медвѣдь и старикъ; у урянхайцевъ убунъ медвѣдь, но монгольски убугунъ старикъ; ба-абгай по монгольски медвѣдь, абгай дѣдъ; утыганъ по монгольски медвѣдь и старѣйшина. Тутъ возникаетъ вопросъ: медвѣдь ли называется изъ кочекъ старикомъ, дѣдомъ и старѣйшиной или на оборотъ? Могло и такъ быть, что старѣйшина и отцовъ семействъ изъ кочекъ величалъ именемъ грознаго звѣря.

⁷⁾ Мы уже рѣше сближали съ этимъ корнемъ имя якутскаго Громовника (Сурдихъ Сюге; въ найсакскихъ или монгольскихъ сказаніяхъ и быльяхъ встрѣчаются имена Мангыкъ-Сюя, Хотмыкъ-дугте. Но именъ карымскихъ остяковъ медвѣдь называется Ильджина (Castren's Worterb. aus d. Sam. Sprach., 203).

между урянхайцами есть кость Джокту, Зукту; Вураты Аларскаго вѣдомства зовутъ этимъ именемъ жителей той бурятской колоніи, которая находится въ Нижнеудинскомъ округѣ; Тункинцы же Вураты въ вершинахъ р. Оки. То-есть, имя Зукту и тѣ, и другіе придаютъ обратившимся Союнамъ или Карагассамъ, то-есть, чужеплеменникамъ, а чужеплеменникамъ даются имена, какъ учать нѣкоторые примѣры, сказочныхъ чудовищъ. Такъ Монгольское племя примѣняетъ иногда къ своимъ сосѣдямъ имя своего сказочнаго змѣя; Русскихъ Вураты зовутъ Мангытъ, Казанскихъ Татаръ Калмыки—Мангысь. Не слѣдуетъ ли подъ зуку разумѣть медвѣдя или медвѣдя Громовника? Между именами звѣрей существуютъ ухурь-окто, оготона-сѣноставка, монгольское; ахада-барсукъ, ходзенское; пакета, медвѣдь по тунгусски. Слѣдуетъ еще привести слово: монгольское зуку бѣшенный, пьяный, оно показываетъ, что подъ урянхайскимъ джитей слѣдуетъ разумѣть скорѣе зуку, пьяный, то-есть, дикій (дѣло идетъ, вѣроятно, о медвѣдѣ), а не чиктей, то-есть, съ ушами. Поэтому мы склонны въ Эльджигенъ-джиктей-ханѣ видѣть скорѣе всего смѣшанное представление о медвѣдѣ и Громовникѣ, при чемъ и Эльджигенъ, и джитей признаемъ за туземныя слова; затѣмъ, перенесенное на монгольскую почву, это имя превратилось въ ельджигенъ-чиктей-ханъ, то-есть, въ царя съ ослиными ушами; это и подало поводъ къ составленію легенды о царѣ, имѣвшемъ ослиныя уши и казнившемъ всѣхъ брадобрѣевъ, которая теперь разказывается Монголами о предкѣ князей хошуна ельджигеновъ (живущихъ въ Ханъ-Хухеѣ).

III.

Общій выводъ изъ вышеназложенныхъ фактовъ будетъ такой: Первобытныи Турапецъ обобщилъ Громовника, какъ съ деталями самаго грозоваго явленія, такъ и съ явленіями природы, происходящими одновременно съ нимъ, хотя и не всегда имѣющими съ нимъ причинную связь. Усиленная энергія горныхъ потоковъ послѣ дождеваго ливня, появленіе грибовъ, каменныя и бронзовыя орудія, падающія въ землѣ метеориты и смѣшиваемые съ ними просто камни, являются омонимами съ Громовникомъ, потому что первобытныи человѣкъ открылъ въ нихъ частью вѣрную, частью ложную связь съ грозовымъ явленіемъ. Громовникъ, какъ грозовое явленіе, орошающее землю, есть, какъ мы показали, винозникъ обилія кормовъ, здоровья скота и обилія молока и вообще человѣческой пищи, а затѣмъ онъ же виноз-

никъ и здоровья дѣтей, семейнаго счастья и умноженія скота и племени. Словомъ, онъ творецъ жизни на землѣ. Ему подобають поклоненіе, и шаманство есть отчасти культъ Громовника, насколько грозное явленіе входитъ въ составъ преставленія о верховномъ правителѣ міра. Камланье, какъ мы сказали, есть представленіе грозоваго явленія: звуки бубна есть подражаніе небесному грому; отсюда толкованіе шаманами, что бубень есть тотъ конь, на которомъ они поднимаются въ міръ духовъ; этотъ конь напоминаетъ коня Громовника¹⁾; отсюда же названіе одной изъ поперечныхъ бубна тетивой; бубень — это лукъ Громовника. Самъ Громовникъ, какъ мы видѣли, представлялся въ видѣ шамана, бьющаго въ бубень и стрѣлка, пускающаго стрѣлы на землю. Далѣе, мы привели свидѣтельства въ пользу того, что Громовникъ считался отцомъ человѣчества; онъ творецъ дѣтей (алтайскій Заячи-ханъ), онъ родоначальникъ племени. Поэтому его имена стали именами поколѣній.

Смѣшеніе Громовника и медвѣдя, какъ мы отчасти уже объяснили, произошло на почвѣ сравненія образа жизни звѣря съ ходомъ явленій въ природѣ вообще. Первобытный дикарь подмѣтилъ у природы сходныя черты съ зимней спячкой животныхъ: зимой солнце утрачиваетъ свою силу, въ полдень стоитъ низко, не грѣетъ; природа становится молчаливѣе; громъ на бѣлкахъ ватихъ, птицы отлетѣли. Въ то же время медвѣдь и другія, впадающія въ зимнюю спячку животныя, покоятся въ своихъ берлогахъ или норахъ. Это единство въ ходѣ явленій біологическихъ и явленій неорганической природы внушало дикарю идею объ одномъ общемъ источникѣ одухотворявшемъ всю природу, какъ живую, такъ и ту, которая намъ кажется мертвою. Вся природа для него жила одной жизнью, одновременно заснула и одновременно вновь оживлялась.

Разумѣется, періодическія измѣненія въ природѣ напоминали ему періодическія явленія въ его собственной жизни, смѣну бодрости и сна, и онъ долженъ былъ облечь одухотворяющее природу начало человѣческой плотью; но тутъ неизбежно должно было вмѣшаться

¹⁾ Конь, на которомъ алтайскій шаманъ поднимается въ міръ духовъ называется аргамакъ или бумы; вертикальная поперечина въ бубнѣ по алтайски называется бары, баръ, барым, что переходитъ въ барсъ и марсъ. Поименованію, это имя самого Громовника; но поименованію вполнѣ и самъ бубень называется баръ. Модель бубна, служащая ономомъ (въ родѣ алтайскаго кайракана или тюкгурчена), у Бурятъ называется баръ-убугуръ или андо-бара.

еще одно обстоятельство; его воображенію навязывался образъ звѣря, человѣкоподобіе котораго бросалось сильно въ глаза. Вѣшній видъ звѣря, поднимающагося на заднія лапы, человѣкоподобный слѣдъ его, а за тѣмъ его исключительная жизнь, дающая право назвать его самымъ богатымъ, внутреннимъ содержаніемъ звѣремъ въ сибирской тайгѣ выдвигали медвѣдя предъ дикаремъ Сибири на первый планъ. Ни объ одномъ звѣрѣ нѣтъ столько разказовъ, какъ о медвѣдѣ, разказовъ, въ которыхъ истина безарестанно смѣшивается съ вымыслами и которые постепенно переходятъ въ мифы и указываютъ на родство повѣрій о медвѣдѣ съ представленіями о цѣлой природѣ. Если дикарь былъ принужденъ придумать для начала, одухотворяющаго природу, матеріальный образъ, для него всего естественнѣе было образу человѣка предпочесть фигуру могущественнаго звѣря, котораго онъ считалъ самымъ сильнымъ человѣкомъ на землѣ и который наводилъ на него своими появленіями и ревомъ страхъ сильнѣе самой небесной грозы. Мы держимся того мнѣнія, что біологическіе явленіи въ исторіи образованія мифа у Турапцевъ до настоящаго времени слишкомъ мало отводилось мѣста, и что къ главнымъ элементамъ, изъ которыхъ слагалась у нихъ идея о верховномъ правителѣ природы къ грозовому явленію и солнцу ¹⁾, слѣдуетъ еще на равныхъ правахъ присоединить третій: животную фигуру медвѣдя. Такъ какъ условія образованія мифа у всѣхъ расъ должны быть предполагаемы одинъ и тѣ же, то надо согласиться, что біологическія наблюденія такое же значеніе, какъ въ туранской мифологіи, имѣли и въ мифологіи Арійцевъ, и что раздѣленіе мифологіи на турапскую и арійскую или раздѣленіе мифологовъ на двѣ школы — метеорологическую и солярную обусловлено только тѣмъ, что до сихъ поръ мифологи недостаточно цѣнили біологическій матеріалъ въ мифологіи, который послужилъ мостомъ между представленіями о грозовыхъ явленіяхъ съ одной стороны, и представленіями о солярныхъ явленіяхъ съ другой.

Если мы примемъ гипотезу, что образъ медвѣдя сильно вліялъ на обработку вѣшнихъ деталей въ сказаніяхъ и погѣрьяхъ о Громовникѣ, то многія мѣста въ мифологіи, кажущіяся съ перваго взгляда очень странными, теряютъ свою загадочность и становятся понятными. Съ одной стороны, сдѣлается понятнымъ, почему медвѣдю вручается „тетива“, почему медвѣдь въ легендахъ представляется стрѣлкомъ,

¹⁾ Представленіемъ о солнцѣ и лунѣ, какъ элементамъ для образованія туранскаго мифа, мы посвятимъ особую статью.

иногда жившимъ на землѣ, почему другія засыпающія на вину животныя, даже мелкія, какъ сурокъ, представляются также стрѣлками. Съ другой стороны, ставеть понятно, почему имена Громовника заимствуются отъ животнаго міра вообще и въ особенности отъ медвѣдя, почему легендарный страстотерпецъ, подъ которымъ отчасти скрывается Громовникъ, носить иногда имя медвѣдя. Походка медвѣдя, подавшая поводъ къ прозвищу „косопланный“, можетъ быть, вызвала разказы о хромотѣ, приписываемой личностямъ, въ которыхъ болѣе или менѣе ясно можно угадывать Громовника, разказы о выстрѣлѣ въ колюпо, а потомъ и разказы объ отстрѣленномъ или отрубленномъ пальцѣ, мизинцѣ и пр. Не медвѣдь ли, вкладывающій трупъ хворостомъ, буреломомъ и камнями, послужилъ первообразомъ для турапской легенды о Таишъ-Тирхинѣ, замуровавшемъ жену Чингисъ-хана въ пещеру?

Черты чадолубія, которыя приписываются Алтайцами ихъ мнѣнческимъ личностямъ Папанѣ и Заячи-хану, могли быть заимствованы изъ наблюденій надъ медвѣдями, которыя, по разказамъ охотниковъ изъ простолюдиновъ, отличаются чадолубіемъ. Образъ старухи-людоедки, который, какъ мы покажемъ въ другой статьѣ, сливается съ виѣмъ-громовникомъ, составилъ въ умахъ первобытныхъ людей не безъ вліянія наблюденій надъ жизнью медвѣдя. Людоѣдка часто является существомъ опаснымъ для дѣтей; такою она является въ нашихъ сказкахъ о Бабѣ-Ягѣ и убѣгающихъ отъ нея дѣтяхъ. О медвѣдѣ разказы охотниковъ нѣкоторыхъ мѣстностей повѣствуютъ, что онъ никогда не нападаетъ на человѣка, охотится за крупнымъ звѣремъ, что онъ питается только растительною пищей, мелкими животными и дѣтенышами крупныхъ животныхъ; такъ напримѣръ, разказываютъ промышленники долины Иркута о своемъ медвѣдѣ. Правда, они увѣряютъ также, что не было случая, чтобъ иркутскій медвѣдь когда-нибудь попалъ на ребенка, за то въ другихъ мѣстахъ медвѣдю приписывается похищеніе дѣтей.

Собираніе повѣрій, сказаній и простыхъ, съ плду достовѣрцкихъ разказовъ о медвѣдѣ охотниковъ-простолюдиновъ должно облегчить разъясненіе мѣна о Громовникѣ. Этнографъ-собиратель не долженъ отбрасывать тѣ разказы охотниковъ, которые кажутся съ пернаго раза личными наблюденіями разказчика; онъ долженъ записывать все, что народъ разказываетъ о звѣрѣ, потому, попервыхъ, что иногда подмѣченнал по видимому, правдоподобная черта можетъ, при ближайшемъ знакомствѣ, оказаться отголоскомъ мѣна; во вторыхъ, черты дѣйстви-

тельной жизни звѣря могутъ пригодиться для соображенія, какой матеріалъ черпала фантазія первобытнаго человѣка изъ жизни природы.

Говоря объ элементахъ, изъ которыхъ слагалось представленіе о началѣ, одухотворяющемъ природу, мы выразились, что грозвое явленіе только „отчасти“ служило къ его образованію. О другихъ элементахъ мы скажемъ въ другихъ статьяхъ; эту же статью мы посвящаемъ исключительно грозвому явленію. Но чтобы насъ не упрекнули въ односторонности и не приписали намъ мнѣнія, что идеи о божествѣ у Туранцевъ возникли единственно изъ наблюденій надъ грозвыми явленіемъ, мы спѣшимъ теиерь же оговориться: мы полагаемъ, что всѣ явленія природы разомъ содѣйствовали образованію этой идеи. Сліяніе солнца съ Громовникомъ на почвѣ смѣны лѣта и зими, а затѣмъ отраженіе этой смѣны на животной жизни повели къ обобщенію всѣхъ явленій природы ¹⁾. Примѣръ такого обобщенія представляетъ намъ Оранъ-Телегей, мифическая личность у Урянхайцевъ. Это имя извѣстно, кажется, и Дархатамъ; и они, подобно Урянхайцамъ, брызжутъ молокомъ въ честь Орунъ-Дельхе; прямой вероводъ этихъ именъ съ монгольскаго такой: орунъ—мѣсто, страна; дельхе—вселенная; да и Урянхайцы придаютъ ему не менѣе широкое значеніе; на вопросъ: гдѣ онъ обитаетъ? Урянхаецъ затрудняется отвѣтить прямо и начинаетъ объяснять, что Оранъ-Телегей—это все то, что насъ окружаетъ: горы, лѣсъ, рѣки—все это Оранъ-Телегей, по тѣмъ не менѣе, по урянхайскимъ представленіямъ это—живая личность; въ сказкахъ часто встрѣчается вырженіе: „богатырь такъ закричалъ, что самъ Оранъ-Телегей услышалъ“. Еще болѣе на личный характеръ указываетъ одна телеутская фраза, отвѣчающая на вопросъ о происхожденіи имени Телеутъ (сами Телеуты произносятъ Тэлэмэт): Тэлвгэйдимъ тэлимъ кыз аннамъ туулган уулдымъ адн Тэлэмэт, то-есть, отъ дикой (?) дочери Тэлэгэя родился сынъ по имени Тэлэмэт. Не показывается ли это, что не понятіе о вселенной возведено въ конкретное божество, а что имя Телегей, какъ личное имя божества, существовало прежде, и монгольское значеніе слова дельхе возникло позже?

Объ Оранъ-Телегей я слышалъ только отъ Урянхайцевъ поколѣнія Салджакъ; чтобы онъ былъ извѣстенъ Алтайцамъ, я ин самъ не

¹⁾ Айны зовутъ „камуи“емъ медвѣдя, солнце и огонь. См. Н. Буссе, Островъ Сахалинъ и экспедиція 1853—1854 гг. С.-Пб. 1872, стр. 54.

слыхалъ отъ нихъ, ни у другихъ авторовъ, говорящихъ объ Алтайцахъ, не читалъ объ этомъ. У Алтайцевъ выдающееся мѣсто въ мірѣ духовъ занимаютъ Ульгень и Ерликъ, изъ которыхъ первый номѣщается на небѣ, второй подъ землею. У Монголовъ пѣтъ выдающейся личности въ пародной мифологiи; тѣмъ не менѣе, не смотря на многочисленность мифологическихъ имей, между ними чувствуется родство, которое самому дикарю еще яснѣе. Если одинъ и тотъ же разказъ приписывается двумъ легендарнымъ личностямъ, Монголъ объясняетъ это обстоятельство тѣмъ, что обѣ эти личности — одно и то же лицо; такъ онъ думаетъ, что Очирвани и Бурхаль-Бакши — одна и та же личность, хотя каждый изъ нихъ, кромѣ общихъ, имѣетъ и свои спеціальныя легенды. Когда я хотѣлъ разспросить у Урянхайцевъ о Чингисъ-ханѣ, мнѣ сказали, что таковыхъ, какъ онъ, кайракановъ три; кромѣ Чингисъ-хана, еще есть два — Гессеръ-ханъ и Амур-сана; далѣе разказали легенду, какъ они между собою соперничали въ силѣ; очевидно, что въ пародномъ воображеніи это были три отдѣльныя лица. Но когда я спросилъ о мѣстахъ ихъ пребыванія, расчитывая, что разказчикъ помѣститъ одного на небѣ, другаго — подъ землею и третьяго — въ морѣ, или въ родѣ того, къ удивленію моему я услышалъ отвѣтъ, что всѣ они трое — одно лицо. Это странное выраженіе можетъ быть объяснено такими образомъ: о всѣхъ этихъ трехъ личностяхъ существовали, вѣроятно, одинаковыя легенды, которыя внушали мысль, что это — одна и та же личность, и въ то же время о нихъ были другія легенды, въ которыхъ они представлялись соперниками. Хотя легенда Гессеръ-хана и Чингисъ-хана противопоставляетъ другъ другу, мы понимаемъ мысль дикаря, когда онъ говоритъ, что это одно лицо; дѣйствительно, и тотъ и другой, по нашему мнѣнію — Громовникъ. Герои различныхъ сказаній Монголии и Сибири до такой степени сливаются въ вариантахъ, что чѣмъ больше записываешь послѣднихъ, тѣмъ болѣе увлекаешься мыслью, что во всѣхъ нихъ идетъ дѣло объ одномъ и томъ же образѣ, который съ умноженіемъ вариантовъ все болѣе и болѣе выигрываетъ въ своей грандіозности и всеобъемлемости. Этому образу, въ которомъ трудно отдѣлить Громовника отъ олицетворенія вообще животворной силы природы, приписывается начало всего человѣческаго знанія и искусства. Онъ, какъ Громовникъ, открываетъ людямъ огонь. Хотя намъ не удалось открыть въ Монголіи разказовъ, въ которыхъ открытіе огня прямо приписывалось бы Громовнику, по можно полагать, что сказанія такого рода у Турапцевъ были, и можетъ быть, еще откроются. Мы уже

говорили, что Абтай-ханъ, въ которомъ, по видимому, скрывается Громовникъ, добываетъ для своего народа живаго бога, подъ которымъ едва ли не разумѣется огонь. Г. Поляковъ записалъ у Остяковъ сказаніе о томъ, какъ первые люди добыли огонь отъ медвѣдя. Тотъ, кто отерпелъ первый огонь, былъ, конечно, и первый кузнецъ. Выше мы говорили также о томъ, что ковалье желѣза въ сѣверной Авіи связывается съ идеей о Громовникѣ; самое монгольское имя кузнеца, тарханъ есть, какъ мы видѣли, имя Громовника.

Начало земледѣлія, возникшаго также въ періодъ первобытнаго состоянія человѣка, вѣроятно, относилось къ этому же мифологическому лицу, которое соединило въ себѣ, кромѣ другихъ силъ природы, и грозное ивленіе, благодѣтельное для земледѣлія. Намъ не удалось, впрочемъ, собрать въ Монголіи легендъ о началѣ хлѣбопашества и вообще повѣрій, относящихся къ этому промыслу. Намекн, однако, есть, что начало его приписывалось Громовнику. Сартактаю, въ которомъ мы видимъ одно изъ именъ Громовника, приписывается около города Кобдо прорытіе рва въ родѣ тѣхъ канавъ, какія устраиваются въ Монголіи для орошенія пашень. Можно также намеки на то же видѣть въ нѣкоторыхъ названіяхъ растений. Съѣдобный корешокъ (*Polypodium viviparum*), замѣняющій хлѣбъ для жителей высокихъ горъ, по монгольски носитъ названіе махиръ, макиръ, по якутски — маварша, по алтайски мыбракъ и мамгыръ; послѣднюю форму, близкую къ корню конгро-шангра, можно принять за первоначальную. То же растеніе въ другихъ частяхъ Монголіи называется ургене; это названіе въ Забайкальѣ прилагается не къ какому-нибудь растенію особо, а къ запасамъ изъ съѣдобныхъ корней и луковидъ, которые дѣлаются мышами-полевками; эти запасы обыкновенно расхищаются мѣстными жителями; самый промыселъ за этими запасами называется по русски урганаченье, отъ глагола урганачить. Ургене напоминаетъ имена звѣрей: уѣрк, варк, гарко, варга — медвѣдь на разныхъ самоѣдскихъ нарѣчіяхъ сѣверной Сибири, урко — сусликъ во буритки, ярха — барсъ по манджурски, ѣрга — барсъ по ходзески. Такъ какъ въ сказаніяхъ и повѣрьяхъ медвѣдь и Громовникъ сливаются, то можно допустить, что звѣриное имя уѣрк, ярка и пр. придавалась и Громовнику ¹⁾.

¹⁾ Въ Хаганѣ имѣ названіе именовъ бо-ургене другое растеніе, именно подорожникъ (*Plantago major*), но можетъ быть по ошибкѣ, потому что растеніе это немного проходитъ на *Pol. viviparum*. О немъ имѣ также сказали, что оно съѣдобно. У Киргизъ около оз. Зайсана также есть названіе бай-юргыпъ, при-

Въ одной изъ слѣдующихъ статей мы вернемся къ этому имени¹⁾.

Другой отдѣлъ растений, познаніе таинственныхъ свойствъ которыхъ должно было оказать вліяніе на человѣческую культуру — состоитъ изъ тѣхъ растений, которыя производятъ одуреніе или опьяненіе. Изобрѣтеніе вина какъ арійскія, такъ по видимому, и туранскія сказанія отпосытъ къ Громовнику; мы уже выше говорили, что сказанія сѣверной Монголіи приписываютъ изобрѣтеніе вина или Чингисъ-хану, или Гессеръ-хану; Алтайцы, кажется, относятъ это изобрѣтеніе къ Ерликъ-хану; по крайней мѣрѣ богатырь Ирянъ-Шайнъ добываетъ для Тойбонъ-хапа отъ Ерлика джиракы, то-есть, снарядъ для выпокуренія; во время процесса выпокуренія поютъ пѣсню въ честь Ерлика, въ которой вино называется Ерликовымъ папиткомъ; пѣсня эта представляетъ варіантъ бурятской, въ которой вино называется папиткомъ Чингисъ-хана и Голто-бурхана. Имя бурханъ встрѣчается и въ другомъ рядѣ монгольскихъ легендъ объ изобрѣтеніи вина: Бурханъ-бакши изобрѣтаетъ арашапъ, жиаотворщую воду, которая должна даровать людямъ безсмертіе; ему помѣпалъ Арахъ. Это послѣднее имя напоминаетъ алтайское названіе винокурешнаго снаряда; какъ будто здѣсь имя снаряда перешло на персонажъ. Тотъ же снарядъ по-монгольски называется бурхель или буркель. Имя враждебнаго существа Арахъ, Арахы, Ара хупъ²⁾, какъ его различно пишутъ, не представляетъ ли только иное произношеніе имени бурханъ? Монгольскія и татарскія имена вина: арахи, араки, тарасунъ (ср. арашапъ, арасанъ, теплая минеральная вода), арака, также напоминаютъ вышеприведенное имя изъ легенды о изобрѣтеніи вина.

Изъ одуряющихъ растений мы уже приводили *Reganium Nagmala*, имена котораго юзерликъ, хазаръ-асбапъ, адрасапъ, адирмишь (тургутское) напоминаютъ частью имена Гессер-хапа, частью Кадыръ-хапа, подъ которыми ны усматриваемъ Громовника. Другое опьяняющее растеніе, конопля, кецдырь, напоминаетъ своимъ именемъ слова

давленное жесткому растенію, которое есть одинъ только иерблюдъ. Первый членъ бай, ср. ст. Байлане, божество Алтайцевъ, покровительствующее дѣтямъ.

¹⁾ Другое съѣдобное растеніе, относящееся къ тому же семейству, гречиха, дикуща (*Ragorugum esculentum*) называется у алтвйскихъ и саянскихъ жителей марлыкъ, у Аларскихъ Бурятъ хурлушь. Первое изъ этихъ именъ встрѣчается въ центральной Азіи, какъ имя высокихъ горъ и хвѣзъ имя поколѣній. Ср. сарлыкъ, монг., тибетскій быкъ. Весьма вѣроятно, что это было имя Громовника.

²⁾ Ср. бурятское названіе медвѣдя хвра-гурохуль.

хундыр, вантэр и др., которыя приведены въ нашей статьѣ выше, какъ болѣе или менѣе относящіяся къ идеѣ о Громовникѣ. Вълепа по-киргизски называется менъ-дуана; въ этомъ названіи вторая воловина наводитъ на киргизское названіе особаго рода колдуновъ: дуана. Въ Алтай Русскіе знаютъ какіе-то „пьяные коренья“, настояи которыхъ заставляють человека повторять всѣ жесты другихъ людей, хотя бы они были неприличны ¹⁾; Алтайцы говорятъ, что человекъ, родившійся съ склонностью къ шаманству, достигши известнаго возраста, впадаетъ въ болѣзнь: при звукахъ бубна и при видѣ кривляющагося шамана съ нимъ дѣлаются конвульсіи, состоящія изъ раздражительныхъ шаманскимъ кривляньемъ движеній; эти повѣрья ведутъ къ заключенію, что сила, заключенная въ одуряющихъ растеніяхъ и въ шаманскихъ конвульсіяхъ, предполагалась одна и та же. Можжевельникъ, судя потому, что его ягоды бросаются въ огонь во время камланья, причисляется къ одуряющимъ растеніямъ; онъ носитъ въ Монголіи и южной Сибири интересныя имена: арча, арца, арже, аржанъ.

Къ одуряющимъ растеніямъ въ повѣрьяхъ близко стоятъ, и можетъ быть, съ ними смѣшиваются растенія, поддерживающія половую страсть. Въ монгольскомъ повѣрьѣ существуетъ трава буху-убюсунъ, которую отыскиваетъ и ѣстъ олень или изюбрь, когда яруеть; русскіе звѣровромышленики въ долинѣ Иркуты вѣрять, что медвѣдь, когда яруеть, грызетъ осину и бываетъ отъ того пьянъ. Подобное повѣрье, по нашему мнѣнію, подтверждаетъ предположеніе, что представленія о Громовникѣ и медвѣдѣ были тѣсно связаны у первобытнаго человека.

Третій отдѣлъ таинственныхъ растеній составляютъ тѣ изъ нихъ, которыя имѣють въ себѣ ядъ, или лѣкарственное вещество. Въ этомъ отдѣлѣ есть прямыя указанія на медвѣдя, какъ на открывателя таинственныхъ свойствъ этихъ растеній. Что медвѣдь будто лѣчится травами и ягодами, о подобномъ повѣрьѣ разказывается въ книгѣ г. Черасова: „Записки охотника Восточной Сибири“ и у Аппенкова; см. Ботан. - Словарь, подъ словомъ *Paris quadrifolia*, стр. 241; въ

¹⁾ Известная болѣзнь въ Сибири ииричество или омерячество заключается въ томъ, что омерякъ, то-есть, больной этой болѣзью, приведенный въ испугъ какою-нибудь внезапнымъ звукомъ, начинаетъ кривляться и подражать всѣмъ жестамъ людей, которыхъ видитъ передъ собою, хотя бы эти жесты были неприличны. Имя болѣзни омерякъ ср. съ тунгусскимъ именемъ медвѣдя ашигъа.

Вологодской губернии это растеніе называется медвѣжьей ягоды; крестьяне говорятъ, что медвѣдь, будучи болѣнь, ѣстъ ягоды этого растенія и выкапываетъ его корень. О сонъ-травѣ (*Luchniv viscaria*) г. Мельниковъ приводитъ легенду, что охотникъ однажды увидалъ, какъ медвѣдь выдралъ корень этого растенія и началъ его лизать, а потомъ охмѣлѣлъ. Охотникъ тоже началъ лизать этотъ корень и вскорѣ его одолѣлъ сонъ ¹⁾. Въ Забайкальѣ о Эмарскихъ минеральныхъ водахъ Буряты разсказываютъ, что онѣ открыты оленемъ (который, можетъ быть, замѣнилъ вѣдь медвѣдя); животное, въ которомъ гнались охотники, утомленное бѣгомъ, добѣжавъ до источника, бросилось въ воду и впровъ оживилось; охотники попили этой воды, и усталости какъ не бывало (сообщено г. Рейхманомъ ²⁾).

Эти повѣрья свидѣтельствуютъ, что первыя указанія врачебнаго искусства были приписываемы животному, стоящему въ близкихъ отношеніяхъ къ Громовнику. На послѣдняго указываетъ и одно бурятское повѣрье: Буряты говорятъ, что больнаго бѣшенствомъ, укушеннаго ядовитымъ животнымъ, слѣдуетъ отвезти на высокую гору, гдѣ живетъ птица хойлюкъ, и, доставъ мяса этой птицы, покормить имъ больнаго ³⁾; если этого не удастся сдѣлать, то достать перья этой птицы и окурить больнаго, или накопецъ, только доставить больному возможность слышать крикъ этой птицы.

Громовникъ, основатель человѣческаго вѣданія и искусства, былъ основателемъ и человѣческой религіи. Мы выше приводили свидѣтельства, что онъ представлялся, между прочимъ, и подъ видомъ перваго шамана, отъ котораго ведутъ свой родъ нынѣшніе шаманы. Абысь-хамъ, Тампъ-Тирхннъ, Тостогошъ, Тарханъ-бо, Одюго-бо, Кадылбашъ, Ханъ-Хурмосъ, Капраканъ, Ерсь, Бохоли-Хара, Моргонъ-Хара—всѣ эти имена перваго шамана должны быть, по нашему мнѣнію, отнесены къ Громовнику или къ той мифологической личности,

¹⁾ *Анненковъ*, Вѣстн. Словарь, подъ словомъ *Apehone ruten*, стр. 84.

²⁾ На кельтійскихъ монетахъ, найденныхъ въ Швейцаріи, медвѣдь изображенъ грызущимъ корень (*Bachofen*, *Der Var*, p. 10).

³⁾ Хойлюкомъ Буряты называютъ красноею галву (*Fregilus gascilus*); въ Монголіи этимъ именемъ зовутъ другую птицу, живущую въ такихъ же высокихъ мѣстахъ, но курной породы (*Megaloperdix*); Киргизы считаютъ вообще полезнымъ для здоровья котъ кусочекъ съѣсть мяса этой птицы; коэтоку, когда удастся убить ее, считаютъ долгомъ раздѣлить ее мясо между всеми присутствующими, хотя бы пришлось разрѣзать ее на кусочки въ нахерстоу величій.

которая стоитъ въ самомъ началѣ человѣческой жизни и человѣческаго знанія. Этотъ первый шаманъ былъ одаренъ сверхъестественною силой: онъ низводилъ молнію съ неба на землю; онъ невредимо вылеталъ изъ пламени, въ которомъ хотѣли его сжечь; онъ исцѣлялъ отъ болѣзни и возвращалъ къ жизни безусловно всѣхъ, кого постигала болѣзнь или даже смерть; онъ перелеталъ черезъ рѣки ¹⁾. Всѣ эти черты указываютъ, что этотъ первый шаманъ былъ самъ Громовникъ. Ему, конечно, слѣдуетъ приписать первую пѣсню на землѣ, которая есть, конечно, гимнъ шамана, вѣроятно, въ началѣ состоявшій только изъ однихъ звукоподражаній; на сѣверо-востокѣ Сибири и теперь еще пѣніе шамана состоитъ изъ однихъ кризываній какого-то имени, вѣроятно имени Громовника.

Этимъ объясняется, по нашему мнѣнію, замѣчаемое сходство именъ музыкальныхъ инструментовъ съ именами Громовника. Вубли, какъ мы видѣли въ началѣ статьи, по большей части носятъ общее съ нимъ имя: хэнгрикъ, тюнгуръ, тумиръ, тюр; это имя въ немного измѣненной формѣ шангыръ переходитъ у Вогуличей на струнный инструментъ ²⁾. Киргизское названіе балалайки, домбра, напоминаетъ монгольское слово домбуръ; этниъ немцемъ называется небольшой бубенъ, съ внутреннимъ боемъ, употребляемый въ буддійскихъ храмахъ; если это—не тибетское имя, то его можно отнести къ тому же корню, отъ котораго получили названіе и другія вышеприведенныя названія бубна. У сибирскихъ Татаръ отъ Абакана до

¹⁾ Подъ этимъ образомъ едва ли можно видѣть что-нибудь другое, какъ не реальное представленіе о грозѣ, пробѣгающей поперекъ долины. Въ горахъ Монголіи намъ самимъ приходилось испытать удовольствіе, которое оставляетъ въ душѣ это явленіе. Случалось вѣхать по долинѣ версты четыре въ поперечникъ; небо покрыто грозовыми тучами; кослышаламъ первый ударъ грома; овъ разделся за горой въ правую руку, пренатился поперекъ долины и замолкъ за горой въ лѣвой рукѣ; все это произошло въ нѣсколько секундъ. Легко понять, какіе предостереженія должны возникнуть въ душѣ дикари о быстротѣ того коня, на которомъ, какъ пріучаютъ думать сказки, ѣздитъ богатырь-громовникъ!

²⁾ Струнные инструменты не образовались ли изъ бубна? Киргизская балалайка имѣетъ видъ круглаго щипка, въ которому придѣланъ грибокъ; у китайскаго кишандзы этотъ щипкъ цилиндрическій; въ формѣ этихъ инструментовъ ближе будетъ китайскій бубенъ, который дѣлается съ ручкой, отчего онъ похожъ на черпакъ или уловникъ; и самъ текихъ бубенъ не видали, но имъ говорили, что они встрѣчаются въ Гучонѣ у Китайцевъ-гадальщиковъ; имъ случилось въ Кобдо видѣть только маленькіе подобныя бубенчики, въ качествѣ дѣтскихъ игрушекъ у китайскихъ дѣтей. Вубли съ щипкомъ употреблены у Чунчей (сообщилъ г. Нордквистъ).

Тобольска и у Урянхайцевъ балалайка называется джатыганъ, чатаганъ, ятаганъ, именовъ, которое напоминаетъ монгольское имя медвѣдя, утыганъ, и татарское названіе Семизвѣздцы, Джитыганъ, о громовнической природѣ которой говорилось не разъ въ этой статьѣ. Иртышскіе Остяки свой струнный инструментъ называютъ хотанъ; то-есть, лебедь; онъ дѣйствительно имѣетъ фигуру лебедя. Хотанъ ¹⁾ вѣроятно одного корня съ джатыганъ; и въ сказкахъ, по видимому, имя Джедыганъ переходитъ въ формы Киданъ, Коданъ. Что названіе музыкальнаго инструмента встрѣтилось здѣсь съ именовъ лебедя, не должно удивлять, потому что и въ другихъ случаяхъ, которые мы привели выше, лебедь является символомъ Громовника. Другое, именно якутское названіе лебедя, хуба, можетъ быть, слышится въ названіяхъ струнныхъ инструментовъ: киргизскаго кобысъ, малороссійскаго кобывъ (по-якутски хомысъ).

Отголосокъ сказанія объ этомъ первомъ шаманѣ можно видѣть въ разказахъ мусульманскихъ историковъ объ основателяхъ человѣческаго общества. У Рашидъ-Эддина онъ называется Игитъ-Иркыль-Ходжа ²⁾; ему приписываетъ Рашидъ-Эддинъ учрежденіе церемоній, раздачу поколѣніямъ имень и тавогъ; подобную же роль Абулгази приписываетъ родоначальнику всего турецкаго племени Тюрку. Оба эти имена, Тюркъ и Иркыль ³⁾, не слѣдуетъ ли считать за одно съ Тирхинъ въ имени перваго шамана Данъ-Тирхинъ? Рашидъ-Эддиновскій Иркыль-Ходжа распредѣлялъ по поколѣніямъ части мяса убитаго животнаго; не отголосокъ ли это монгольскаго сказанія о Бурханъ-Вакши, который распредѣляетъ пищу животнымъ, при чемъ забываетъ назначить, что ѣсть волку? Сказанія о Бурханъ-Вакши, которыя не безъ точекъ сопоставленія съ представленіями о Громовникѣ, приводятъ насъ къ признанію, что громовнику-шанану приписывалось не только учрежденіе вѣщныхъ признаковъ культа, но и внутреннее его содержаніе. Бурханъ-Вакши является въ монгольскихъ легендахъ страсотерцемъ и проповѣдникомъ любви и правды. Раньше мы сблизили имя Бурханъ съ Бурханомъ, царемъ—волкомъ и видѣли въ этомъ имени имя медвѣдя-громовника. Слѣдъ высокой нравственной миссіи,

¹⁾ Вѣроятно, подобный инструментъ подражывается въ Алтаи-Тобчи подъ именовъ (стр. 22) хотанъ—сирини, въ которой играетъ соперникъ Чингисъ-хана, Аргасунъ.

²⁾ Ист. Монг., введ., стр. 24, 25; ср. также Джиримъ Будуй на стр. 52.

³⁾ Ср. монгольское бурхель, алтайское джирани, снарядъ для винокуренія.

которая приписывается Бурхану-Бакши, видѣнъ и въ повѣрьяхъ сибирскихъ диварей о медвѣдѣ. Медвѣдъ повсюду является стражемъ клятвы или присяги, и почитается справедливымъ звѣремъ. Русскіе охотники въ Сибири увѣряютъ, что если медвѣдя не тронешь и онъ тебя не обидитъ. У Вогуловъ и Айновъ онъ считается небснаго происхожденія. Остатки по словамъ г. Полякова, думаютъ, что онъ сынъ неба. Торума ¹⁾, спустился на землю и здѣсь слѣдитъ за поправдой людей; если онъ обидитъ кого, тотъ, значитъ, совершилъ какой то грѣхъ. Якуты считаютъ медвѣдя очень справедливымъ звѣремъ и бичемъ жи ²⁾; поэтому самою сильною и святою клятвой считается та, при которой клянущійся держитъ въ зубахъ медвѣжью шкуру ³⁾. Въ Манчжуріи тѣ же идеи перенесены на тигра; о. Палладій свидѣтельствуешь, что по убѣжденію маньчжунъ тигры составляютъ царственное племя, господствующее въ цесурійскихъ горахъ и состоящее подъ управленіемъ горнаго духа, вслѣдствіе чего на лбу звѣря стоитъ знакъ ванъ, то-есть, князь. По волѣ горнаго духа, подчиненные ему тигры отнюдь не должны нападать на людей добрыхъ, погибаютъ отъ нихъ только люди не добрые ⁴⁾.

Вѣроятно, то же повѣрье о справедливости медвѣдя превратилось у крестьянъ Олонецкой губерніи въ повѣрье о „праведномъ лѣсѣ“. Лѣсомъ здѣсь называется то же, что въ другихъ мѣстахъ зовутъ лѣшникъ. Въ Заонежьи говорятъ, что надъ лѣсами господствуетъ царь, который носитъ имя Мусайна-лѣсъ; если лѣсъ обидитъ человека, то послѣдній идетъ съ челобитьемъ на обидчика къ царю Мусайнѣ. „Лѣсъ

¹⁾ Таруль на языкѣ урянхайцевъ медвѣжкомъ.

²⁾ Кн. Костровъ сообщалъ мнѣ случай, свидѣтельствующій о существованіи подобнаго повѣрья и у сибирскихъ крестьянъ. Одинъ знакомый ему охотникъ, крестьянинъ Минусинскаго округа, заходя въ лѣсу съ товарищемъ, увидѣлъ огонь; подойдя поближе, они подслушали разговоръ сидящихъ у огня; тѣ говорили о медвѣдѣ, котораго они наслѣдили и о предстоящей завтра охотѣ. Знакомый мн. Кострова охотникъ рѣшился предупредить ихъ; но медвѣдъ увидѣвъ это изломало и сошелъ съ своего мѣста; охотникъ сталъ понать звѣря и петкнулся на него совершенно нечаянно; медвѣдъ свалилъ его и сильно вымялъ, такъ что тотъ едва оправился отъ болячки; этотъ случай, чуть не стоившій ему жизни, послѣдствіемъ онъ всегда понималъ, какъ веру звѣря за то, что нарушилъ правило охотниковъ не захватывать дичь.

³⁾ Брэмъ, Иллюстр. жизни животныхъ, русск. перев., 596).

⁴⁾ Ср. тогто лѣсъ по фински; Metzolainen или герон—лѣсовика одной финской сказки, мадзадвй—медвѣдъ по новгольски.

⁵⁾ Изв. Геогр. Общ., т. VII, № 8, ст. о Палладіи: Уссурійскіе паньцун; стр. 377.

праведно⁴ гопорать въ Заопежь, то-есть, безъ причины не обидеть¹).

На этой вѣрѣ въ справедливость медвѣдя основаны обряды клятвы у сибирскихъ инородцевъ. У Мезенскихъ Самоѣдовъ клятва передъ мордою медвѣдя считается страшнѣйшею. Клянущійся рѣжетъ ножомъ медвѣжью шкуру и убѣжденъ, что въ случаѣ ложной присяги онъ будетъ разорванъ медвѣдемъ²). Подобный же обрядъ надъ медвѣжьею шкурою существуетъ у Алтайцевъ и другихъ инородцевъ Сибири.

По тѣмъ же народнымъ повѣрьямъ, медвѣдь представляется понимающимъ человѣческій языкъ. Якуты твердо убѣждены, что медвѣдь понимаетъ ихъ языкъ, оттого никогда не осмѣливаются говорить объ немъ худо, напротивъ держатся противъ него льстиво и умиленно. Остяки и Татары, по словамъ Татищева, поклонялись медвѣдю, просили его при встрѣчѣ, чтобъ онъ ихъ не съѣлъ, а проходилъ мимо. „и будто онъ зналъ ихъ языкъ“³). Алтайцы также считаютъ его понимающимъ языкъ людей, мало этого, чувствующимъ замыслы людей издалека; они воэутъ его ерь-кулакту, то-есть, съ землянымъ ухомъ. Енисейскіе Остяки, по словамъ Кастрена, о медвѣдѣ думаютъ, что это не звѣрь, что звѣриная шкура только покровъ, подъ которымъ скрывается существо, имѣющее человѣческій видъ и одаренное божеской силой и мудростью⁴); Айны на Сахалинѣ и гилыи на Амурѣ считаютъ медвѣдя сыномъ бога горъ, и какъ священному животному, приносятъ жертвы⁵).

Здѣсь медвѣдей держатъ въ семействахъ и упитываютъ рыбой. Бывшіе на островѣ Сахалинѣ разказываютъ объ Айнахъ, что нѣтъ у нихъ дома, въ которомъ не было бы любимаго животнаго. Это—постоянный товарищъ семейства. Шумливый и падождливый, онъ однако никогда не выгопяется. Народъ думаетъ, что женщины тайкомъ кормятъ животное грудью (ср. повѣрья о благодѣтельныхъ змѣяхъ, сосущихъ женщинъ или коровъ)⁶). „Впрочемъ“, говоритъ Брэмъ,—

¹) Или «лѣсъ» ср. съ литовск. *lasis*, медвѣдь; въ Нижегород. губ. о родахъ медвѣдницъ говорятъ «лоцвинтъ». Въ русскомъ лосѣ значитъ *Carcaia visca*, звѣрь, повѣрья о которомъ смѣшиваются съ повѣрьями о медвѣдѣ.

²) *Schrenk*, Reise, Th. I, s. 408.

³) *Н. Полова*, В. Н. Татищевъ. Москва, 1881, стр. 572.

⁴) *Изв. Сиб. Отд. Геогр. Общ.*, т. VII, н. 1 и 2.

⁵) *Изв. Сиб. Отд.* 1870, т. I, № 2, н. 3, стр. 31.

⁶) *Bachofen*, Der Var. p. 6.

„путешественники увѣряютъ, что почитатели ѣдятъ своихъ боговъ, когда тѣ ожирѣютъ, и это, конечно, противорѣчитъ нѣсколько обожанію“. Здѣсь Времъ разумѣетъ такъ-называемые медвѣжьи праздники. Выкормленный медвѣдь въ опредѣленный день торжественно, при народномъ собраніи, послѣ продолжительнаго нира, плясокъ, нѣсенъ и причитаній, выводится къ столбу, гдѣ его привязываютъ, убиваютъ, потомъ оплакиваютъ и съѣдаютъ ¹⁾. Не эти ли праздники дали содержаніе тѣмъ сказаніямъ о самоотверженности Бурханъ-бакши, къ которыхъ онъ обращается то въ яйца и даетъ себя съѣсть, то въ рыбу, лежащую на боку? Звѣрм гложутъ одинъ бокъ ея, обращенный кверху, но не въ силахъ перевернуть громадную рыбу, чтобы обнаружить свѣжій бокъ; в Бурхунъ-Бакши самъ милостиво поворачивается и даетъ звѣрямъ доѣсть другой свой бокъ. Интересно было бы приобрѣсть причитанія, которыя произносятся Гылаками и Айнами надъ трупомъ убитаго медвѣдя.

Мнѣ хотѣлось подѣлиться съ читателями тѣми выводами, къ которымъ я пришелъ, сравнивая разнообразныя мненія и сказанія среднеазиатскихъ народовъ. Собирая ихъ лично, мнѣ приходилось въ то же время наблюдать отчасти тотъ психическій процессъ въ душѣ дикаря, которымъ онъ совершалъ свои обобщенія, и благодаря этому наблюденію, мнѣ удавалось подмѣтить связь тамъ, гдѣ въ нашемъ европейскомъ логическомъ мышленіи не можетъ быть, по видимому, никакой связи. Мнѣ хотѣлось показать, какъ дикарь съ своимъ дѣтскимъ живымъ воображеніемъ, одухотворяя грозное явленіе, представлялъ его въ видѣ живаго грозно ревущаго божества или рисовалъ его себѣ въ видѣ медвѣдя, лося или жеребца или съ дальнѣйшимъ развитіемъ своихъ понятій, придавалъ своему божеству болѣе разумности, представлялъ его къ видѣ существа, ѣдящаго на какомъ-то страшно гремящемъ животномъ. Такъ какъ вся жизнь дикаря находилась въ тѣсной зависимости отъ совокупно дѣйствующихъ силъ неодушевленной и животной природы, то и въ его представленіяхъ объ идеѣ добра и справедливости получили участіе, какъ явленія небесныя и грозныя, такъ и различныя животныя, и въ особенности медвѣдь, какъ выдающееся животное по силѣ. Вотъ почему мы и

¹⁾ См. *Депрерадовичъ*, *Этнограф.* очеркъ южнаго Сахалина, въ *Сборникѣ истор. стат. о Сибирѣ* С.-Пб. 1876; т. II, в. 1, с. I. *Анскій словарь Доброморскаю*, стр. 60—62.

закончили свою статью этими разказами о легендахъ, приписывающихъ медвѣдю судъ надъ людскою совѣстью. Не знаю, достаточно ли ясно выступаютъ изъ нашей статьи мысли, которыя мы намѣреши были изложить. Будемъ надѣяться, что нашъ опытъ представить картину первобытныхъ взглядовъ сибирскихъ дикарей дастъ поводъ выступить на этотъ путь другимъ лучше подготовленнымъ и болѣе искуснымъ изслѣдователямъ.

Г. Шотанинъ.
